

Джеральд Даррелл Поймайте мне колобуса

Джеральд Даррелл **ПОЙМАЙТЕ МНЕ
КОЛОБУСА**



Джеральд Даррелл;
«Поймайте мне колобуса»; Внешторгиздат; Киев; 1991

Аннотация

Советскому читателю полюбились герои произведений Джеральда Даррелла – известного английского ученого-натуралиста, основателя Джерсийского зоопарка,

где собраны редкие и редчайшие виды животных, которым грозит вымирание. В предлагаемой книге, продолжая тему уже переведенного на русский язык «Поместья-зверинца», Даррелл рассказывает об образе жизни и повадках обитателей своего зоопарка, о его пополнении и новых экспедициях в Западную Африку и Мексику.

Полная богатого фактического материала и написанная в присущей Дарреллу живой и остроумной манере книга «Поймайте мне коLOBуса» проникнута идеей охраны окружающей среды. Ее с большим интересом прочтут самые широкие круги читателей.

Предисловие

Я немного завидую тем, кто сейчас открывает эту книгу, – им еще предстоит получить удовольствие от встречи с Джеральдом Дарреллом и его героями... Сегодня советскому читателю уже не надо представлять автора книги: после выхода в свет на русском языке «Зоопарка в моем багаже», «Переполненного ковчега», «Гончих Бафута» и многих других его имя у нас так же хорошо известно, как и в других странах. Сказать, что переводы этих книг не залеживаются на прилавках – только полуправда, они раскупаются практически в тот же день, когда поступают в магазин. В чем же причина их популярности?

На мой взгляд, причин не одна, а по крайней мере три. Первая из них – всепоглощающая любовь к природе и удивительный талант натуралиста, присущие Дарреллу. Немногими словами он способен нарисовать на редкость точный портрет того или иного животного, двумя-тремя фразами охарактеризовать образ его жизни и повадки, причем по верности и выразительности характеристика эта не уступит самому строгому научному описанию. Вот почему его наблюдения интересны не только широкому кругу любителей природы, но и специалистам-зоологам.

Вторая причина популярности Даррелла обусловлена его бесспорным писательским мастерством. Превосходно построенный сюжет, отточенность повествования – если даже речь идет о самой маленькой главке, – юмор и лиризм, которыми проникнуто его творчество, умение поставить точку в нужном месте – все это позволяет считать книги Даррелла произведениями зрелого и опытного беллетриста.

Но есть третья, пожалуй, главная причина популярности имени Джеральда Даррелла – его практическая деятельность. В мире много превосходных натуралистов, встречаются среди них и хорошие писатели, но пока очень мало людей со столь обостренным чувством личной ответственности за судьбы животного мира нашей планеты, как Даррелл. В 1958 году на

острове Джерси, что в проливе Ла-Манш, он создал небольшой зоопарк, поставив перед собой единственную цель: спасти от полного уничтожения редкие и редчайшие виды животных. Ныне Джерсийский зоопарк известен всему миру. Так от словесной пропаганды охраны природы Джеральд Даррелл перешел к конкретным действиям – пример, достойный подражания.

Идея сохранения единичных животных, обреченных на вымирание, с тем чтобы в дальнейшем их можно было размножить и расселить в природе, не нова. Именно так был спасен от полного истребления знаменитый олень Давида, сохранявшийся в Китае в одном из дворцовых парков и уничтоженный там во время Боксерского восстания. Сравнительно недавно стараниями английских зоологов удалось спасти от полного уничтожения гавайскую казарку; теперь ее численность такова, что какое-то время можно не опасаться за судьбу этого вида. Но множество других животных находится на грани уничтожения в прямом смысле слова; сохранение и размножение таких видов в специальных парках – порой единственная мера их спасения. Конечно, мера эта временная, так как после длительного разведения в неволе звери и птицы могут потерять способность жить в природной обстановке. Однако в критические моменты существования вида подобную помощь трудно переоценить. Весь свой организаторский талант, все свои знания, все средства, получаемые от издания своих книг, Джеральд Даррелл подчиняет главной цели – отлову и спасению диких животных, разработке эффективных способов их содержания в неволе. В этой притягательной для всех любителей природы деятельности и заключается одна из основных причин его постоянно растущей популярности.

Несколько слов о книге «Поймайте мне колобуса». Ее с одинаковым интересом прочтут и те, кто впервые взял в руки произведение Даррелла, и те, кто знаком с его творчеством по предыдущим книгам. Описание повседневной напряженной, подчас комической, а порой и трагической жизни обитателей

зоопарка на острове Джерси вряд ли оставит равнодушным кого-либо из читателей. Перед их глазами пример того, как небольшая группа исследователей– энтузиастов не щадя сил борется за жизнь своих подопечных, ищет и находит пути к успешному содержанию в неволе редчайших зверей и птиц: белоухого фазана, гверец и леопардов, тапиров и многих других. Вместе с автором книги читатель совершает путешествие в Западную Африку, где, став как бы участником очередной экспедиции Даррелла, встречается с представителями животного мира этой части африканского континента, а затем и в Мексику, специально за вулканическим кроликом и толстоклювым попугаем. Впрочем, вряд ли нужно пересказывать здесь содержание книги...

Закрыв последнюю страницу, читатель, я полагаю, вправе задать естественный вопрос: а как обстоят дела со спасением исчезающих видов животных в нашей стране? Можем ли мы создать службу наподобие той, начало которой положено зоопарком на острове Джерси? Несомненно, сделать это можно и нужно. Уже сейчас достигнуты немалые успехи. Наши заповедники, хоть и не такие обширные, как хотелось бы, реально осуществляют охрану множества ценных и редких животных. В последние годы, особенно после известных постановлений партии и правительства об охране окружающей среды, растет число новых заповедников и расширяется площадь уже существующих. Курс охраны природы вводится в качестве обязательного в программы не только биологических факультетов, но, что еще важнее, – инженерно-технических институтов. В Советском Союзе и в других социалистических странах проблема охраны природы решается в общегосударственном масштабе, неизмеримо проще и эффективнее, чем в западных странах. Достаточно сослаться на пример восстановления в СССР промысловой численности соболя, лося, сайгака; вскоре и бобр станет объектом пушного промысла.

Однако это не дает нам права успокаиваться на

достигнутом; и нам приходится с озабоченностью относиться к проблеме охраны животного мира. Все меньше становится в водоемах чудесного насекомоядного зверька – выхухоли, поштучно считаем мы тигров и куланов, все более редкими становятся некоторые виды осетровых и лососевых рыб и т. д. и т. п. И в этом отношении опыт и методы, успешно разрабатываемые Дарреллом и его сотрудниками, могут в известной степени пригодиться и нам. Сейчас необходимо пересмотреть роль зоопарков и уделять им внимание не только как зрелищным учреждениям, но и как одному из важных участков общего фронта охраны природы. К деятельности зоопарков надо привлечь внимание широкой общественности. Многие крупные зоопарки нашей страны могут стать подлинными центрами сосредоточения редких и вымирающих видов животных.

Наконец необходимо подчеркнуть еще одну чрезвычайно важную сторону деятельности, направленной против вымирания того или иного вида животных или растений. Речь идет не только – и не столько – об этическом и гуманном аспектах проблемы (хотя и они очень и очень существенны в нашем урбанизированном мире), сколько о сохранении уникального генетического фонда живой природы. Помните: каждый вид организмов генетически уникален и, погибнув, он навсегда лишает человечество возможности использовать очень важные, быть может, завтра или послезавтра результаты эволюции, длившейся миллионы лет. Сошлюсь на один лишь пример. Около двухсот лет назад была истреблена стеллерова корова – безобидное прибрежное млекопитающее из отряда сиреновых, питавшееся водорослями и жившее в северной части Тихого океана. Тем самым люди потеряли реальную возможность одомашнить это животное и создать бесчисленные стада на пустующих ныне подводных пастбищах.

Вот почему дело, о котором с таким увлечением пишет Джеральд Даррелл и которому он посвятил свою жизнь, имеет важнейшее значение для всего человечества. Можно

только пожелать успеха подобным начинаниям и их широкому распространению по всем мире.

А. Яблоков

1. ЧИСТИМ-БЛИСТИМ

*Уважаемый мистер Даррелл,
Меня давно занимают кенгуровые
сумки...*

Встреча с зоопарком после очередной зарубежной экспедиции для меня всегда волнующее событие. Увидеть новые клетки, которые я представлял себе только по чертежам, новых животных, узнать о счастливых родах, услышать нестройный приветственный хор шимпанзе и голоса прочих животных, которые радуются, что я вернулся... Словом, обычно возвращение складывается очень приятно и интересно.

Но на этот раз, после довольно долгого путешествия по Австралии, Новой Зеландии и Малайе, я с ужасом обнаружил, что мой драгоценный зоопарк выглядит жалким и запущенным. А тут еще выяснилось, что мы на грани банкротства. Меня будто обухом по голове ударили – столько трудов и денег вложено, и вот на тебе! Вместо того чтобы отдохнуть после напряженной поездки, надо было срочно придумывать, как спасти зоопарк.

Первым делом, естественно, я взял в свои руки бразды правления, а пост заместителя директора предложил Джереми Молинсону, работающему в зоопарке со дня его основания. Я знал Джереми как человека безупречной честности, знал также, что он горячо любит животных. К тому же он поработал во всех отделах и хорошо представлял себе наши проблемы. Получив его согласие, я облегченно вздохнул.

После этого я созвал руководителей отделов и объяснил, как обстоят наши дела. Сказал, что над зоопарком нависла серьезная угроза, но, если они согласны остаться и засучив рукава работать за гроши, есть надежда выбраться из трясины. Все они – честь им и хвала! – согласились. Теперь я хоть знал, что животным обеспечен хороший уход и с ними

ничего не случится.

Далее, надо было подобрать толкового секретаря, а это оказалось не так-то просто. Я дал объявление в газету, указав, что требуется знание стенографии, машинописи и, самое главное, бухгалтерии. К моему удивлению, кандидаты повалили, валом. Однако, знакомясь с ними, я убедился, что половина претендентов не в ладах с элементарной арифметикой и большинство никогда не видело пишущей машинки. Один молодой человек прямо сказал, что отозвался на мое объявление, рассчитывая приобрести нужную квалификацию по ходу дела.

Побеседовав с двумя десятками таких недоумков, я уже начал отчаиваться. Но тут настала очередь Кэт Уэллер. В мой кабинет танцующей походкой вошла пухлая маленькая особа с живыми зелеными глазами и добродушной улыбкой. Она объяснила, что ее мужа перевели из Лондона на Джерси и ей пришлось расстаться с местом, на котором она проработала семнадцать лет. Ну, конечно, она знает счетоводство, стенографию и машинопись. Я поглядел на Джеки, Джеки поглядела на меня. Чутье подсказывало нам, что случилось чудо: мы нашли то что нужно. Через несколько дней Кэт Уэллер приступила к работе и принялась разгребать завал, образовавшийся в делах за мое отсутствие.

В то время на зоопарке висело две задолженности. Одна – двадцать тысяч фунтов, которые были вложены в строительство и оборудование; вторая – четырнадцать тысяч, эту сумму составили перерасходы и текущие долги. Естественно, следующей моей задачей – весьма нелегкой – было раздобыть достаточно средств, чтобы свести концы с концами и не дать погибнуть зоопарку. На это ушло немало времени. И все это время Джереми, еще не освоившийся с новой должностью, приходил ко мне советоваться насчет животных, а Кэт требовала консультации по непривычным для нее финансовым проблемам. Вынужденный решать все вопросы и одновременно ломать голову над тем, как спасти зоопарк, я впал в такую мрачность, что в конце концов

Джеки, как я ни упирался, пригласила нашего врача.

– Да ничем я не болен, – твердил я. – Просто забот много. Сделай мне какой-нибудь укол, чтобы сил прибавилось.

– У меня есть средство получше, – ответил Майк, – Ты получишь таблетки.

И он прописал мне какие-то жуткие на вид пилюли, приказав принимать по одной в день. Ни Майк, ни я не подозревали, что тем самым он внес огромный вклад в спасение зоопарка. Сейчас объясню, каким образом.

К числу наших давних и самых близких друзей на Джерси принадлежали Хоуп и Джимми Плет. Джимми большую часть времени находился в Лондоне, но Хоуп была частым гостем зоопарка и заходила к нам выпить рюмочку. И так совпало, что она навестила нас в тот самый вечер, когда я по ошибке вместо одной пилюли транквилизатора принял две и сильно смахивал на человека, находящегося в последней стадии опьянения. Сто килограммов веса придают Хоуп внушительный вид, и она неодобрительно смотрела, как я иду ей навстречу, путаясь в собственных ногах.

– Что это с тобой? – властно спросила она. – Перебрал?

– Какое там, – ответил я. – Если бы! Эти проклятые транквилизаторы... Я принял две таблетки вместо одной.

– Транквилизаторы? – В ее голосе звучало недоверие. – С чего это они тебе понадобились?

– Присядь, я налью тебе рюмочку и все расскажу, – предложил я.

Около часа я изливал ей душу. Выслушав меня, Хоуп оторвала от кресла свои килограммы и выпрямилась во весь рост.

– С этим будет живо покончено, – твердо произнесла она. – Чтобы ты, в твои годы, глотал транквилизаторы! Я этого не допущу, немедленно переговорю с Джимми.

– Ну вот, еще и Джимми в это втягивать... – начал я.

– Слушай, что мамочка говорит, – оборвала меня Хоуп. – Я потолкую с Джимми.

Сказано – сделано, и вот уже мне звонит Джимми: не могу ли я заехать и ввести его в курс дела? Я заехал к нему и рассказал о своем замысле – как только зоопарк станет самокупаемым, превратить его в коммерческое предприятие, учредив своего рода трест. Но с такой огромной задолженностью ни о каком тресте не может быть и речи... Джимми вполне разделял мое мнение.

– Что ж, – произнес он, поразмыслив, – я вижу только один выход: обратиться с призывом к общественности. Для начала ты получишь от меня две тысячи фунтов на самые неотложные расходы. Кроме того, запиши еще две тысячи в подписной лист, чтобы поощрить других. Если воззвание поможет, можно будет двигаться дальше.

Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать. Я возвращался домой словно в забытии. Кажется, зоопарк все-таки удастся спасти!

Напечатать воззвание не так просто, как вы думаете. И не всякое воззвание венчается успехом. Но у нас был верный союзник – местная газета «Ивнинг пост»; она очень лестно охарактеризовала то, что нами уже сделано, и объяснила, что предстоит выполнить. Итак, наше воззвание получило ход, и в поразительно короткий срок мы собрали двенадцать тысяч фунтов. Больше всего меня тронули два взноса: пять шиллингов от одного мальчугана, который явно пожертвовал всем своим наличным капиталом, и пять фунтов от служащих Джерсийского зоопарка.

Полученные двенадцать тысяч фунтов должны были составить оборотный капитал треста, тратить их на текущие нужды мы не могли. Но хитроумный план Джимми предусматривал решение и этой проблемы. Оба мы отлично понимали, что нельзя учредить трест, пока не покрыта изначальная задолженность. А когда это будет сделано, двенадцать тысяч составят неплохой капитал, с которого можно начать, хотя он и недостаточен для основательного расширения и перестройки зоопарка.

Вот почему я обязался уплатить из предстоящих

гонораров двадцать тысяч фунтов банку, который весь извелся от тревоги за свои деньги, и передать зоопарк со всем его имуществом тресту. В итоге на свет появился Джерсийский трест охраны диких животных; он стал официальным владельцем, а я занял пост почетного директора треста и зоопарка. В руководящий орган треста вошли сочувствующие нашим целям деятели; лорд Джерси согласился стать председателем Совета. Своей эмблемой мы избрали дронта – огромную нелетающую голубеобразную птицу, которая некогда обитала на острове Маврикий, но была истреблена, как только остров открыли европейцы. Печальный пример того, как неразумные и жадные люди способны в удивительно короткий срок стереть с лица земли тот или иной вид фауны.

Однако наши трудности на этом не кончились; положение оставалось весьма напряженным. Втайне от Хоуп Плет я по-прежнему глотал транквилизаторы; ведь мне, кроме всего прочего, предстояло написать книгу – задача, за которую я всегда берусь с превеликим отвращением. Но теперь надо мной висел дамоклов меч: только пером я мог заработать нужную сумму для расплаты с банком.

Книга получила название «Поместье-зверинец», в ней я объяснил, ради чего устроил зоопарк и почему через некоторое время решил создать трест. Пожалуй, здесь лучше всего повторить то, что я писал, тогда:

«Я задумал не простой зоопарк с традиционным набором животных... мне хотелось, чтобы мой зоологический сад способствовал охране фауны. Распространение цивилизации по континентам привело к полному или почти полному истреблению многих видов. О крупных животных еще пекутся: они важны для туризма или для коммерции. Но в разных концах света есть немало очень интересных мелких млекопитающих, птиц и рептилий, которых почти не охраняют, так как от них ни мяса, ни меха. И туристам они не нужны, тем подавай львов да

носорогов. Большинство мелких видов – представители островной фауны, ареал у них совсем маленький. Малейшее покушение на этот ареал – и они могут исчезнуть навсегда. Достаточно завезти на остров, скажем, несколько крыс или свиней, и через год какого-то вида уже не будет...

На первый взгляд задача кажется простой: стоит только наладить надежную охрану диких животных, и они уцелеют. Но это подчас легче сказать, чем сделать. А пока идет борьба за такую охрану, надо принять другие меры предосторожности – создать в заповедниках и зоопарках достаточный резерв исчезающих животных; тогда, если случится худшее и эти виды перестанут существовать на воле, они все же не будут безвозвратно потеряны. Более того, резерв позволит в будущем отобрать приплод и вновь расселить вид на его родине. Это всегда казалось мне главной задачей каждого зоопарка, но большинство зоологических садов лишь недавно осознало серьезность положения и приняло какие-то меры. Я хотел сделать спасение исчезающих видов главной задачей своего зоопарка» [Дж. Даррелл, Зоопарк в моем багаже. Поместье-зверинец, М., изд-во «Мысль», 1968, 1973 – Прим. перев.].

Учредить трест оказалось сложнее, чем я ожидал. Возникло множество проблем, начиная от размера взносов (завысишь – люди не смогут вступать в трест, занизишь – от взносов не будет проку) и кончая такими деталями, как подготовка и распространение брошюр, разъясняющих наши цели и задачи. По мере выхода моих книг я получал немало писем, на каждое из них мы отвечали, а копии ответов хранились в архиве. Теперь всем нашим корреспондентам мы разослали брошюры с бланком вступительного заявления. К моей великой радости, подавляющее большинство тотчас вступило в трест. Тут подоспела книга «Поместье-зверинец», в которой я приглашал читателей вступать в трест. На счастье, она имела успех, и нашлись желающие пополнить наши ряды. Число членов треста во всех концах света

возросло до семисот пятидесяти. Меня особенно воодушевляло, что жители таких далеких стран, как Австралия и США, поддерживают начинание, плоды которого им, быть может, не придется узреть.

Хотя судьба зоопарка по-прежнему висела на волоске, на горизонте маячили первые признаки успеха, и мы трудились как черти. Сказать, что в конце рабочего дня мы были совершенно измотаны, значит ничего не сказать. Именно в это время на меня обрушилась лавина телефонных звонков, причем раздавались они в самое неподходящее время. Какая-то женщина из Торки в графстве Девоншир позвонила мне в разгар ленча, чтобы выяснить, как поступить с яйцами, которые только что отложила ее черепаха. Владелице травяного попугайчика понадобилось узнать, как подстричь когти ее любимцу... Но окончательно доконал меня звонок, раздавшийся в одиннадцать часов вечера, когда я дремал у камина. Междугородная сообщила, что меня вызывает Шотландия, некий лорд Макдугал. Наивно заключив, что его милость вознамерился пожертвовать внушительную сумму тресту, я попросил телефонистку соединить нас И с первых же слов моего собеседника понял, что он чересчур рьяно припадает к источнику, из которого многие черпают премудрость и красноречие.

– Эт-та Даррелл? – осведомился он.

– Да, – ответил я.

– Яшно... Так вот, во вшей Англии только вы можете мне помочь. У меня тут птица.

Я подавил стон: еще один травяной попугайчик...

– Я владелец... шудовладелец... Чувствовалось, что своим языком его милость владеет плохо.

– И на один из моих пароходов залетела эт-та... эт-та птица, и капитан шечаш доштавил ее мне. Так вот... Вы можете ей помочь?

– Ну, а что это за птица? – спросил я.

– Маленькая такая пичужка...

Не очень-то полная зоологическая характеристика.

– Вы не можете описать ее – размеры, окраска?

– Ну... она шовшем маленькая... б-буроватая, да... ш б-белой грудкой. Ножки шовшем крохотные... малю-юшенькие... Даже удивительно, какие крохотные...

– Видимо, это качурка, – предположил я. – Они нередко залетают на палубы судов.

– Я шечаш же зафрахтую поезд и а-атправлю ее вам, ешли вы можете ее шпашти, – разошелся сиятельный судовладелец.

Я принялся втолковывать ему, что это бесполезно. Качурки большую часть жизни проводят над морскими просторами, кормясь мелкими организмами, и содержать их в неволе почти невозможно. И вообще, даже если он отправит мне пичугу, она вряд ли перенесет путешествие.

– Рашходы меня не пугают, – твердил его милость.

В эту минуту кто-то отнял у него трубку, и я услышал чрезвычайно аристократический девичий голос:

– Мистер Даррелл?

– Да.

– Я должна извиниться за папу. Боюсь, он немножко не в форме. Ради бога, не обижайтесь.

Тут же ее перебил голос лорда.

– Вше что угодно, – настаивал он. – Гоночная машина... шамолет... только шкажите...

– Боюсь, даже если вы сумеете ее доставить, я все равно ничего не смогу сделать, – сказал я.

– Передаю трубку моему капитану, он вше обяшнит.

– Добрый вечер, сэр, – произнес суровый голос с шотландским акцентом.

– Добрый вечер.

– Так, по-вашему, это качурка? – спросил капитан.

– Да, скорее всего. Так или иначе, все что можно сделать, – это подержать птицу до утра в тепле, в темной комнате, а потом отправить на какой-нибудь из ваших пароходов. Как только пароход отойдет достаточно далеко в море – скажем, на две-три мили, – птицу можно выпускать.

– Понятно. Вы уж извините, что мы побеспокоили вас так поздно, но его милость настаивал на этом.

– Ну, конечно, я... гм... я все понимаю.

– Дело в том, – продолжал шотландец, – что у его милости очень доброе сердце и он очень любит птиц, но сегодня вечером он немножко не в форме.

– Я так и понял, – ответил я. – Завидую его состоянию.

– Гм... так точно... Ну... что ж, сэр, пожелаю вам спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил я и положил трубку.

– Что там такое приключилось? – нетерпеливо спросила Джеки.

– Какой-то пьяный лорд звонил, хотел прислать мне качурку, – объяснил я, опускаясь в кресло.

– Ну, знаешь! – возмутилась она. – Все, хватит, пусть нам дадут секретный номер.

Мы получили секретный номер, и с тех пор лавина бестолковых звонков, слава богу, схлынула.

На другое утро я рассказал о случившемся Кэт; она выслушала меня с сочувственной улыбкой и спросила:

– А ты слышал про Джереми и крота?

– Нет, а что?

Вот что рассказала Кэт.

Джереми вез на грузовике мусор после уборки в Доме млекопитающих. На его пути были две высокие арки, и перед второй аркой он увидел ползущего по дорожке крота. Джереми круто затормозил, вылез из грузовика и стал подкрадываться к кроту, чтобы поймать его и отнести в поле, подальше от грозящих опасностей. Подойдя вплотную, он увидел, во-первых, что крот мертв и, во-вторых, что к нему привязана бечевка, которую кто-то потихоньку тянет. Следуя за бечевкой, Джереми обнаружил на другом конце весь персонал отдела пернатых в лице Шеп Мэлита.

Надо сказать, что Шеп уже давно не устраивал розыгрышей, и в этом случае я усмотрел хороший признак, свидетельство того, что подавленное, мрачное настроение,

которое я застал в зоопарке, когда вернулся из экспедиции, сменилось надеждой и воодушевлением.

Однако, как ни нуждались мы тогда в надежде и воодушевлении, без денег от них было мало проку. Наши клетки служили уже пять лет, и требовались наличные, чтобы капитально отремонтировать их, причем не как-нибудь, а по генеральному плану. Мы чуть не каждый день ставили подпорки, хотя на самом деле пришла пора ломать старые клетки и заменять их новыми. Птицы и мелкие млекопитающие еще могли подождать, но для более крупных и опасных животных надо было принимать экстренные меры. Хоуп и Джимми помогли мне создать трест, однако мы по-прежнему остро ощущали нехватку в деньгах, особенно на клетки для тех животных, которые, вырвавшись на волю, могли бы представить смертельную угрозу для окружающих.

Уповая на доброту посетителей, мы повесили копилку и лист бумаги с коротеньким рассказом о целях и задачах треста в том конце Дома млекопитающих, где размещались гориллы. И, надо сказать, копилка постепенно наполнялась.

Однажды, когда служащие разошлись на второй завтрак, я направился в Дом млекопитающих, чтобы провести мартышку, которая, по нашим предположениям, ожидала потомства, и с ужасом обнаружил, что дверь клетки орангутанов распахнута и еле держится на петлях. Я ринулся туда; к счастью, оба орангутана оказались на месте. Судя по всему, старший из них, Оскар, подобрал какое-то орудие, взломал им дверь и обследовал Дом млекопитающих. Среди заинтересовавших его предметов только один удалось легко отделить от стены и унести с собой как сувенир – это была копилка Джерсийского треста охраны диких животных. Внутри копилки что-то гремело, и Оскар принялся ее трясти, но из щели ничего не высыпалось. Тогда он расковырял замок маленькой дверцы сзади. И когда я прибыл на место происшествия, Оскар восседал на груде монет разного достоинства. Он был крайне возмущен, когда я вошел в клетку, забрал у него копилку и принялся собирать монеты.

Моя задача отчасти осложнялась тем, что я не знал, сколько денег было в копилке. Во всяком случае, не мешает хорошенько порыться в соломенной подстилке... Тут я поглядел на пухлую рожицу Оскара и заметил, что его щеки оттопыриваются сильнее, чем обычно.

– Оскар, – строго произнес я, – у тебя во рту что-то есть. Ну-ка, отдай.

Я протянул руку, и орангутан с величайшей неохотой выплюнул мне на ладонь пять полукрон и четыре шестипенсовика.

– Это все? – спросил я.

Миндалевидные глазки ничего не выражали. Я положил деньги обратно в копилку, выбрался из клетки, кое-как приладил дверь и направился к слесарю, чтобы попросить его заняться ремонтом. И тут изо рта Оскара в меня полетело еще одно пенни – дескать, на, подавись!

Но решающим событием, после которого мы поняли, что необходимо возможно скорее приобрести новые клетки для человекообразных обезьян, явился побег шимпанзе. Дело было на рождество, мы пригласили к себе на праздничный обед Кэт и ее мужа, Сэма. Рождество – единственный день в году, когда зоопарк закрыт для посетителей, и нам очень повезло, что сотрудники еще находились на территории и не разъехались по гостям.



...Индейка поджарена как раз в меру, каштаны распространяют упоительный запах, зелень приготовлена – вдруг без четверти час распахивается дверь и в комнату врывается один из служащих:

– Мистер Д, мистер Д, шимпанзе сбежали!

Я приобрел Чолмондли, или Чамли, как мы обычно его называли, совсем младенцем, но уже тогда был случай, когда моя мать попыталась помешать ему безобразничать и он укусил ее за руку, да так, что пришлось наложить семнадцать швов. Теперь Чамли ростом и весом почти догнал меня, и мне вовсе не улыбалось схватиться с ним или с его супругой Шееной, которая не уступала ему габаритами.

– Где они? – спросил я.

– Сейчас войдут во двор.

Я бросился к окну гостиной. Правда, вот идет Чамли в сопровождении Шеены, она нежно положила ему руку на плечо – ни дать ни взять пожилая пара во время моциона по берегу морского курорта. В ту же минуту во двор въехала машина и остановилась у крыльца; это прибыли Кэт и Сэм. При виде незнакомого существа Шеена явно насторожилась, зато Чамли приветствовал его радостным гиканьем. Автомобиль для него не был новостью, в детстве Чамли много раз ездил со мной и любовался в окошко домами и встречаемыми машинами. Вот и теперь он подошел и принялся колотить по стеклам в надежде, что Кэт откроет дверцу и подвезет его, однако она не вняла его призыву.

Крикнув Джеки, чтобы она заперла квартиру, я ринулся вниз по лестнице, закрыл дверь своего кабинета, отпер канцелярию и распахнул входную дверь. При виде меня Чамли приветственно заухал и направился трусцой к дому. Я пронесся через канцелярию и открыл дверь в коридор, из которого можно было попасть в большую кухню, обслуживающую кафе, и на второй этаж, где помещались комнаты персонала. Только бы удалось заманить шимпанзе на кухню, а уж там как-нибудь сумеем их изловить!

Затем я вышел из дома, обогнул его, снова вошел через черный ход и укрывшись в засаде за дверью, ведущей в канцелярию.

Чамли уже входил в парадную, решив провести меня и поздравить с рождеством; Шеена не отставала от него. Единственный свободный путь вел в канцелярию, туда они и проследовали. Закрывать за ними дверь было делом секунды. Теперь хоть бы поскорее прошли из канцелярии в коридор – не то, как доберутся до наших папок, будет беда! Слава богу, не застав никого в канцелярии, Чамли не стал задерживаться. Но, очутившись в коридоре, он оказался перед выбором: то ли пройти на кухню, то ли подняться на второй этаж. Чамли был хорошо знаком с лестницами, ведь его детство прошло в многоэтажном доме, где мы тогда жили. Заключив, что лестница может привести его ко мне, он затопал вверх по ступенькам; Шеена нерешительно шагала за ним. К счастью, все комнаты были закрыты. Все, кроме одной, и, конечно же, именно туда направились шимпанзе.

Мы сопровождали их на почтительном расстоянии и, как только они вошли в комнату, захлопнули дверь и повернули ключ, после чего поспешили наружу, отыскивали приставные лестницы и поднялись к окнам, чтобы посмотреть, чем занимаются гости. Чамли был очень доволен, он обнаружил в комнате раковину и кусок мыла, отвернул до отказа оба крана и принялся мыть руки – это занятие ему с детства очень нравилось. А Шеена упоенно прыгала на кровати, прижимая к животу подушку. Вдруг она открыла замечательный эффект: если зацепить подушку ногтями и хорошенько дернуть, в воздух взлетают тучи перьев! Шеена тотчас расправилась с обеими подушками, и комната приобрела такой вид, словно в ней бушевала вьюга. Изрядное количество перьев попало в раковину и плотно закупорило сток. Вскоре вода хлынула через край, потому что Чамли уже потерял интерес к раковине. Вместе с Шееной он усердно разбирал постель. Дойдя до матраца, они обнаружили, что его тоже можно разорвать и разбросать по комнате содержимое.

И к перьям прибавились куски пенопласта, конский волос и прочие материалы.

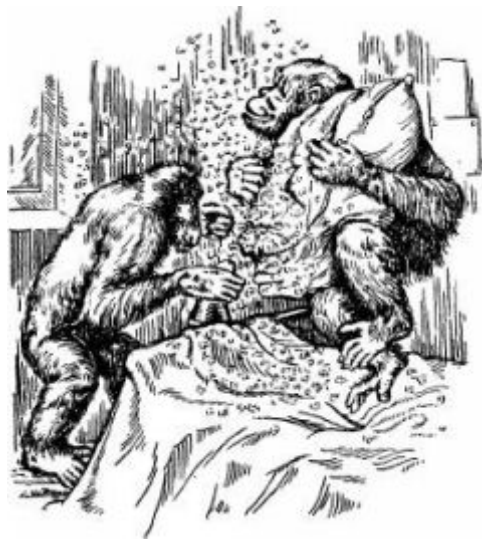
Я провел короткое совещание с Джереми. Есть подходящая клетка для шимпанзе, достаточно большая и крепкая, но она стальная, потребуется не меньше шести человек, чтобы ее поднять... Вряд ли мы сумеем втащить ее по лестнице на второй этаж.

– Единственный выход, – заключил Джереми, – попытаться заманить их вниз, в самый конец коридора, где тамбур. Запрет между двумя дверьми и подтащим клетку.

Мы снова поднялись по приставным лестницам и заглянули в комнату. Чамли размахивал вешалками и уже умудрился разбить ими зеркало. Шеена продолжала деловито потрошить матрац, вид у нее был сосредоточенный, как у именитого хирурга, производящего пересадку сердца.

– Надо, чтобы кто-нибудь открыл дверь, – сказал Джереми. – Потом он закроется в ванной, а шимпанзе, глядишь, сами спустятся вниз.

– Что ж, попробуем, – неуверенно согласился я.



Один из служащих поднялся на второй этаж, распахнул дверь комнаты, где резвились шимпанзе, отскочил назад и заперся в ванной напротив. Увы, как я и предполагал, шимпанзе отлично чувствовали себя в спальне и отнюдь не спешили ее покидать. Едва взглянув на распахнувшуюся дверь, они тут же возобновили свои забавы. Чамли собирал в охапку перья и подбрасывал их в воздух, а Шеена опять приступила к хирургической операции, и было похоже, что матрац ее не переживет.

– По-моему, остается только одно средство, – сказал Джереми. – Шланг с водой.

Да, представьте себе: пить воду и играть с ней шимпанзе очень любили, но терпеть не могли, когда их обливали. Бывало, вечером они отказывались идти в свою спальню, но стоило пригрозить им шлангом, и они сразу покорялись. Быть может, и сейчас испытанный способ поможет? Принесли огромный шланг, присоединили его к крану в кормокухне, разбили стекло в окне, просунули внутрь наконечник и пустили воду на полную мощность. Шимпанзе на миг опешили от такого вероломного выпада, потом с воплем бросились вниз по лестнице. В коридоре их подстерегали двое служащих, и, как только беглецы очутились в тамбуре, обе двери захлопнулись. Наконец-то проказники были надежно заточены в таком месте, где не могли безобразничать. Я облегченно вздохнул – и не только я, надо думать. Шимпанзе – истеричные экстраверты, чуть что – перевозбуждаются и вполне могут на вас наброситься. А в том, что Шеена и Чамли к этому времени были основательно возбуждены, сомневаться не приходилось.

Теперь предстояло вытащить стальную клетку из мастерской и отнести ее к тамбуру. На это ушло немало времени, так как клеткой давно не пользовались и она была завалена дощечками и прочим хламом. После долгих трудов мы извлекли ее на свет божий, и шесть человек установили клетку в нужном положении. Подняв дверцу, мы осторожно открыли дверь в тамбур. Вот они, сидят, мокрые-премокрые,

но вид воинственный, хоть куда. Битый час пытались мы заманить шимпанзе в клетку, каких только лакомств не предлагали – ничто, даже редкий в это время года виноград, их не соблазняло.

– Как насчет змей? – сказал я, памятуя, что Чамли панически боится змей.

– Вряд ли, – ответил Джереми. – Для Чамли, может, еще и сойдет, но Шеену змеей не испугаешь.

– Что ж, – мрачно заключил я, – придется опять обратиться к шлангу. Все равно уже натекло бог знает сколько.

Мы присоединили шланг к крану большой кухни, зашли с другой стороны тамбура, открыли дверь и направили тугую струю на обезьян. Беглецы стремглав бросились в клетку, дверца скользнула вниз, и шимпанзе снова очутились в заточении.

Вместе с Бертом, слесарем, мы пошли посмотреть, как же они все-таки ухитрились вырваться на волю. Толстая проволочная сетка была достаточно прочной, однако Чамли обнаружил незакрепленный конец, а стоит найти такой конец, и сетку так же легко распустить, как и вязанье. Что и доказал Чамли. Пришлось Берту – его тоже оторвали от рождественского обеда – заняться ремонтом. Через час с небольшим он закончил работу. Было уже около четырех часов дня, когда шимпанзе водворили на старую квартиру, а мы разошлись по домам.

Джеки, Кэт, Сэма и меня ожидала обугленная индейка; зелень выглядела так, словно по ней прошелся слон-исполин. Не беда, у нас еще было холодное, со льда, вино.

2. Это я, Джереми

*Уважаемый мистер Даррелл!
Мне десять лет, и я считаю
вас первейшим зоологом на
Британских островах (после
Литера Скотта). Можно
попросить вас прислать мне
автограф?*

На следующий год дела пошли намного лучше, появились зримые результаты проделанной работы. Кэт трудилась как пчела: вела бухгалтерские книги треста и зоопарка, как могла, старалась уменьшить расходы и держать меня в узде, ибо я не всегда обдуманно трачу деньги.

– Вот бы фламинго завести, красавцы! – восторженно изрекал я.

– Хороши, ничего не скажешь, – соглашалась Кэт. – А сколько они стоят?

– Не так уж и дорого, – отвечал я. – Каких-нибудь сто двадцать фунтов за штуку.

Радостная улыбка исчезала с лица Кэт, в зеленых глазах появлялся стальной отлив.

– Мистер Даррелл, – говорила она вкрадчиво. – Известно ли вам, насколько превышен ваш кредит?

– Ну конечно, – поспешно отвечаю я. – Я ведь просто к слову сказал.

И все же, несмотря на прижимистость Кэт, мы продвигались вперед.

С помощью Джереми и Джона Мэлига работа зоопарка была перестроена. Мы завели картотеку, на каждое животное по три карточки: розовая, голубая и белая. Белая карточка – «анкета», на ней записано, где приобретен образец, в каком состоянии поступил в зоопарк и так далее. Розовая карточка – история болезни, в ней содержатся все сведения о здоровье и

лечения животного. Голубая карточка – данные о поведении. Пожалуй, она самая важная, ведь на ней – записи о брачных играх, сроках беременности, территориальных метках и тьма других сведений.

Кроме того, в кабинете Джереми хранился большой «Дневник», в нем любой сотрудник зоопарка мог записывать интересные наблюдения, которые потом заносились в соответствующие карточки. Постепенно у нас накапливался богатейший материал. Удивительно, как мало мы знаем даже про обыкновенных животных. У меня довольно внушительная библиотека, около тысячи томов, но поищите в них, скажем, сведения о брачном поведении того или иного животного – ни слова.

Затем мы пересмотрели кормовой рацион. Я вычитал, что Базельский зоопарк составил специальный паек, скармливаемый животным вдобавок к обычной пище; он не только улучшает общее состояние животного, но и способствует размножению. Было установлено: как бы хорошо вы ни кормили животных – а мы всегда давали своим лучшее, что только могли достать, – в корме недостает очень важных для организма солей и других компонентов. Тогда-то и придумали особый «пирожок» с этими веществами.

Я написал в Базельский зоопарк доктору Эрнсту Лангу, он любезно прислал мне все данные, потом мы обратились к нашему мельнику, Лемаркану, и он, следуя рецепту, приготовил малопривлекательное на вид бурое тесто. Мы взирали на него с недоверием, но я все же попросил Джереми провести недельное испытание и доложить о результатах. В последнее время Джереми частенько наведывался к нам за советами. Сидишь дома, работаешь, вдруг – стук в дверь, появляется голова и слышишь:

– Э... это я, Джереми.

С этими словами он входит в гостиную и излагает очередную проблему. Вот и теперь, после недельного испытания «пирожка», я услышал знакомый стук.

– Э... это я, Джереми.

– Входи, Джереми, – пригласил я его.

Он вошел и остановился на пороге гостиной. Высокий, волосы цвета спелой ржи, нос, как у герцога Веллингтона, и ярко-голубые глаза, которые слегка косят, когда Джереми чем-то озабочен. Сейчас он заметно косил: значит, что-то не ладится...

– Ну, что случилось?

– Понимаете, я насчет этой смеси... Наши... гм... животные не хотят ее есть. Правда, мартышки попробовали немножко, но мне кажется, скорее из любопытства. А другие совсем не едят.

– А человекообразные?

– Даже не притронулись, – мрачно ответил Джереми. – Я уж и так и эдак, даже в молоко клал – не едят, да и только.

– А поддержать их впроголодь пробовал?

– Нет, – сказал Джереми с виноватым видом. – Чего не пробовал, того не пробовал.

– Ну, так попробуй, – предложил я. – Завтра же посади их на одно молоко и предложи «пирожок». И посмотри, что выйдет.

На следующий день – знакомый стук и знакомое «Это я, Джереми».

– Я насчет человекообразных. – доложил он, стоя на пороге гостиной. – Мы оставили их без завтрака, потом дали молоко и «пирожок». Все равно не едят. Что будем делать?

Я был озадачен не меньше его. В Базельском зоопарке все животные охотно ели «пирожок». Очевидно, нашей смеси чего-то недостает. Мы позвонили мистеру Лемаркану.

– Как вы думаете, что можно добавить в смесь, чтобы она была вкуснее и заманчивее?

Он поразмыслил несколько минут, потом дал блестящий совет:

– Как насчет анисового семени? Абсолютно безвредно, и большинство животных любят его запах.

– Пожалуй, вреда не будет, – согласился я. – Вам нетрудно приготовить смесь с анисовым семенем?

– Что ж, это нетрудно, – ответил мельник, и отныне мы стали получать «пирожки», пахнущие анисом.

Животные с первой же минуты пристрастились к ним. До такой степени, что с той поры самым любимым видам корма они предпочитают «пирожки». Смесь явно пошла им на пользу, и приплод увеличился. За год после введения нового рациона было получено потомство от двенадцати видов млекопитающих и десяти видов птиц, и мы были чрезвычайно довольны собой.

Пожалуй, самыми важными, но и самыми тревожными для нас в тот год были роды у южноамериканских тапиров. Папаша, Клавдий, приобретенный мной в Аргентине, в свое время причинил нам немало хлопот: он удирал из зоопарка и производил опустошения в соседних садах и на полях. Но после того как мы нашли ему супругу, Клодетту, он остепенился, стал солидным и дородным. Тапиры смахивают на гнедых шотландских пони, а их длинный подвижный нос чем-то напоминает слоновый хобот. Обычно это ласковые и дружелюбные существа. Когда Клодетта достигла надлежащего возраста, состоялось спаривание. Мы тщательно записали все сроки на голубых карточках и вскоре убедились в ценности картотеки; как только у Клодетты появились признаки беременности, мы смогли, считая от даты последнего спаривания, определить, когда примерно ждать детеныша. И вот однажды раздается знакомый стук в дверь: «Это я, Джереми», – и появляется озабоченный Джереми.

– Я насчет Клодетты, мистер Даррелл, – сказал он. – Если считать по карточке, она должна родить в сентябре... Ну вот, я и подумал, не лучше ли перевести ее в другой загон, отдельно от Клавдия?

Мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что в самом деле, стоит их разделить – ведь неизвестно, как Клавдий отнесется к детенышу. К тому же он близорук и вполне может нечаянно наступить на него. Клодетту перевели в соседний загон; она могла слышать запах Клавдия, даже тереться с ним носом через проволочную сетку – и спокойно

производить на свет свое дитя. Но тут Клодетта дала нам повод для тревоги. Счастлирое событие должно было вот-вот состояться, она заметно округлилась, однако плод не шевелился и соски не наливались молоком. Джереми, Томми Бегг (наш ветеринар) и я устроили совещание.

– Уж очень толстая кожа у этой чертовки, – угрюмо заметил Томми. – Вообще мышцы такие тугие, что я просто не могу прощупать плод.

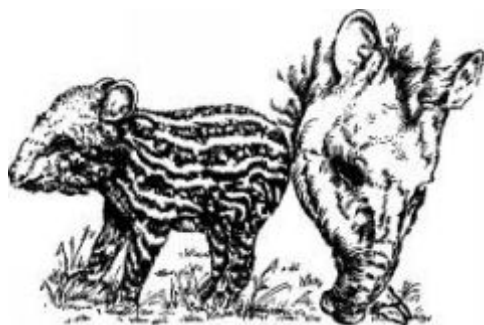
– А ведь, судя по картотеке, – сказал Джереми, для которого наши карточки стали чем-то вроде оракула, – она должна разрешиться со дня на день.

– Меня заботит отсутствие молока, – добавил я. – По-моему, время давно пришло!

Опершись на ограду, мы рассматривали Клодетту, а она знай себе тихонько попискивала, такой уж голос у тапиров – и задумчиво жевала ветку боярышника, не обращая никакого внимания на наши озабоченные физиономии.

– Если она родит, – продолжал Томми, – а молока не будет, придется всем вскармливать детеныша. Какой состав молока у тапиров?

– Понятия не имею, – ответил я. – Но можно посмотреть в книгах.



Мы отправились в мой кабинет, однако ни в одном справочнике не нашли сведений о составе молока тапиров.

– Что ж, – заключил Томми после того, как мы

отложили в сторону сорок седьмую книгу, – придется рискнуть. Возьмем за образец кобылье молоко и составим похожую смесь. Думаю, сойдет.

Мы припасли и прокипятили бутылочки и соски, заготовили все нужное для смеси, похожей на кобылье молоко, настроились, ждем, а Клодетта и не думает рожать! Наконец в один прекрасный день, часов около трех (во время утренней уборки в половине одиннадцатого еще ничего не было), присматривавший за ней Джеф примчался к нашему дому.

– Родила! Родила! – кричал он, розовый от возбуждения.

Мы с Джереми в эту минуту стояли возле дома, обсуждая какую-то серьезную проблему, но тут бросили все и ринулись к загону Клодетты. Она спокойно уписывала морковь и фрукты из мисочки и даже головы не повернула. Мы осторожно заглянули в будку – там на соломе лежал самый очаровательный детеныш, какого я когда-либо видел. С небольшую собачонку, полосатый, как и положено детенышам тапира; ярко-белые продольные полосы на шоколадном фоне делали его похожим на ожившую конфетку, вроде «раковой шейки». Я недоумевал, как мы могли не прощупать такой крупный плод в чреве Клодетты, не обнаружить никакого шевеления. Видно, малыш только что появился на свет, потому что там, где мамаша его вылизывала, шерстка еще не просохла.

Мы бережно поставили детеныша на ноги, чтобы определить его пол, он сделал несколько неуверенных шажков и снова лег. Белые полосы делали его очень заметным на соломе, но представьте себе густой лес и пробивающиеся сверху солнечные лучи – там лучшего камуфляжа не придумаешь.

Чтобы не прерывалась римская линия, мы окрестили детеныша Цезарем, затем решили проверить, как у Клодетты с молоком. Этот вопрос нас особенно заботил, потому что вскармливать детенышей – отнюдь не простое дело. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили, что

между десятью утра и тремя пополудни соски у роженицы набухли. Молока предостаточно – гора с плеч! Клодетта проявила себя образцовой мамашей, и вскоре Цезарь уже трусил за ней по пятам в загоне. Мы обратили внимание на то, что она кормит лежа, причем малыш тоже ложился рядом и жадно припадал к соскам.

Хотя тапиров давно разводят в зоопарках, ни в одной из книг моей библиотеки не были упомянуты три факта, которые мы установили эмпирическим путем. Первое: определить срок беременности почти невозможно – не прощупывается шевеление плода. Второе: соски наполняются молоком только после родов. И третье: мамаша кормит детеныша лежа. Кстати, добродушный нрав Клодетты позволил нам без труда взять образцы молока и отправить на анализ. Если в будущем у какой-нибудь самки тапира в нашем зоопарке почему-то не окажется молока, мы будем точно знать, какую смесь составить. Все данные были занесены на карточки и опубликованы в нашем ежегодном отчете.

Примерно в то же время произошло еще одно интересное событие: родила гелада.

Взрослая гелада очень красива: у нее пышное манто шоколадного цвета, а на груди удивительное пятно сердечком – ярко-красная кожа обнажена, словно кто-то нарочно выщипал шерсть.

Наш самец, по имени Элджи, был, что называется, незаурядной личностью. Из-за кривых и коротковатых ног у него была своеобразная вихляющая походка. Любого, кто его проведает, Элджи непременно приветствует: подойдет вперевалку к проволочной сетке, поднимет верхнюю губу, так что обнажаются десны и мощные зубы, и принимается радостно ухать, прислушиваясь к твоему голосу. Первое время он жил в одной клетке с самкой южноафриканского бабуина, но затем мы раздобыли для Элджи супругу, которую назвали Эмбе. Еда и особы противоположного пола составляли смысл жизни Элджи, и мы ничуть не удивились, обнаружив, что Эмбе вскоре забеременела.

Среди диких животных у бабуинов одна из самых интересных социальных организаций, поэтому мы не стали отделять гостью из Южной Африки от наших двух гелад, решили посмотреть, что будет, когда появится на свет детеныш. Эдджи, игравший в клетке доминирующую роль, благосклонно относился к своей супруге и южноафриканской гостье, хотя она и представляла совсем другой вид. Чужеземка занимала в иерархии второе место, а замыкала цепочку (до рождения малыша) Эмбе. Мы не отделили южноафриканку прежде всего потому, что не хотели нарушать субординацию: останься Эдджи и Эмбе вдвоем, тотчас начались бы типичные для всех приматов ссоры и раздоры. А так Эдджи шпынял южноафриканку, которая в свою очередь шпыняла Эмбе, но гораздо мягче, чем это делал бы Эдджи. Правда, чужеземка, доминируя над Эмбе, могла повредить детеныша, когда он родится, даже съесть его... Ладно, рискнем!

Чрезвычайно сложная социальная организация, присущая большинству диких бабуинов, лишь недавно стала предметом основательного исследования. В частности, было установлено: когда в стае появляется новорожденный, все самки приходят в сильное возбуждение, особенно самки постарше, которые уже не могут рожать. Они собираются вокруг роженицы и внимательно рассматривают малыша, однако касаться его им не позволено. Но затем мать мало-помалу ослабляет охрану, и старшие самки соревнуются за право поддержать детеныша, приласкать его, поносить на руках. Если бы наша троица представляла один вид, мы могли рассчитывать на такое же поведение. Но у нас старшее поколение представляла южноафриканская самка, и мы не были уверены, как она отнесется к детенышу гелады.

Настал долгожданный день. В восемь утра служители обнаружили в спальной бабуинов родившегося ночью малыша. Он был чистый и сухой, никаких следов плаценты и пуповины. Детеныш крепко цеплялся за мать. Как только их выпустили в наружное помещение, стало очевидно, что

южноафриканка взволнована и, можно сказать, обрадована ничуть не меньше молодой мамыши. Она старалась сесть поближе к Эмбе, лицом к ней, и время от времени обнимала ее так, что льнувший к матери малыш оказывался зажатым между ними. Элджи, привыкший чувствовать себя в клетке властелином, тоже заинтересовался наследником, но стоило ему приблизиться, как Эмбе поворачивалась к нему, поднимала верхнюю губу, щелкала зубами и издавала резкий протяжный звук, какого мы до сих пор еще не слышали. Элджи сразу отступал метра на два и начинал кружить около самок и младенца, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

Так продолжалось около суток, наконец отцу разрешили подойти поближе, и он мог расчесывать шерсть супруге и южноафриканке. На шестой день прежний порядок почти восстановился. Гостья продолжала оказывать покровительство матери и младенцу, но теперь Элджи было дозволено обнимать и ласкать Эмбе. Правда, к наследнику его, насколько мы могли установить, все еще не подпускали.

Малыш был на редкость крепкий и здоровый; от большинства детенышей других бабуинов его отличало малое количество морщин на лице. Уже через сутки он хорошо видел и следил глазами за движениями наблюдателя в полутора-двух метрах. На пятый день мать разрешила ему спуститься на пол и немного походить подле нее. Однако через неделю идилия кончилась. Южноафриканка, которой теперь позволили держать малыша на руках, оказалась настолько ревнивой, что не выпускала его даже тогда, когда он рвался к матери, чтобы поест. Пришлось ради блага детеныша отделить чужеземку и Элджи.



Близилась первая годовщина треста, и мы задумали как-то отметить эту дату, попросту говоря, устроить небольшой кутеж. Закроем зоопарк для посетителей, пригласим на завтрак членов правления треста и кое-каких местных деятелей; хорошо бы позвать губернатора и бейлифа. Вечером – обед и сбор средств; мы рассчитывали на то, что приглашенные выступят с речами и поддержат нас.

Подготовка потребовала немалых усилий. Надо было забронировать номера в отелях, составить меню, продумать, как рассадить гостей (от одной этой проблемы можно было с ума сойти), и так далее и тому подобное. К тому же в это время года на Джерси часты туманы, а когда к острову приближается туман, он ни за что не обойдет своим вниманием аэропорт. Значит, необходимо переправить на Джерси знатных гостей по меньшей мере за день до юбилейной даты, иначе нам некого будет принимать. Львиная доля хлопот легла на плечи Кэт, и она блестяще со всем справилась, но я сказал себе, что впредь одним Советом не обойдешься, для подобных затей следует учреждать несколько подкомитетов... И уже теперь нам нужен был

комитет для сбора средств. Я усиленно думал об этом, даже когда отправился на аэродром встречать Джеки и в зале для прибывающих пассажиров вдруг увидел перед собой прелестнейшее создание. Черные волосы, большие глаза цвета лесных орешков, на лице сердечное расположение и нежность – жаль только, что чувства эти адресованы не мне... А впрочем... Девушка остановилась передо мной, и я воспрянул духом. Быть может, мое брюшко и мешки под глазами не так уж и заметны? Или есть девушки, которым они даже нравятся? Иллюзия длилась недолго: я увидел в руках девушки кружку для пожертвований.

– Вы не желаете сделать взнос? – услышал я медовый голосок.

– Конечно, желаю, – ответил я. – Разве можно устоять перед такими глазами?

Я полез в карман и как-то непроизвольно вместо полукроны опустил в кружку десять шиллингов.

– Бьюсь об заклад, у такой очаровательной девушки сбор средств идет успешно, – сказал я.

Она мило улыбнулась.

– О, я не жалеюсь.

– Вот бы вы для нас взяли собирать!

– А вы попросите.

– И попрошу.

В эту минуту объявили посадку самолета Джеки, и я направился к входу. «А что в самом деле?» – подумал я, стоя у двери. Девушка сама предлагает свои услуги. И какая девушка: против ее глаз никто не устоит! Едва дождавшись Джеки, я схватил ее за руку и бесцеремонно потащил за собой.

– Живей, живей, – торопил я ее. – Я должен найти девушку.

– Мало тебе одной? – спросила Джеки.

– Да нет же, пойми, это особенная девушка, красавица.

Она только что была тут, собирала деньги для кого-то.

– А тебе она зачем понадобилась? – подозрительно

осведомилась Джеки.

– Понимаешь, это идеальный человек для комитета по сбору средств, – объяснил я. – Представь себе, она предложила свои услуги, а я, дурак, даже не узнал ее фамилии.

Я поспешно обвел взглядом зал. Никого, если не считать важных престарелых дам и отставных полковников.

– Черт возьми! – вырвалось у меня. – Надо же, такую возможность упустил!

– Но ведь можно выяснить, кто она? – сказала Джеки. – Наверно, это кто-нибудь из здешних.

– Не знаю... Впрочем, можно спросить Хоуп. Как только мы добрались до дома, я схватил телефонную трубку.

– Скажи, пожалуйста, – обратился я к Хоуп, – что за красавица с глазами цвета лесных орешков и темными волосами собирала сегодня в аэропорту деньги на какие-то цели?

– Ну знаешь, Джерри! – воскликнула Хоуп. – Ты не мог бы спросить что-нибудь полегче? Откуда мне знать? И вообще зачем тебе это?

– Я хочу организовать комитет по сбору средств. И эта девушка показалась мне идеальной кандидатурой.

Хоуп хмыкнула.

– Не знаю даже, кого тебе так сразу предложить, – сказала она. – Вот что, попробуй поговорить с леди Колторп. Говорят, у нее это очень хорошо получается.

Я подавил стон. Леди Колторп – представляю себе, что это такое. Длинные прокуренные зубы, ежик стального цвета, твидовый костюм, пахнущий спаниелем, и спаниели, пахнущие твидом...

– Ладно, подумаю, – ответил я.

И вот наступил знаменательный день. Надо ли говорить, что аэропорт был окутан туманом. Понадобились титанические усилия, чтобы доставить на остров Питера Скотта с супругой, мы едва уложились в срок, да и то с помощью чьего-то личного самолета. В конечном счете все

образовалось. Я показал Питеру и его жене зоопарк, познакомил их с сотрудниками, рассказал о наших задачах. И с удовольствием отметил, что экскурсия явно произвела сильное впечатление на Питера.

Завтрак удался на славу – потому, верно, что обошлось без спичей. Во второй половине дня – снова экскурсия по зоопарку. После этого осталось время только принять ванну и переодеться перед главным событием дня – обедом, с последующим сбором средств. На обед были приглашены избранные, на чью помощь мы рассчитывали. Открыл торжество лорд Джерси, он предоставил слово Питеру Скотту, и тот произнес превосходную речь о различных аспектах охраны природы и значении нашего начинания. За ним была моя очередь выступать, и я уже перебирал листки с записями, как вдруг мой взгляд остановился на девушке, сидевшей на другом конце стола. Она – та самая, которую я видел в аэропорту! Что за черт, как она здесь очутилась? От удивления у меня вылетело из головы все, что я собирался сказать. Все же я кое-как промямлил свою речь и сел, думая только о том, чтобы не упустить момент и перехватить девушку, прежде чем она скроется во второй раз.

Наконец загремели стулья, гости начали подниматься из-за стола. Со всей скоростью, какую допускали приличия, я протиснулся сквозь толпу именитых друзей, догнал девушку уже на самом пороге и положил ей руку на плечо, словно детектив, поймавший воришку в магазине. Она повернулась и надменно вскинула брови.

– Это вас я видел в аэропорту? – спросил я.

– Верно, – подтвердила она. – Я потому и пришла.

– Так вот, – продолжал я, – помнится, вы сказали, что согласны помочь мне со сбором средств. Это было сказано в шутку или всерьез?

– Конечно, всерьез.

Каким-то чудом у меня в кармане оказались листок бумаги и ручка.

– Вы можете сказать мне, как вас зовут, и ваш номер

телефона, и когда позвонить вам, чтобы договориться?

– Пожалуйста, звоните в любое время.

– Итак... вас зовут?

– Сэрэнн Колторп.

Я воззрился на нее, не веря своим ушам.

– Как... вы... вы – леди Колторп? – не совсем учтиво выпалил я.

– Уже много лет.

– Но... как же?... А седой ежик... спаниели... лицо старой лошади?... – в отчаянии вопрошал я.

– Разве я похожа на старую лошадь? – заинтересовалась она.

– Что вы! Я... я совсем не то хотел сказать. Понимаете, это я так представлял себе вас. Вы уверены, что на острове нет второй леди Колторп?

– Насколько мне известно, я – единственная, – с достоинством произнесла она. – Звоните в любое время.

Она сказала мне свой адрес и номер телефона. Я вернулся к Джеки и сообщил, ликуя:

– Нашел девушку!

– Которую? – осведомилась Джеки.

– Ту самую, о которой говорил тебе, – нетерпеливо ответил я. – Девушку из аэропорта. Это леди Колторп.

– Постой, но ведь ты говорил, что леди Колторп – это сплошной твид и спаниели.

– Да нет, ничего подобного! Посмотри... видишь? Вон та обаятельная особа... в чем-то черном с белой отделкой – это она.

– Ах, эта... Что ж, пожалуй, ты прав, она справится со сбором средств!

– Я немедленно свяжусь с ней. Завтра утром. А теперь, бога ради, пошли домой. Чертовски хочется спать.

Сказано – сделано.

Подводя итог, должен сказать, что наше юбилейное мероприятие прошло чрезвычайно успешно. Мы смогли посоветоваться с такими людьми, как директор

Антверпенского зоопарка Вальтер ван ден Берг, как Ричард Фиттер из Общества охраны фауны, и другими; они не только благожелательно отозвались о нашей работе, но и сделали конструктивные замечания. Более того, деньги, которые мы собрали, позволили нам наконец взяться за самое неотложное из всех наших дел – строительство новых, просторных клеток для человекообразных обезьян. Чертежи давно уже пылились на столе, мы с Джереми только слюнки глотали, глядя на них. Тресту такое дело было не по карману, но после юбилейного обеда – как здорово все получилось! – можно было приступать к задуманному.



Я всегда говорил, что есть два создания, которым ни в коем случае нельзя давать волю в зоопарке: ветеринар и архитектор. Ветеринар тотчас примется лечить диких животных так же, как домашних. Конечно, динго или кустарниковая собака принадлежат к семейству собачьих, но это еще не значит, что к ним следует подходить с той же меркой, что и к болонке или спаниелю. Обычно ветеринар в отчаянии заключает: «На вашем месте я бы махнул рукой». Нам повезло, наши два ветеринара, Блэмпид и Бегг, придерживаются прямо противоположной точки зрения. Вот уж кто никогда не махнет рукой на животное!

У архитекторов свои заскоки. Стоит вам зазеваться, и они сконструируют клетку, которая будет архитектурной поэмой, но никуда не годится с точки зрения тех, кому ею пользоваться, а главное – тех, кому в ней жить. Вот почему,

когда дело дошло до клеток для человекообразных, мы с Джереми тщательно изучили проект, стремясь не допустить промашек. Задача осложнялась тем, что клетки предстояло ставить на наклонном участке, прилегающем к южной стене Дома млекопитающих, причем откосов не один, а целых три, так что надо было сперва подготовить солидное бетонное основание.

Конечный вариант, предложенный нашим архитектором Биллом Девисом, мне очень понравился. Клетки были почти треугольные, так что обитатели каждой из них могли видеть, что происходит в двух других. Житье-бытье соседей занимает человекообразных обезьян ничуть не меньше, чем нас, людей, только мы подглядываем из-за штор, а они из-за решеток. Крышу впереди подняли чуть выше, чтобы в клетки попадало возможно больше солнца.

Мы договорились со строительной фирмой, и началась подготовка участка. Старые клетки помещались внутри дома, но через окна обезьяны могли следить за ходом работ, и они охотно пользовались этой возможностью. Особенно интересовался техникой орангутан Оскар, он целыми днями сидел у окна и сосредоточенно наблюдал, как готовят и укладывают раствор. Однажды утром я пошел проверить, как подвигаются дела, и разговорился с одним из рабочих.

– Я вижу, Оскар следит, чтобы все делалось как положено, – заметил я, показывая на стекло, к которому прильнула обезьянья физиономия.

– Да уж! – воскликнул рабочий. – Целый день так и сидит, глаз не сводит! Хуже какого-нибудь десятника, черт бы его побрал!

3. Родовые муки львицы

*Уважаемый мистер Даррелл!
Меня зовут Мириам. Пишу вам,
чтобы получить совет по
следующим вопросам:*

*1. Могу ли я каким-нибудь
образом приобрести львенка?*

*2. Если да, то где? И во сколько
это примерно обойдется?*

*3. В каком возрасте можно его
приобрести (отнять от матери)?*

4. Где его лучше держать?

*5. До какого возраста смогу я
его держать?*

*6. Чем кормить совсем
маленького львенка?*

7. Какого роста он будет?

*Что еще, по-вашему, мне
нужно знать?*

Заранее большое спасибо...

В любом крупном собрании диких животных не обойтись без болезней и несчастных случаев, нередко с роковым исходом, ведь животные – такие же смертные существа, как и мы с вами. И одна из причин несчастных случаев, как ни прискорбно об этом писать, поведение рядового посетителя. Нашим мартышкам давали бритвенные лезвия, человекообразным – горящие сигареты и трубки. Чтобы предотвратить такие поступки, нужен бдительный надзор.

Взять, к примеру, наших попугаев ара по кличке Капитан Коу и Маккой. Красивые добродушные птицы; в хорошую погоду мы извлекали их из клетки и сажали на гранитный барьер возле Дома млекопитающих. Там они сидели на солнышке, чистили клювом свои яркие перья и

окликали прохожих хриплыми голосами.



И вот однажды некая весьма тучная особа, очевидно утомленная прогулкой по зверинцу, решила присесть на барьер и отдохнуть. Хотите верьте, хотите нет, она плюхнулась прямо на Капитана Коу. Сесть на такую большую и яркую птицу – правда, невероятно?! К сожалению, Капитан Коу не сумел постоять за себя, хотя из всех попугаев ара наделены чуть ли не самым мощным клювом и мишень была достаточно крупной. Что поделать, он был попросту расплюсчен.

Свидетелем происшествия оказался наш слесарь, случайно проходивший мимо. Сама виновница явно не понимала, что натворила. Слесарь тотчас отнес попугая в контору. В это самое время в зоопарке находился ветеринар Томми Бегг, который раз в неделю осматривал всех животных. Он немедленно занялся Капитаном Коу и аккуратно наложил шины на сломанные ноги. Но, кроме ног, у попугая были повреждены ребра и грудина, причем

несколько ребер поранили легкое, и, как мы ни старались спасти Капитана Коу, он скончался.



Больше всего в этой истории меня удручало поведение женщины. Ну хорошо, допустим, она по близорукости не разглядела на барьере большую птицу с красно-синим оперением. Но, посидев на попугае, она все-таки должна была понять, что ему от этого не поздоровилось. Так нет же, эта женщина не только не пришла в контору, чтобы извиниться и узнать, что стало с попугаем, – она даже не потрудилась позвонить по телефону и справиться о его состоянии! Это лишь один из примеров того, как ведут себя посетители. Я бы сказал, что у нас уходит в среднем до семидесяти процентов времени на то, чтобы охранять животных от публики, а не наоборот.

Как и во всяком серьезном зоопарке, посетителям у нас запрещено кормить животных. А то ведь сунут что-нибудь совсем неподходящее или перекормят каким-нибудь лакомством, после чего наш подопечный отвергает тщательно разработанную диету. Скажем, человекообразные обезьяны, совсем как дети, способны до тошноты объедаться

шоколадом, и ужин, от которого было бы куда больше пользы, попросту им не лезет. К тому же неправильное питание чревато желудочными болезнями – возись потом, пока не вылечишь.

Тем не менее иные посетители пренебрегают висящими повсюду призывами «Просьба животных не кормить» и знай себе бросают в клетки шоколад и другие сладости. Поверьте мне, в большом зоопарке ветеринару хватает работы и без тех эксцессов, которые возникают по недомыслию, а то и по жестокости посетителей.

В одном конце нашего зоопарка есть озерцо, где мы держали смешанную коллекцию водоплавающих птиц, в том числе кое-какие редкие виды. Несколько лет птицы благополучно здравствовали и плодились. Но как-то выдалось очень жаркое лето. Ручей, питавший озерцо, почти пересох, водоем обмелел, и мы начали находить мертвых птиц, причем вскрытие не давало ответа на вопрос, что их погубило. Однажды умерли сразу шесть птиц, из них две редкие. Скорбная картина, которую Томми Бегг узрел в понедельник утром, явившись с очередным визитом, озадачила его.

– Что такое с этим озером? – сердито воскликнул он. – Воду мы проверяли, и птицы вроде бы ничем не болели.

Вдруг его осенило.

– Вот только на глисты я их не проверял. Может, глисты виноваты?

Томми взял ближайшую тушку – шпорцевого гуся – и осторожно вскрыл скальпелем желудок. Ничего. Тогда он разрезал зоб – и нашел ответ на загадку. В зобу лежала изрядная порция свинцовой дроби. Исследуя остальных погибших птиц, мы у каждой нашли дробь, а у одной – даже металлический колпачок от патрона двенадцатого калибра. Зоб, можно сказать, заменяет птице зубы: вы увидите в нем песок, даже мелкие камешки, помогающие измельчать пищу. По мере того как песок и камешки истираются, птица заглатывает новую порцию, обзаводясь новыми «зубами».

Наши птицы где-то обнаружили свинцовую дробь и

заглотали ее, очевидно, приняв за безобидные камешки. Конечно, дробь исправно выполняла функцию зубов, но она же, стираясь, вызывала свинцовое отравление.

Сами понимаете, как только тайна была раскрыта, мы выловили всех уцелевших птиц и принялись исследовать берег в поисках источника дроби. Судя по тому, как много ее было в зобах отравленных птиц, они где-то напали по крайней мере на ящик патронов, но, сколько мы ни искали, нам не попадалось ничего похожего. А тут еще заболела одна из выловленных птиц. И вновь явные признаки свинцового отравления... Мы попытались спасти ее внутривенным вливанием препарата кальция. Увы, противоядие не помогло.

Мы долго не могли понять, откуда в озере такая уйма дроби. Наконец выяснилось, что водоем появился тут лишь после войны. Была лощинка и ручеек, затем прежний владелец поместья, майор Фрэзер, сделал запруду, и возникло озерцо. Видимо, во время немецкой оккупации кто-то из жителей острова, боясь, что у него найдут боеприпасы, закопал их в этой самой лощине. Постепенно ил и вода разъели картонные гильзы, но дробь осталась. А необычная засуха, из-за которой озерцо обмелело, позволила гусям и уткам ворошить клювами ил в таких местах, где они обычно не доставали дна.

Да и мало ли в зоопарках происходит вещей, от которых просто невозможно уберечься.

Так было в тот раз, когда у наших африканских виверр появилось потомство. Событие незаурядное – не многим зоопаркам удавалось добиться приплода от виверр. Три дня роженица вела себя как образцовая мамаша, потом, неизвестно почему, набросилась на детенышей и сожрала их.



Или взять случай с сервалами. Эти стройные, длинноногие кошки с остроконечными ушами, коротким хвостом и оранжево-коричневой шкуркой в черную крапинку удивительно хороши собой, и мы чрезвычайно обрадовались, когда Тэмми окотилась. Она тоже проявила себя образцовой мамашей; с неделю малыш», что называется, жили припеваючи, хорошо сосали молоко, и Тэмми ходила с довольным видом. И вдруг, заглянув в ее клетку, мы увидели, что оба малыша мертвы. В чем дело?... Кожа не повреждена, значит, она их не кусала. Вскрытие все объяснило: они погибли от удушья. Очевидно, Тэмми ночью, переворачиваясь с боку на бок, придавила малышей и незаметно для себя задушила их. Такое случается с первым пометом у домашних кошек, прежде чем они усвоят все тонкости материнства.



Но, пожалуй, самая сложная ветеринарная проблема у нас возникла, когда забеременела Шеба, наша львица. Все вроде бы шло хорошо, и оставалось ждать совсем немного, но именно в это время мне понадобилось съездить в город,

повидать друзей. А чтобы меня можно было тотчас разыскать, если случится что-нибудь непредвиденное, я по обыкновению оставил адрес и телефон ресторана, где была назначена встреча. Только мы управились со вторым завтраком, как меня вызвали к телефону. Оказалось, что у Шебы начались роды, но плод застрял на полпути и не выходит, сколько она не тужится. Судя по всему, детеныш мертв. Я поймал такси, домчался до зоопарка, и мы с Джереми обсудили положение. Схватки длятся уже около двух с половиной часов, голова львенка безвольно болтается, он явно мертв, но львица никак не может его вытолкнуть и сильно мучается...

– Прежде всего, – заключил Джереми, – надо перевести ее в клетку поменьше. Может быть, тогда удастся ей как-то помочь.

Но, чтобы перевести Шебу в клетку поменьше, надо было войти в большую клетку и заставить львицу покинуть ее, а я не осмеливался на такой риск. И тут меня осенило. Я знал, что в Лондонском зоопарке есть специальный пистолет, который заряжается иглой, выполняющий роль шприца: попав, скажем, в лопатку зверя, она впрыскивает тот или иной препарат – наркотизатор, антибиотик и так далее. Что, если позвонить им и попросить, чтобы прислали самолетом чудо-пистолет? Попробуем усыпить Шебу.

Я поспешил к себе в кабинет и вызвал Лондонский зоопарк.

Надо ли говорить, что дело происходило в субботу; неприятности такого рода непременно случаются по субботам. Когда я наконец дозвонился до Лондонского зоопарка, мне подтвердили, что пистолет действительно есть, но пользоваться им разрешено только главному ветеринару зоопарка, доктору Оливеру Грэму Джонсу. Полиция строго следит за этим и не допустит исключений.

Я не один год знал Оливера Грэма Джонса и не сомневался, что он постарается что-нибудь придумать. «Можно мне поговорить с доктором?» – «Весьма сожалеем, но он дома, отдыхает». – «В таком случае нельзя ли получить

его домашний номер?» – «Пожалуйста». Я записал номер, дозвонился до Оливера и объяснил ему ситуацию. Он всей душой посочувствовал мне.

– Но, понимаешь, дружище, – сказал он. – Во-первых, я не могу отправить тебе пистолет без разрешения полиции. А во-вторых, если ты незнаком с устройством, можешь бед натворить. Надо правильно рассчитать заряд, не то игла из шприца превратится в пулю, и, вместо того чтобы вылечить животное, ты его, чего доброго, убьешь. Это очень коварная штука.

– Нельзя так нельзя, – ответил я. – Попробуем перегнать Шебу в клетку поменьше. Скажем, с помощью горящих факелов.

– Ради бога, только не это! – Мои слова явно потрясли Оливера. – Да она может всех вас убить, особенно в таком состоянии. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Ну, а что же нам тогда делать? Оливер немного поразмыслил.

– Сколько времени мне понадобится, чтобы добраться до Джерси?

– Все зависит от расписания самолетов, – сказал я. – Наверно, около часа.

– Так вот, если ты берешься заказать билет, я поеду в зоопарк, заберу пистолет и прилечу к вам.

– Замечательно! – обрадовался я. – Сейчас же свяжусь с транспортным агентством, а потом позвоню тебе еще раз.

Дело осложнилось тем, что был разгар отпусков, новобранцы и отдыхающие забронировали чуть не все места в самолетах, вылетающих на Джерси. Я обратился в транспортное агентство – а надо сказать, там нас любили – и объяснил ситуацию. Нельзя ли достать один билет на ближайший самолет, вылетающий с Хитроу на Джерси? Мне обещали выяснить и позвонить. Полчаса я как заведенный мерил шагами кабинет; наконец – звонок. Из транспортного агентства сообщили: есть одно место, вылет с аэродрома Хитроу в семнадцать тридцать. Я попросил забронировать это

место для доктора Оливера Грэма Джонса, потом позвонил Оливеру.

– Силы небесные, – воскликнул он, – мне надо торопиться! Ладно, постараюсь успеть.

– Я встречу тебя в аэропорту

– Превосходно. Теперь только бы не застрять где-нибудь с машиной по пути в Хитроу.

Я встретил Оливера на Джерсийском аэродроме и поспешно увлек его к машине. По пути в зоопарк я рассказал ему, как обстоят дела. Плод все еще не вышел, и Шеба по-прежнему мучается. Оба наши ветеринара на месте, необходимые инструменты приготовлены, поскольку Оливер предупредил меня по телефону, что, возможно, придется делать кесарево сечение, чтобы спасти львицу.

Ветеринары нас ждали; рядом с львиной клеткой уже стоял стол, над ним укрепили светильники. Не очень-то роскошный операционный зал, но за такой короткий срок лучшего не оборудуешь. Оливер посмотрел сквозь решетку на пациентку. Истрадавшаяся львица лежала в углу и жалобно ворчала.

– Н-да, – заключил он, – тут каждая минута дорога. Счастье, что я поспел на самолет.

Он осторожно распаковал пистолет, зарядил иглу наркотизатором, тщательно прицелился и выстрелил. С глухим хлопком игла вонзилась в бок Шебы. Львица дернулась, мотнула головой – и только. Когда наркоз начал сказываться, она встала, пошатываясь, сделала несколько шагов и снова легла. Принесли длинную палку, легонько потрогали Шебу – никакой реакции. Значит, усыпили, можно вытаскивать львицу.

Зайдя с другой стороны, мы подняли дверцу клетки. Я хотел войти первым, чтобы связать Шебе ноги, но Оливер не пустил меня – усыпленное животное, объяснил он, может на несколько секунд очнуться, и этого достаточно, чтобы основательно помять человека. Оливер вошел в клетку первым, засунул впасть львицы чурку и крепко связал ей

морду. Такой способ позволял Шебе свободно дышать и одновременно страховал нас от неожиданностей, если пациентка вдруг очнется. Затем мы связали львице ноги и выволокли ее из клетки. Понадобились объединенные усилия шести человек, чтобы поднять на стол тяжеленного зверя. Оливер учтиво, как водится среди медиков, спросил Блэмпида и Бегга, не желают ли они произвести операцию. Оба не менее учтиво ответили, что эта честь принадлежит человеку, который любезно согласился проделать столь долгий путь.

Первым делом предстояло удалить плод. С этим мы справились без труда. Нашим глазам предстала странная картина: львенка как будто накачали воздухом из насоса. Кости – дряблые, мягкие, морда искажена скопившимся под кожей газом.

Далее предстояло осторожно выбрать участок живота Шебы, где намечалось сделать надрез. Мы использовали электрическую машинку, припасенную Блэмпидом. Оливер вымыл и продезинфицировал руки; можно оперировать. Поскольку начало темнеть, мы включили светильники – и только тут обнаружили, что у клетки собрались все сотрудники зоопарка. Каждому хотелось проследить за ходом операции. Я спросил Оливера, не будет ли он возражать, если они войдут в клетку, чтобы лучше видеть, и он охотно согласился. Тогда они расположились полукругом около стола, и Оливер приступил к делу, комментируя вслух свои действия.

Он сделал продольный разрез, и, как только нож вскрыл брюшину, живот опал с шипящим звуком и распространился отвратительнейший запах. Пальцы Оливера двигались быстро и уверенно. Невзирая на зловоние, от которого кое-кто из зрителей слегка побледнел, он расширил разрез, осторожно проник руками в брюшную полость и одного за другим извлек еще двух львят. Они были такие же вздутые, как и первый. Мы поместили все три плода в ведро, с тем чтобы потом исследовать, что же все-таки произошло. Тем временем Оливер удалил плаценту, промыл полость и зашил брюшину

и кожу. Наружный шов густо присыпали антибиотиком; кроме того, в профилактических целях Шебе сделали инъекции пенициллина и стрептомицина. Она дышала неглубоко, но ровно. Вся операция проводилась под наркозом, на морде львицы лежала маска, за которой следила миссис Блэмпид.

Затем Шебу осторожно перенесли на импровизированные носилки и поместили в специальную клетку, которая позволяла ей вставать на ноги, но ограничивала подвижность, чтобы от резкого поворота не разошлись швы. Во избежание пневмонии важно было держать львицу в тепле, поэтому мы накрыли ее одеялами и обложили грелками. Кроме того, от наркоза язык и пасть Шебы пересохли, их надо было увлажнять водой с глюкозой. И Джефу – он у нас надзирал за львами – пришлось дежурить всю ночь, менять грелки и смачивать Шебе пасть. Среди ночи ему вдруг показалось, что она зябнет, тогда он сходил за собственной периной и укрыл ее.

Утренний осмотр показал, что все идет нормально. Зрачки Шебы реагировали на свет, и сознание к ней возвратилось, хотя и не настолько, чтобы она могла броситься на нас.

Мазки из брюшной полости львицы были исследованы в университетской лаборатории, и специалисты обнаружили своеобразный газообразующий микроорганизм – *Clostridium sordellii*. Эта бактерия водится в почве, и ею нередко заражается скот, но у представителей семейства кошачьих ее до сих пор не находили.

После операции, прежде чем отвезти Оливера в гостиницу, я пригласил всех ветеринаров к себе на стаканчик виски.

– Скажи-ка, – обратился ко мне Оливер, – сколько сотрудников зоопарка присутствовали на операции?

– Все до одного, – ответил я. – Включая тех, у кого сегодня выходной.

– Силы небесные! Хотел бы я видеть такой энтузиазм у

себя в Лондоне. Боюсь, там на операцию вообще никто не пришел бы. А ты всех ухитрился собрать.

– Я их не собирал, они сами пришли.

– Чудеса, – сказал Оливер. – Ты уж постарайся, чтобы они всегда оставались такими.

– Да уж постараюсь, – ответил я.

Надеюсь, что мне это удалось.

Когда Шеба совсем оправилась, мы решили, что ей следует не меньше полугода пожить отдельно от Лео; нельзя, чтобы после такой серьезной операции она вскоре опять забеременела. Наконец разлука кончилась, состоялось радостное свидание, и вот уже Шеба снова понесла. Разумеется, мы очень волновались за нее, но к этому времени я выписал пистолет из Штатов – теперь, если что, не обязательно беспокоить Оливера, вызывать его из Лондона.

Шеба благополучно произвела на свет двух кругленьких, здоровых львят, и мы облегченно вздохнули. Слава богу, пронесло! Однако ее драма на этом не кончилась.



Как только львята подросли и можно было отнимать их от матери, Шеба вновь забеременела. После нормальных родов мы не сомневались, что и на сей раз все будет в

порядке. Но в последний момент Шеба опять подцепила злополучных микробов, и пришлось нам повторить всю процедуру. Мы зарядили пистолет, усыпили львицу, Блэмпид и Томми Бегг сделали ей кесарево сечение и извлекли двух львят, таких же вздутых, как и львята первого помета. Наложили швы, влили пенициллин и все такое прочее и поместили Шебу в хорошо знакомую ей специальную клетку. И все вроде бы шло благополучно вплоть до того дня, когда львица, к нашему ужасу, сделала то, чего мы больше всего боялись. Как ни узка была клетка, Шеба могла в ней встать и сделать шаг-другой. Но однажды ночью она, судя по всему, попробовала повернуться; в итоге швы разошлись.

Снова – наркоз, снова – швы. На этот раз задача осложнялась тем, что ткани вокруг раны были порваны, и, чтобы новые швы держали, пришлось делать их очень широкими, до десяти-двенадцати сантиметров. После операции мы «вспрыснул» Шебе положенную дозу антибиотиков и вернули ее в клетку. На другое утро она уже поднимала голову, выпила немного воды с глюкозой. Мы добавили пенициллина, установили капельницу. Однако среди дня Шеба стала задыхаться. Сердечное лекарство не помогло, и вскоре она умерла. Надо ли говорить, как мы горевали. Оставалось утешаться тем, что для ее спасения было сделано все; просто организм львицы не выдержал третьей операции.

4. Мистер и миссис Д

Уважаемый мистер Даррелл!

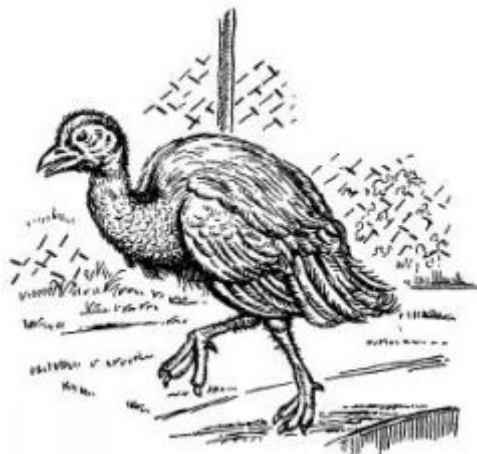
На днях ко мне в холл залетел дятел и принялся долбить клювом дедушкины часы. Можно ли этот случай считать необычным?

Кажется, это Эдгар Уоллес сказал: если у человека одно прозвище, значит, его еще чтят, но если прозвищ два или больше, значит, его не любят. Насколько мне известно, у нас с Джеки есть только одно прозвище, если это вообще можно назвать прозвищем: сотрудники зоопарка называют нас мистер и миссис Д. А придумал это, сдаётся мне, Шеп Мэлит.

Кудрявый, голубоглазый, с обворожительной улыбкой, Шеп, вне всякого сомнения, – самый красивый среди наших мужчин. На его совести столько разбитых сердец, что я потерял им счет. Ни одна из девушек, работавших в отделе птиц, не могла устоять против его чар. А одна влюбилась так сильно, что пришла к Джереми и заявила: ей неважно работать в зоопарке, если Шеп не ответит на ее чувство. И так как на это рассчитывать не приходится, она вынуждена уйти. В разгар беседы с Джереми она вдруг простонала: «О, мистер Молинсон, я так его люблю, что мне сейчас будет дурно!» С этими словами она выскочила из кабинета, и в коридоре ей впрямь стало дурно. При крещении Джон Мэлит получил второе имя – Жуан, и я часто спрашивал себя, почему мы не прозвали его «Дон Жуан». Но он был и остается Шепом, и на его попечении находятся все наши птицы, а их у нас немало.

Вообще-то птицы вроде бы не отличаются таким сильным характером, как звери, однако у нас побывало немало птиц, наделенных яркой индивидуальностью. Пожалуй, лучшим примером мог бы служить Трампи, серокрылый трубач из Южной Америки. Серокрылые трубачи – крупные птицы, с курицу величиной, у них высокий

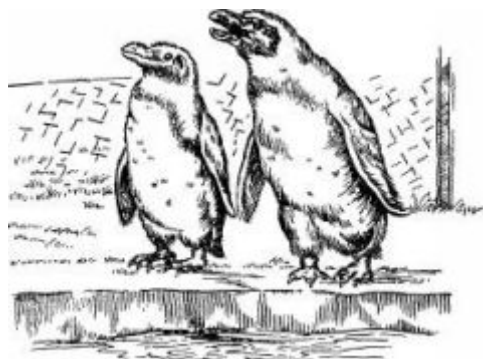
выпуклый лоб, что считается признаком ума, и большие чистые глаза. Трампи был совсем ручной, и ему разрешалось вольно ходить по зоопарку. Свою свободу он использовал, в частности, для того, чтобы помогать обжиться новичкам. Это выражалось в том, что Трампи целые сутки простаивал около клетки новичка, а то и в самой клетке. И уходил только после того, как убеждался, что новый жилец перестал нервничать.



В то время у нас жили два пингвина. И вот он затеял перелетать через загородку и изводить их. Долго пингвины терпели его выходки, наконец в один прекрасный день перешли в наступление, и удачный удар поверг Трампи в пруд. Непривычный к воде, он оказался в их власти. Когда мы выловили его, он был весь в крови. Мы решили, что нашему Трампи пришел конец, и зоопарк погрузился в траур. Однако нам удалось залечить его раны; уже на следующий день Трампи, потеряв несколько перьев и приобретя несколько шрамов, важно расхаживал по территории и всех приветствовал.

Тот же Трампи всегда провожал последних посетителей. Один раз он даже сел с ними в автобус, чтобы удостовериться, что они не собьются с пути. Кончина Трампи

была внезапной и глубоко потрясла Шепу, потому что именно Шеп был в ней повинен. Как-то, взвалив на спину большой и тяжелый мешок с опилками, он направился в Дом млекопитающих; Трампи по привычке семенил за ним. Шеп подошел к нужной клетке и, ничего не подозревая, сбросил мешок прямо на трубача. Трампи был убит наповал. Все мы сильно расстроились, но позднее нам удалось приобрести еще двух трубачей, которым тоже позволено свободно расхаживать по территории зоопарка. Правда, им пока далеко до Трампи, но мы не теряем надежды.



Еще один пример яркой индивидуальности – наша корнуоллская клушица Дингл. Черное оперение этого своеобразного представителя вороновых сочетается с красными ногами и длинным, немного изогнутым ярко-красным клювом. Выкормленный людьми, Дингл был совсем ручной, и первые дни мы держали его у себя в квартире. Но после того как он разбил восьмой стакан, я решил, что лучше выдворить его в открытый вольер.

Милейшее существо на свете, Дингл больше всего любил, когда ему чесали голову. Припадет к земле или к вашим коленям, зажмурится, крылья дрожат от наслаждения...

Ему нравилось также сидеть на плече Джеки и тихонько перебирать клювом ее волосы, как бы отыскивая букашек. А

однажды, сидя на моем плече, он улучил минуту, когда я отвлекся, и засунул мне в ухо клочок бумаги, да так глубоко, что его пришлось извлекать пинцетом. Не иначе, вообразил, будто мастерит гнездо.

Переселение в вольер нисколько не ожесточило Дингла, он охотно спускается поговорить с вами и подставляет голову, чтобы вы могли ее почесать.

Вообще пернатых любителей поговорить у нас хватает. Когда гасят свет на ночь, попугай Суку говорит сам себе: «Спокойной ночи, Суку». А горная майна Али явственно произносит: «Где Триггер?» и «О-о-о, какой славный мальчуган!» Но, пожалуй, самый лучший оратор – майна более мелкого вида, по имени Тапенс. Подойдите к клетке Тапенса и попробуйте с ним заговорить. Он сразу рассмеется, а если вы просунете внутрь палец и погладите ему животик, зажмурит глаза и примется бормотать: «Ой, как здорово! Ой, как здорово!»

Множество людей спрашивают меня, понимают ли говорящие птицы слова, которые произносят. Не берусь дать определенный ответ. Возьмите того же Тапенса. Вероятно, прежние владельцы, когда почесывали его, приговаривали: «Ой, как здорово!» – и он воспроизводит эти звуки, потому что они для него связаны с приятной процедурой. Впрочем, однажды Тапенс почти убедил меня в том, что говорит осмысленно.

Подстригая кусты рядом с клеткой майны, наш престарелый и весьма уважаемый садовник мистер Холли вдруг прокашлялся и сплюнул на землю. Тотчас раздался отчетливый, звонкий голос Тапенса:

– Старый неряха!

Мистер Холли был страшно доволен и весь день посмеивался про себя.

Про попугаев рассказывают много историй, и большинство из них отнюдь не вызывает доверия. Но мне известны два случая, когда попугаи явно не ограничивались воспроизведением заученных звуков.

У моих друзей, живших в Греции, был попугай; каждый день они выносили его клетку на воздух и ставили в тени под деревьями. Однажды местный крестьянин привязал за оградой своего осла, а тот, как это заведено у ослов, неожиданно вскинул голову и исполнил скорбное соло, завершив его обычным протяжным храпом. Попугай внимательно слушал, наклонив голову набок, и, когда осел кончил реветь, отчетливо произнес вопросительным тоном:

– В чем дело, милый?

Второй случай. Мои афинские друзья держали африканского серого попугая. Он знал довольно много слов – греческих, естественно, – и хозяева очень им гордились. У них было заведено раз в неделю устраивать «день открытых дверей», когда все их друзья могли зайти на чашку чая. В один из таких дней главной темой беседы был попугай и его лексика. Кто-то из гостей утверждал, что попугаи вообще не могут говорить, они лишь издают нечленораздельные звуки. Гордый владелец серого африканца тотчас возразил – дескать, послушайте моего попугая, он знает такие-то и такие-то слова. Тогда гость, держа чашку с чаем в одной руке и кусок торта в другой, подошел к попугаю, уставился на него и сказал: «Попочка, ведь ты не умеешь говорить, правда?» Попугай несколько секунд глядел на гостя, затем, перебирая лапками по жердочке, подошел к нему поближе, наклонил голову набок и внятно молвил: «Поцелуй меня в зад». Гости оцепенели. Прежде попугай ни разу не произносил этих слов и потом никогда их не повторял. Однако факт остается фактом, все отчетливо слышали его реплику. Забавно реагировал пострадавший: он поставил чашку, положил торт, взял свою шляпу и трость и, бледный от гнева, удалился, заявив, что и не подумает оставаться в доме, где оскорбляют гостей.

Так повелось, что зимой птицы доставляют нам больше хлопот, чем все остальные обитатели зоопарка, вместе взятые. Особенно это касается тех птиц, которых содержат на

открытом воздухе: надо внимательно следить, чтобы они не простудились или, того хуже, не обморозились. Ведь если фламинго или другая нежная птица сильно обморозится, дело доходит до ампутации пальцев.

Всего тяжелее была для нас зима 1962/63 года, невиданная в истории Джерси. Снежный покров достигал полуметра, и почва промерзла примерно на столько же. Мало того, что мы дрожали за собственных питомцев, нам еще без конца несли истощенных диких птиц. Скворцы, малиновки, дрозды... Оставалось только одно: закрыть для посетителей Дом пернатых (в такую погоду их почти что и не было) и размещать в нем приносимых птиц. Там хоть было тепло, и мы не скупались на корм. Помню случай, когда у нас одновременно собралось сорок лысух, двадцать пять куропаток, два лебедя и одна выпь, не считая всякой мелюзги. И все это в одном птичнике.

Как раз в ту лютую зиму в мой дом однажды постучались. Открыв наружную дверь, я увидел типичного хиппи. Давно не бритый, с длинейшими баками, волосы грязные, нечесанные, одет в заношенное тряпье и, похоже, за все свои девятнадцать лет ни разу не умывался. Он держал под мышками двух лысух.

– Слышь, приятель, – обратился он ко мне. – Помог бы ты этим беднягам, видишь, кровью истекают!

Крайне удивленный, я взял птиц, осмотрел их и убедился, что они подранены из ружья, правда, раны не опасные, быстро заживут, но птицы совсем тощие и слабые. Я укоризненно посмотрел на хиппи.

– Что, поохотился?

– Да нет, – ответил он, – это не я, какой-то французик. Он при мне подстрелил этих бедняг, да не насмерть, ну, я и подобрал их. Потом отнял ружье и хорошенько его взгрел. Не скоро его опять на охоту потянет...

– Ладно, не беспокойтесь, – сказал я, – постараемся что-нибудь сделать. Ты молодец, что принес их. У нас уже сорок штук есть.

– Это уж твоя забота, приятель, – весело произнес он. – Большое спасибо, бывай!

И он побрел прочь по глубокому снегу. Провожая его взглядом, я думал о том, как неверно судить о людях по внешности. Ну кто бы подумал, что под столь неопрятной оболочкой бьется золотое сердце!

А какая угроза нависла над нами, когда затонул танкер «Торри-Кэньон» и газеты забили тревогу, обращая внимание публики на опасности, которыми чревато загрязнение моря, в частности для морских птиц! Мы с волнением ловили все новости о перемещении разлившейся нефти. И вот, к нашему ужасу, ветер и течение погнали ее на Нормандские острова. Я отлично понимал, что нефть способна погубить все колонии бакланов и тупиков на островах, а также что нам, чего доброго, придется оказывать помощь сотням, если не тысячам морских птиц, освобождая их от нефтяного плена. Между тем в зоопарке при всем желании можно было разместить от силы сорок-пятьдесят птиц. Надо было что-то предпринимать, притом срочно. Я позвонил в местную организацию, которая выступает против жестокого обращения с животными, и поделился своими опасениями. Выяснилось, что эта организация тоже может взять на себя не больше сорока-пятидесяти птиц. Да, с такими силами не справишься с надвигающейся катастрофой... Тогда я позвонил Сэрэнн Колторп и попросил ее приехать ко мне – попробуем вместе разработать какой-нибудь план. Она приехала и – что твой генерал! – в два счета мобилизовала всех обитателей острова.

Мы повесили в конторе большую карту острова Джерси. Разноцветные булавки обозначали пляжи и бухты, которые предстоит регулярно обследовать поисковым отрядам, а также пункты сбора птиц и места, где мы сможем их содержать. Царило всеобщее воодушевление. Обязанности патрулей выполняли скауты и взрослые, располагавшие свободным временем. Несколько владельцев грузовых и легковых машин составили транспортную бригаду; для размещения птиц мы взяли на заметку множество сараев и

амбаров. Директор одного отеля любезно разрешил нам занять плавательный бассейн – обнеси его сеткой, и будет пруд для сотни-другой птиц.

Исполненные решимости, мы принялись ждать, когда разлившаяся нефть дойдет до острова. Однако судьба распорядилась иначе. Ветер и течение переменялись, и, хотя нефть краешком задела кое-какие из Нормандских островов, нанеся известный ущерб, основная масса ее проплыла мимо нас к берегам Франции. Через наши руки прошло всего пять-шесть птиц, так что все хлопоты оказались напрасными, но мы хоть были готовы отразить беду. А французов нефть явно застигла врасплох, и там погибли тысячи морских птиц.

В один чудесный весенний день, когда у меня было особенно благодушное настроение, я решил разыскать Шепа. Если Шеп не отзывался по внутреннему телефону, которым оснащен наш зоопарк, всякий знал, что искать его надо у лебяжьего садка на заливном лугу, который мы так и называли: «Поле Шепа». Представьте себе участок земли, отлого понижающийся к югу и похожий очертаниями на серп с протекающим вдоль лезвия ручьем. Шеп перегородил этот ручей, так что получилось несколько маленьких прудиков. Здесь он разводил своих птиц: на прудах – гусей и уток, на берегу – фазанов. Фазаны – главная страсть Шепа, и в том году он особенно преуспел в их разведении.

Наслаждаясь лучами весеннего солнца, я спустился на луг. Меня встретила обычная какофония: гусиное «га-га-га», утиное «кря-кря-кря», нежный писк фазанят в загонах, сопровождаемый гордым кудахтаньем их приемных матерей – кур разных пород. А вот и Шеп со своими неразлучными друзьями – овчаркой и крохотным шнауцером. Весело насвистывая, он нагнулся над клеткой, в которой маленькие пушистые комочки суетились у ног квохчущей бантамки.

– Доброе утро! – крикнул я, подойдя поближе. Шеп оглянулся.

– Доброе утро, мистер Д. Идите-ка сюда, поглядите.

Я подошел и уставился на ожившие пуховки, спящие вокруг приемной мамы.

– Это какие же? – спросил я.

Большинство фазанят на первый взгляд кажутся совсем одинаковыми, и я еще не научился различать виды.

– Эллиотовы, – гордо сообщил Шеп. – Ночью вылупились. Я хотел подождать, когда они обсохнут, потом прийти и сказать вам.

– Здорово! – Я искренне обрадовался, ведь фазаны Эллиота занесены в список угрожаемых видов и, возможно, в диком состоянии уже не водятся.

– Восемь яиц – восемь фазанят, – сказал Шеп. – Сам не ожидал, что так получится.

– И, по-моему, все здоровы.

– Вообще-то один кажется несколько хилым, но я думаю, все будет в порядке.

– А я к тебе с новостью. Ты очень хорошо поработал в этом году, и вот я решил, что куплю любую пару фазанов по твоему вкусу, какая только появится в продаже. Понял? Не зоопарк купит, и не трест, а лично я, чтобы отметить твои достижения.

– Нет, правда? – воскликнул Шеп. – Огромное спасибо, мистер Д!

Кто мог знать, к чему приведет мое опрометчивое обещание...

По утрам, разбирая почту, мы неизменно находим списки предлагаемых к продаже животных, рассылаемые торговцами в разных концах света. Списки кладут мне на стол, и я просматриваю их – вдруг появится что-нибудь особенно редкостное и интересное для треста. В тот день, о котором пойдет речь, я, как обычно, ознакомился со списками и, не заметив ничего примечательного, вернул их в канцелярию, чтобы все сотрудники могли с ними ознакомиться. Неожиданно раздался стук в дверь, я крикнул «Войдите!» и увидел лицо Шепы.

– Можно к вам на минутку, мистер Д? Бледный,

взволнованный, совсем на себя не похож...

– Входи, – ответил я. – Что там случилось? Шеп вошел и затворил дверь; в руке у него был список.

– Вы видели этот каталог? – глухо спросил он.

– Название?

– «Ябира».

– Видел, а что? Что в нем такого?

– Вы не заметили? Белоухие фазаны.

– Ты уверен?

– Конечно, уверен. Посмотрите... вот.

Он положил каталог на мой стол. В самом деле: «Ожидаются вскоре – белоухие фазаны». Но цена не указана. Нехороший признак: обычно цену не пишут, когда речь идет об очень дорогих экземплярах. А в данном случае можно было и не сомневаться. Во-первых, белоухий – один из самых крупных и красивых ушастых фазанов. Во-вторых, в диком состоянии белоухих практически не осталось. А в неволе, насколько известно, во всем мире содержится лишь семь этих птиц, причем большинство – в Америке. Я вздохнул. Мне было очевидно, что трест обязан приобрести белоухих фазанов. И я помнил свое вчерашнее обещание Шепу.

– Что ж, – покорно произнес я, – звони им скорей, ведь другие зоопарки набросятся на них, как коршуны. Только учти, Шеп, что цена должна быть приемлемая, мои ресурсы ограничены.

– Конечно, конечно, – ответил он. – Я понимаю. Шеп подошел к телефону; вскоре его соединили с Голландией.

– Мистер ван ден Бринк? – спросил он срывающимся голосом. – Я звоню по поводу белоухих фазанов из вашего каталога.

Последовала долгая пауза, Шеп слушал объяснение ван ден Бринка.

– Понятно, – сказал он наконец, – понятно. Прикрыв ладонью трубку, он обратил на меня умоляющий взгляд.

– Он еще не получил их, но они уже в пути. И он просит по двести пятьдесят фунтов за птицу.

Мне стало нехорошо, но слово есть слово.

– Ладно, скажи ему, что мы берем одну пару.

– Мистер ван ден Бринк, – молвил Шеп дрожащим голосом, – мы берем одну пару. Пожалуйста, запишите ее за нами. Да-да, Джерсийский зоопарк... Вы нас известите? Предупредите, когда будете отправлять?... Ясно, они придут через Париж... Это нас вполне устраивает. Огромное спасибо. Всего доброго.

Он положил трубку на аппарат и взволнованно заходил по кабинету.

– Ну, что еще? – спросил я. – Я же сказал, берем пару. Почему такое мрачное лицо?

– Понимаете... В общем, мне кажется, одной пары мало, – выпалил Шеп.

– Ну, знаешь, дружище. Как-никак я выложил на твоих фазанов пятьсот фунтов! Еще одна пара мне просто не по карману.

– Да нет же! – воскликнул Шеп. – Я вовсе не про вас говорю, я про себя. Вы разрешите мне купить вторую пару? Куда вернее, если у нас будут два петуха и две курочки.

– Но, Шеп, – возразил я, – это же пятьсот фунтов стерлингов! У тебя наберется столько денег?

– Да, да, – нетерпеливо ответил он. – У меня... у меня есть деньги. Только... только вы разрешите мне их купить?

– Ну, конечно, покупай, если тебе не жалко своих денег. Ведь это изрядная сумма.

– Слишком рискованно держать одну пару, – сказал Шеп. – Вдруг петух погибнет или курочка? Значит, можно?

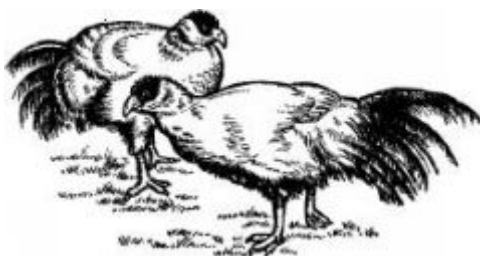
– Можно, можно. Только звони сразу.

И вот уже снова на проводе Голландия.

– Мистер ван ден Бринк? Я насчет ваших белоухих фазанов... Мы решили взять две пары вместо одной... Да, две пары... Большое спасибо. Всего доброго.

Шеп положил трубку и обратился ко мне ликующее лицо.

– Ну, с двумя-то парами что-нибудь да выйдет, – сказал он.



Но покупка птиц была только началом. Требовалось еще оборудовать для них два птичника на чистом грунте, то есть на участке, где раньше птиц не держали и можно было не опасаться, что почва чем-нибудь заражена. Выполнив эту задачу, мы принялись нетерпеливо ждать белоухих. Неделя проходила за неделей, мы регулярно звонили мистеру ван ден Бринку, а он всячески извинялся и объяснял, что птицы следуют в Париж из Пекина через Москву и ГДР. Путешествие непростое, но он постарается, чтобы нигде не было задержек.

Наконец ван ден Бринк позвонил нам и сообщил, что птицы уже в Берлине, завтра придут. Когда наступил долгожданный день, Шеп так волновался, что от него нельзя было добиться толкового ответа ни на один вопрос. Его страшно тревожило состояние фазанов. И вот посылка наконец доставлена из аэропорта в зоопарк. Мы сорвали с клетки мешковину и увидели великолепных больших белых птиц: хвост каскад из белых перьев, ярко-красные щеки, черные хохолки. Удивительно хороши! Мы долго не могли на них налюбоваться. Наконец отнесли клетку на подготовленный участок и пустили по паре в каждый птичник.

Три фазана явно дичились людей, Шепу даже показалось, что они похожи скорее на недавно пойманных, чем на выращенных в неволе. Зато четвертая птица (это был один из двух петухов) вела себя очень смиренно. Настолько смиренно, что мы слегка насторожились. Так или иначе, Шеп

насыпал им корму и налил воды. А чтобы они не пугались посетителей, мы завесили сетки мешковиной.

Наутро мы с Шепом пошли взглянуть на наших фазанов. Смирный петух еще больше присмирел, и мы заподозрили неладное. Решили созвониться с Томми Беггом, посоветоваться с ним, и в это время петух умер. Томми ничего не оставалось, как исследовать его. Вскрытие выявило причину смерти: легкие птицы были источены аспигилезом. Аспигилез – крайне вирулентная форма грибкового заболевания. Поразив легкие, он развивается с ужасающей быстротой, и против него нет никаких средств. Белоухий фазан мог бы прожить с этим грибом несколько лет, но долгое и утомительное путешествие сыграло свою роль. Болезнь обострилась, и птица погибла.

– Да, не зря ты купил вторую пару, – уныло сказал я Шепу.

– Не зря, – согласился он. – Понимаете, я предчувствовал что-то в этом роде. А как было бы ужасно, окажись этот петух единственным!

Я был совершенно согласен с Шепом.

Итак, у нас остались две курочки и один петух, насколько мы могли судить, все в прекрасном состоянии, можно рассчитывать на потомство. Целое лето и зиму они осваивались на новом месте и к весне стали вполне ручными. Петух явно отдавал предпочтение одной из курочек, и мы отделили их, вторая курочка осталась в одиночестве. И вот однажды утром Шеп ворвался ко мне в кабинет, держа курочку на руках.

– Господи, что случилось? – воскликнул я. – Надеюсь, она не разбила себе голову?

Бывает, что фазаны с испугу стремительно взлетают и ударяются о сетку головой, обдирая ее до крови.

– Нет, хуже, – ответил Шеп. – Она не может снести.

Судя по всему, курочка мучилась не один час и совсем выбилась из сил. Мы дали ей воды с глюкозой, и я позвонил Томми Беггу. Он посоветовал мне впрыснуть пенициллин и

затем испробовать все известные способы, чтобы извлечь яйцо в сохранности. Мы сделали курочке укол и принялись за дело, используя пар, растительное масло и все, чем пользуются в подобных случаях. Тщетно. У нас ничего не получалось, а птица слишком устала, чтобы помогать нам. Оставалось только разбить скорлупу и извлечь яйцо по частям. Процедура весьма опасная, чреватая перитонитом. Нам удалось извлечь яйцо, после чего мы сделали птице промывание теплой водой, чтобы не оставалось никаких осколков. Обессилевшую курочку поместили в затемненный и утепленный ящик: пусть приходит в себя. Однако часа через два обнаружилось, что она мертва. Мы с Шепом уныло глядели на погибшую курочку...

– Что ж, – произнес я нарочно бодрым голосом, – у нас есть еще одна пара.

– Да, – согласился Шеп. – Вроде бы есть, если не считать, что петух не очень-то любит эту курочку.

– Ничего, придется полюбить, – сказал я.

И мы свели их вместе. Брачный сезон уже прошел; тем нетерпеливее ждали мы следующей весны. За год они свыклись друг с другом, и петух начал проявлять к курочке нежные чувства. Но однажды утром Шеп явился в мой кабинет совершенно убитый.

– Я опять насчет белоухих, – начал он.

– Господи, да что же это такое! – воскликнул я. – Ну, что там стряслось?

– Идите, посмотрите сами.

Мы подошли к птичнику, и я увидел, что петух хромает, причем сильно; в первую минуту мне даже показалось, что он сломал ногу. Шеп предполагал, что ночью петух был чем-то напуган, взлетел и, падая, зацепился пальцем за проволоку. При этом он растянул бедренные мышцы, а быть может, повредил нерв. Мы с Шепом поглядели друг на друга; оба подумали об одном и том же. С поврежденной ногой петуху будет трудно, а то и вовсе невозможно топтать курицу. Если мы его не вылечим, вряд ли удастся получить потомство от

наших белоухих фазанов. Приготовившись к самому худшему, мы поймали петуха, и я осмотрел ногу. Вывиха нет, все кости целы... Кажется, и впрямь дело ограничилось растяжением. Может быть, еще не все потеряно? Мы впрыснули петуху витамин D3 – он оказался чудодейственным, когда мы лечили мартышек от паралича задних конечностей, – и наладили повседневное наблюдение. Однако петух не шел на поправку, а продолжал ковылять, едва касаясь земли кончиками пальцев, чтобы не потерять равновесие. Я ничего не говорил Шепу, и он держал про себя свои думы, но оба мы в глубине души были убеждены, что наша попытка разводить белоухих фазанов обречена на провал.

5. Леопарды в уборной

Сэмюэль Джон Алиру через Филиппа Ансумана Школа Красного креста, Бамбавулло Уважаемый сэр!

Настоящим очень прошу вас проявить для меня пленку «Кодак 221», которую я пересылаю со своим братом, Филиппом Ансумана. Пожалуйста, возьмите на себя проявление и печать, если можно.

Я и сам пришел бы, но занят сейчас сочинением песни, которую рассчитываю преподнести вам не следующей неделе.

Я учусь, хожу в среднюю школу в Сезбвеме.

Искренне ваш

Сэмюэль Джон Алиру.

Я настойчиво уговаривал Би-Би-Си запечатлеть на кинопленку экспедицию за животными, однако корпорация «Британское радиовещание и телевидение» выказывала явную недалёковидность. Я объяснял, что прелесть экспедиции не только в отлове животных, их еще надо сберечь и привезти в сохранности. Словом, отличный материал для фильма. Тем не менее корпорация целый год раздумывала, прежде чем наконец согласилась. С радостью думал я о том, как это важно для нашего треста. Во-первых, будет неплохая реклама, во-вторых, коллекция треста пополнится интересными экспонатами, и, в-третьих, если до сих пор я должен был сам изыскивать средства на все экспедиции, то на этот раз Би-Би-Си поможет с финансированием. Хотя дела треста к тому времени шли

хорошо, ему все еще было не под силу снаряжать экспедиции за животными.

Сперва мы думали о Гайане, но нас смущала неустойчивая политическая обстановка в стране. В моей жизни уже был случай, когда из-за переворота пришлось отпустить половину отловленных животных, и я вовсе не хотел, чтобы эта история повторилась в разгар съемок многосерийного фильма. Поразмыслив, я остановился на Сьерра-Леоне. Мне еще не доводилось бывать в этой части Африки, а там есть редкостные животные, которые оченьгодились бы тресту; к тому же я искренне люблю Западную Африку и ее обитателей.

С большим удовольствием я услышал, что руководить съемками будет Крис Парсонс. Крис – мой старинный друг, мы уже работали вместе, даже совершили грандиозное путешествие по Малайе, Австралии и Новой Зеландии [См. Дж. Даррелл, Путь кенгуренка, М., изд-во «Мир», 1969; изд-во «Мысль», 1973.], так что я успел хорошо узнать его и проникся к нему самыми теплыми чувствами.

Мы встретились в Бристоле и разработали план экспедиции. Решили, что я вместе с кем-нибудь из сотрудников зоопарка отправлюсь морем в Сьерра-Леоне, организую базовый лагерь и постараюсь возможно скорее отловить побольше животных, после чего к нам вылетит Крис Парсонс со своими людьми. Мы прикинули, что у нас будет недели две на отлов зверей до прибытия киногруппы. Приедут и сразу же смогут начать съемки.

Оставалось решить, кто из сотрудников поедет со мной. Я выбрал Джона Хартли. Высокий – сто девяносто сантиметров – и невероятно худой, наш Долговязый Джон, как мы его называли, словно сошел с карикатуры Круикшанка. Но этот молодой человек – великий труженик, и он с восторгом принял мое приглашение.

Начался крайне важный, хотя и малозанимательный процесс подбора экспедиционного снаряжения. В таком путешествии никогда не знаешь заранее, что можно будет

достать на месте, поэтому лучше всего везти все необходимое с собой. Мы запасли молотки и гвозди, винты и шурупы, ловушки, сети и всевозможные клетки, бутылочки – на случай поимки детенышей, шприцы и лекарства – на случай заболевания животных, множество патентованных средств – таких, как сухое молоко «комплэн», которым очень хорошо выкармливать молодняк. Получилась целая гора.

И тут, как всегда бывает, когда снаряжаешь экспедицию – все равно какую и все равно куда, – возникло неожиданное препятствие. Выяснилось, что суда, заходящие в Фритаун, не перевозят животных. Потрясенный этим открытием, я позвонил в пароходство. Меня соединили с одним из директоров; к счастью, он читал мои книги, и они ему понравились. Пароходство любезно согласилось сделать исключение из правила, запрещающего провоз животных на пассажирских судах. Нам сообщили, что пароход «Аккра», который доставит меня и Хартли в Сьерра-Леоне, потом заберет нас оттуда вместе с добытыми нами животными.

В хмурый, дождливый день мы с Долговязым Джоном проследили за погрузкой объемистого багажа на «Аккру» в ливерпульском порту и вечером вышли в море. Джеки решила воздержаться от участия в экспедиции. Она дважды побывала в Западной Африке и убедилась, что тамошний климат не для нее. Поэтому она предпочла совершить новую поездку в Аргентину вместе с Хоуп Плет и моей секретаршей Энн Питерс.

На пути в Африку мы попали в жестокий шторм, и это даже было к лучшему: меня шторм не пугает, я совсем не страдаю морской болезнью, но мне было важно проверить, как переносит непогоду Долговязый Джон. Не очень-то сладко ухаживать за целым зверинцем, когда тебя терзает морская болезнь. К счастью, у Долговязого Джона оказался луженый желудок; мы ели все, что нам подавали. Отдыхая в салоне, мы пили пиво и листали захваченные с собой книги о фауне Западной Африки; особенно нас интересовали повадки животных, которых мы надеялись поймать. Развалясь в

кресле, Долговязый Джон напоминал сбитого с ног жирафа, а я твердил ему, что только в плавании и отдохнешь, надо пользоваться случаем. Еще я говорил ему, чтобы он был готов ко всяким передрыгам. Я рисовал мрачные картины: соломенные хижины с полчищами пауков и скорпионов, горячее пиво, купание в лохани и прочие ужасы тропиков.

Мы подошли к Фритауну в солнечный, жаркий день, и ветерок донес до нас чудесные запахи Западной Африки... Пальмовое масло, цветы, гниющая растительность создавали восхитительный, дурмящий букет.

Через члена нашего треста, мистера Геддиса, мне посчастливилось установить связь с мистером Оппенгеймером, и он поручил «Алмазной корпорации» в Сьерра-Леоне помогать мне, с чем бы я ни обратился.

Учитывая, что нам придется задержаться в Фритауне, я заранее написал туда, прося либо забронировать для нас номера в гостинице, либо снять небольшую квартиру, если это возможно. Можете представить себе мое замешательство, когда на борт парохода поднялся шофер в ослепительной ливрее, подошел ко мне и спросил, не я ли мистер Даррелл. Получив утвердительный ответ, он сказал, что внизу ждет машина, ему велено отвезти нас на одну из квартир корпорации, предоставляемую нам на время пребывания в Фритауне. Предупрежденный, что квартиры в городе тесные и душные, я не рассчитывал на особые удобства.

Так или иначе, я попросил шофера подождать, пока наш багаж пройдет через таможню, и, надо сказать, таможенники не подкачали. Не могу припомнить, чтобы с такой горой всякой всячины меня где-нибудь пропускали так быстро. Мы погрузили вещи на могучий вездеход, любезно одолженный фирмой «Лендровер», Долговязый Джон занял место за рулем и повел его следом за шикарной легковой машиной, в которую пригласил меня элегантный шофер. Проехав через город, мы очутились среди зеленых участков с утопающими в цветах домами. Затем машина круто свернула на дорожку, обрамленную пламенеющим гибискусом, и впереди

показалось роскошное здание.

– Нам сюда? – удивленно спросил я шофера.

– Так точно, сэр, – ответил он.

Едва мы остановились перед зданием, как тотчас появились служители в белой форме. Они отнесли наши чемоданы на четвертый этаж и ввели нас в квартиру, при виде которой у меня перехватило дыхание. Во-первых, размеры: в гостиной, наверно, поместилось бы человек пятьдесят. Во-вторых, обстановка, словно из голливудского фильма. В-третьих, кондиционированный воздух. И в-четвертых, с лоджии открывался замечательный вид через гряды холмов на Ламли-Бич, один из лучших пляжей Сьерра-Леоне длиной в несколько километров.

– А что, – сказал Долговязый Джон, осмотревшись, – совсем неплохо, правда? Я не против такого шалаша, если вы это подразумевали.

– Я ничего подобного не подразумевал, – строго ответил я. – Вот выедем в глубь страны, там ты узнаешь, что такое настоящие лишения. А это... это, так сказать, приятный сюрприз. Просто нам повезло.

Я прошел на кухню и увидел слугу. Он вытянулся в струнку.

– Вы здесь служите? – осведомился я.

– Так точно, сэр, – улыбнулся он, – я убираю эту квартиру. Меня зовут Джон. И я же, повар, сэр.

Я обвел взглядом ослепительно чистую кухню и узрел внушительный холодильник в углу.

– Но пива, – осторожно произнес я, – пива я вас скорее всего нет, Джон?

– Есть, сэр! Сейчас принесу, сэр.

Я вернулся в гостиную и опустился в кресло, слегка оглушенный всей этой роскошью. Неторопливой походкой вошел Долговязый Джон, он успел обследовать прочие помещения.

– Три спальни, – доложил он, – почти такие же большие, как эта комната. Невероятно.

– А я обнаружил холодное пиво. Похоже, голодать не придется.

Нас ожидала уйма дел и множество встреч. Надо было получить разрешения на отлов животных и вывоз их из страны, надо было связаться с людьми, которые могли помочь нам в работе. Между тем оба наши «лендровера», и большой, и маленький, отнесли к разряду грузовых машин, а грузовикам проезд через центр Фритауна запрещен. Но эта проблема разрешалась благодаря любезности местных властей, предоставивших нам легковую машину с водителем.

Далее, нужно было выбрать место для базового лагеря. Поразмыслив, я решил ориентироваться на Кенему, расположенную километрах в шестистах пятидесяти от Фритауна, внутри страны. Все-таки Кенема сравнительно большой город, легче будет доставать продукты и снаряжение, к тому же там есть контора «Алмазной корпорации», которая уже доказала свое расположение к нам, глядишь – и впредь выручит. Еще на борту «Аккры» мы познакомились с Роном Феннелом, исполняющим обязанности правительственного советника в Сьерра-Леоне, он-то и порекомендовал мне Кенему. На мой вопрос, где лучше всего устроить базовый лагерь, он ответил:

– Попробуйте хромовый рудник.

Сперва я решил, что он шутит: мне отнюдь не улыбалось поселиться в штольне. Но Рон Феннел объяснил, что километрах в десяти от Кенемы на хромовом руднике стоят пустые дома, которые были выстроены для горняков и их семей. После того как запасы хрома истощились, рудник забросили. Власти, несомненно, разрешат мне занять там один или два дома. Его идея мне тогда очень понравилась; теперь я обратился к властям и тотчас получил разрешение.

Вообще я не люблю городов, но Фритаун меня пленил. Его улицы умиляют своими несуразными, архибританскими названиями – Сент-Джеймс, Стрэнд, Оксфорд-стрит... Загоните англичанина в трясины на краю света, и он в

приступе оригинальности назовет ее Пикадилли. Очаровательные лондонские автобусы, битком набитые африканцами, тащились между белыми ульями небоскребов, которые высились над живописными деревянными домами прежнего Фритауна. Старая архитектура пришлась мне больше по душе, но она вполне уживалась с новой.

Следующей задачей было подобрать себе помощников, и я разыскал Саду, рекомендованного мне одним знакомым, который несколько лет провел в Сьерра-Леоне; по его словам, Саду был отличный повар, честный человек и работяга. И вот передо мной стоит щуплый коротышка с озорной улыбкой на морщинистой, совсем обезьяньей физиономии. Мы договорились о жалованьи, после чего я попросил Саду самого подыскать в городе «боя». В Западной Африке бой – подсобный рабочий, он чистит картошку, стелит постели, словом, делает всякую черную работу, от которой повар – или стюард, если вы им обзаведетесь, – избавлен.

Через некоторое время Саду привел робкого мальчугана лет четырнадцати, с обаятельной улыбкой, по имени Ламин; мы тотчас наняли его.

И вот настал долгожданный день. Все подписи и печати получены, приготовления завершены, вещи погружены в большой «лендровер» (маленький оставался в Фритауне для киногруппы Би-Би-Си), Саду и Ламин сидят в кузове. Мы с Джоном забрались в кабину и покатали в глубь страны.

Первая часть пути была великолепной. Плотнo утрамбованная щебенка, стеной стоят деревья и кустарники, радуют глаз красные, желтые, пурпурные, белые цветы. Внезапно на Девяносто третьей миле щебенку сменил латерит... Растения на обочине обсыпаны пылью – скользкой, как тальк, мельчайшей пылью, которая просачивается в любую щель, проникает в глаза, в легкие – всюду! На выбоинах и ухабах от ветров и зимних дождей машину трясет так, что через несколько километров вам кажется, будто вы по меньшей мере лет триста скачете верхом на пневматическом буре. Чем дальше, тем гуще пыль, а дороге не видно конца.

В редких африканских деревушках из хижин высыпали дети и махали нам розовыми ладошками, сверкая черными глазами и кипенно-белыми зубами. Несколько раз над дорогой пролетали птицы-носороги с тяжелыми длинными клювами. Они отчаянно хлопали крыльями, словно боясь, что клюв перетянет и они врежутся в землю.

Через несколько часов мы достигли селения Бамбаву. Хромовый рудник расположен в невысоких горах за селением, но прежде всего надо было разыскать в Бамбаву смотрителя, у которого хранились ключи от всех построек. Посадив его в машину, мы свернули влево, в горы. Дорога шла на подъем и становилась все хуже, зато растительность здесь была куда более величественной. Теперь нас окружал настоящий девственный лес; опираясь на могучие конترفорсы корней, вздымались вверх исполинские деревья, облепленные орхидеями и другими эпифитами, древовидный папоротник разметал зеленые каскады. И чем гуще лес, тем непригляднее рисовалось мне жилье, ожидающее нас на руднике. Еще поворот – и вот рудник перед нами. Полная противоположность тому, что я предполагал! Большое административное здание, плавательный бассейн, правда пустой, если не считать сухих листьев, но все-таки бассейн. Продолжая подниматься по склону, мы увидели среди деревьев на гребне семь-восемь коттеджей с изумительным видом на равнину, где раскинулось селение Бамбаву, и на сотни километров сплошного леса до границ Либерии. Многие постройки рудничного поселка были сильно запущены, но мы присмотрели себе два отличных коттеджа, стоящих по соседству друг с другом.

Пока переносили в дом наши вещи, я узнал от смотрителя, что в административном здании стоит генератор, снабжавший поселок электричеством. Если мы раздобудем топливо, электрик за небольшое вознаграждение с удовольствием подежурит на генераторе. Меня это вполне устраивало, заодно я договорился, что два крепыша из селения очистят бассейн и наполнят его водой.

Остаток дня мы с Долговязым Джоном разбирали вещи и складывали их в разных концах нашей просторной обители. А вечером Саду подал великолепный ужин – тушеное мясо с керри.

– По чести говоря, я этого больше всего опасался, – сказал Долговязый Джон, с удовольствием потягивая холодное пиво. – Соломенные хижины, скорпионы под потолком, пауки всякие, теплое пиво...

– Ешь да помалкивай, – ответил я. – Нам жутко повезло. У меня в жизни не было такого роскошного лагеря. Только подумать – ванна, настоящая уборная! Это же верх роскоши!

Скоро выяснилось, что сюрпризы рудника этим не исчерпываются. Например, вода поступала из родников в ближнем лесу, ее вполне можно было пить, не возясь с кипячением и фильтрованием. Далее, начисто отсутствовали комары. И наконец, благодаря свежему ветерку с гор в домах никогда не бывало душно.

Начались хлопотные дни. Мы побеседовали со старостой Бамбаву, объяснили этому добродушному старцу, для чего приехали, и попросили его подыскать в селении желающих ловить для нас «говядину» – в западноафриканском пиджине этим словом обозначаются всякие животные, от лягушки до слона. Затем мы наняли плотника, которому поручили сколотить ящики для клеток; готовые передние стенки мы привезли с собой из Англии. И вот уже в ряд выстроились множество клеток – увы, пустых. Тогда мы решили посетить все деревни в радиусе тридцати километров, чтобы народ узнал о нашем прибытии и наших задачах. Всюду мы предупреждали, что через три дня приедем опять, проверим, удалось ли поймать что-нибудь для нас.

Однажды вечером, вернувшись из очередной агитпоездки (выражение Долговязого Джона), мы искупались, переоделись, молча, со вкусом поужинали и уже хотели ложиться спать, как вдруг снизу донеслись необычные звуки. Флейты, барабаны, поющие голоса. Потом между деревьями

замелькали огоньки: целая вереница людей с фонарями в руках поднималась вверх по дороге.

– Это еще что за явление? – насторожился Долговязый Джон; дорога кончалась у наших домов.

– Не знаю, – ответил я. – Вероятно, какая-нибудь депутация из селения. Может, староста велел своему оркестру поиграть для нас?

Мы терпеливо ждали; наконец гурьба поющих африканцев подошла к нашему дому и выстроилась в шеренгу перед верандой. Двое в середине шеренги держали на плечах шест, на котором висела довольно большая клетка из толстых жердей.

– Ага! – сказал я Долговязому Джону. – Похоже, первая говядина прибыла. Только смотри, не очень восторгайся, что бы там ни оказалось, не то цена сразу подскочит.

– Что вы, что вы! Постараюсь сделать вид, будто это такая гадость, что мы ее даром не возьмем.

– Ну, друзья, что же вы принесли? – обратился я к собравшейся компании.

– Говядину, сэр, говядину! – последовал дружный ответ, и в свете фонарей засверкали белые зубы.

Гордо улыбаясь, ловцы опустили клетку на землю, и мы попытались рассмотреть содержимое сквозь щели. Судя по клетке, должно быть довольно крупное животное... Нет, ничего не видно. Тогда мы перетащили клетку на свет и перерезали прутья, которыми была привязана крышка.

– Берегитесь, сэр! – сказал один из охотников, когда я осторожно взялся за крышку. – Эта говядина вас укусит.

Приподняв крышку, я заглянул внутрь, и вдруг из клетки высунулась прелестная рожица. Она принадлежала крохотному мартышонку, который вполне уместился бы в чайной чашке. Зеленая мордочка, на носу белое пятно сердечком... Из темноты на меня уставились блестящие глазки, и мы услышали пронзительный писк, который вскоре стал привычной музыкой для обитателей базового лагеря. Я откинул крышку и извлек детеныша из ящика. У него была

зеленоватая спинка, длинный хвост и грустное личико. Вцепившись ручонками в мои пальцы, он снова пискнул дрожащим голосом.

– Эта говядина не кусается, – сказал я охотнику. – Это не взрослая обезьяна, это детеныш.

Знакомая уловка: почему-то африканцы убеждены, что, преувеличивая свирепость пойманного животного, они больше за него получают.

Долговязый Джон бережно принял мартышонка в свои широкие ладони, а я приступил к переговорам. Торговля затянулась, но в конце концов мне удалось сбить цену с пяти фунтов до двух. На самом деле малыш не стоил таких денег, но опыт научил меня, что на первых порах лучше переплатить, чтобы поощрить охотников, а потом можно и сбавить цену. Очень довольные сделкой, гости покинули нас, громко распевая под дробь маленького барабана. Они исчезли за деревьями, а мы с Долговязым Джоном поспешили раздобыть теплого молока и покормили изголодавшегося малыша. Потом устроили в одной из клеток теплую постель из сухих банановых листьев и уложили его спать.

– Ну, что ж, – сказал я Долговязому Джону, когда мы сами легли, – вот и первая добыча. Кстати, неплохая. Довольно редкий вид. Будем считать это доброй приметой.

Как я и думал, весть о том, сколько мы заплатили за обезьянку, быстро распространилась, и к нашему дому потянулась непрерывная цепочка охотников с самыми разнообразными животными. Тут были совята и летучие мыши, кистехвостые дикообразы и мартышата, крысы величиной с котенка, большие и малые мангусты. Агитпоездки по деревням тоже принесли плоды, из повторных визитов мы редко возвращались с пустыми руками, пусть даже весь улов состоял из черепахи или молодого питона. В клетках шуршала, пищала, визжала и гукала всевозможная живность; будет чем встретить группу из Би-Би-Си. Однако главного, за чем мы ехали в Сьерра-Леоне – гверец и леопардов, – добыть еще не удалось.

И вдруг, буквально накануне приезда киногруппы, мы наконец получили леопардов, причем совсем неожиданным путем.

Эти великолепные кошки становятся все большей редкостью из-за спроса на их шкуры, и сколько я ни допытывался у охотников, нельзя ли добыть несколько экземпляров, они только качали головой и твердили, что поймать леопарда «ну просто невозможно». Я уже начал привыкать к мысли, что мы останемся без леопардов. Но вот в один прекрасный день на дороге показался сильно помятый «лендровер». Возле нашего дома он остановился, и из кабины вышел поджарый молодой американец с пышными кудрями. Он представился: Джо Шарп, работает в Кенеме, слышал, будто мы собираем животных. Случайно леопарды нас не интересуют?



– Конечно, интересуют! А что? Вы знаете, где их можно найти?

– Понимаете, – ответил Шарп, – у меня есть два леопарда, один охотник уступил. Я сам их выкормил, им около шести месяцев... Вот я и подумал, может, вы заинтересуетесь.

– Еще как! – горячо подтвердил я. – А где они?

– Тут, – сказал он и показал на свой «лендровер». Американец подошел к машине, открыл дверцу

сзади, и из кузова выпрыгнула пара самых великолепных леопардов, каких я когда-либо видел. Рост – с хорошего Лабрадора, прекрасная расцветка, сильные ноги, шерсть переливается на солнце. Громко мурлыкая, они терлись о ноги Джо Шарпа. Хозяин пристегнул к ошейникам поводки, мы подвели леопардов к веранде, привязали их и сели, упиваясь чудесным зрелищем.

– Зовут их Герда и Локаи, – объяснил Джо, удобно устроившись в кресле и приняв предложенную мной кружку пива. – Мне кажется, это брат и сестра, потому что охотник принес их вместе и они были примерно одного роста, хотя Герда, как вы видите, постройнее Локаи.

Локаи положил на стол передние лапы, подозрительно обнюхал мою кружку, потом внимательно поглядел на меня и лизнул мне руку шершавым языком.

– Так вот, берите их, если хотите, – продолжал Джо. – Честное слово, жаль с ними расставаться, привязался, но мне скоро возвращаться в Штаты, а везти их с собой нельзя.

– Конечно, хотим, – сказал я. – Я еще никогда не видел такой красивой окраски. А доверять им можно?

Мой вопрос был вызван тем, что как раз в эту минуту Локаи убрал лапы со стола и нежно обхватил мою ногу. А когти-то острые...

– Вопрос по существу, – заметил Джо. – Со мной они дружат и с другими нашими ребятами тоже ладят, правда, не со всеми. А кого недолюбливают, тем лучше быть начеку. Локаи, например, способен прыгнуть на вас сверху, с двери, а весит он немало, так что если застигнет врасплох...

– Если застигнет врасплох, может вам шею сломать, – заключил я, отдирая лапы Локаи с моей ноги.

– Да нет, я думаю, они быстро освоятся. Они очень добродушные, честное слово.

– Где, – осведомился Долговязый Джон, – где мы будем их держать?

Вот именно! Я совсем упустил это из виду. Плотник сегодня выходной, и негде взять достаточно большую клетку, надо мастерить особо, за материалом придется ехать в Кенему. На все это требуется время, а завтра приезжают ребята из Би-Би-Си. Задача! И тут я вспомнил, что как раз между нашим коттеджем и маленьким домиком ниже по склону, предназначенным нами для киногруппы, стоит будочка площадью два на три метра, высотой около трех метров, которая, судя по всему, некогда служила общественной уборной. Если ее хорошенько почистить, леопарды вполне могут пожить там, пока для них не приготовят клетку.

Мы тут же спустились к будке и убедились, что она вполне подходит для леопардов. Правда, меня смущал просвет шириной около двадцати сантиметров между крышей и верхней кромкой стены, но Джо уверял, что они в эту щель не протиснутся.

После уборки мы отвели Герду и Локаи на новую квартиру и поставили перед ними по миске любимого ими блюда – консервированного собачьего корма, на котором их вырастил Джо. А сами возвратились на веранду, чтобы выпить еще по кружке пива.

Вечером, проведив Джо, мы с Долговязым Джоном не без трепета понесли в будку ужин. Заслышав наши шаги, леопарды завыли, замурлыкали и принялись царапать дверь, да так энергично, что мы беспокойно переглянулись.

– По-моему, – сказал я, – не худо бы и вооружиться для такой операции.

Мы срезали себе по крепкой палке. На всякий случай.

– А теперь, – продолжал я, – если осторожно открыть дверь и сунуть туда миску с едой, может, это их отвлечет, тогда мы поставим вторую миску и заберем грязную посуду.

– Пожалуй, – неуверенно произнес долговязый Джон.

Медленно, осторожно мы потянули дверь к себе: тотчас оба леопарда бросились на нее с другой стороны, приветствуя запах пищи радостным ворчанием. Мы сунули миску внутрь и

подтолкнули так, что она поехала по полу в дальний угол. Леопарды ринулись за ней, мы живо юркнули в будку, схватили грязную посуду, поставили на пол вторую миску с кормом, выскочили из будки, захлопнули дверь и заперли ее на засов.

– Ух! – вздохнул Долговязый Джон. – Доставят они нам хлопот. Скорее бы посадить их в клетку.

– Завтра прямо с утра возьмемся за дело, – сказал я. – Поезжай в Кенему за досками, а я попробую уговорить плотника поработать сверхурочно. Глядишь, к вечеру клетки будут готовы. Не такое уж хитрое сооружение.

– Идет, – согласился Долговязый Джон. – только не представляю себе, как мы будем кормить их утром. Кончится тем, что некому будет ехать в Кенему...

– А кто же еще их покормит? Придется нам, никуда не денешься.

– Ладно, – сказал Джон, – если погибну, то геройской смертью.

Мы отправились спать в довольно мрачном настроении.

На другое утро мы покормили леопардов тем же мудреным способом, потом приоткрыли дверь и поглядели на них в щелочку. Они лежали, облизываясь и удовлетворенно мурлыкая. Кажется, еда подействовала умиротворяюще... Что ж, рано или поздно надо налаживать дружбу, так стоит ли откладывать! И мы с Джоном закрылись в будке с леопардами. Заговорили с ними, стали их гладить и обнаружили, что Герда больше симпатизирует Долговязому Джону, а Локаи – мне. Если, конечно, считать знаком симпатии, когда на ваше колено ставят две толстые лапы и, потягиваясь и позевывая, впиваются когтями в кожу. Излияние чувств длилось около получаса, потом мы привязали к ошейникам достаточно длинные веревки и вывели леопардов на прогулку. Они вели себя очень смиренно и великолепно выглядели на солнце. Правда, когда настало время заводить их обратно в будку, они заартачились, но мы опять пустили в ход миски с кормом, и обошлось без

кровапролития.

Долговязый Джо отправился в Кенему за досками и прочими нужными нам вещами, а я закончил уборку клеток, накормил остальных животных и приготовился встречать киногруппу. Бригада Би-Би-Си приехала вместе с Джоном. Они встретились в Кенеме, и Джон явно наговорил им всяких ужасов про наше жилье – судя по изумлению, которое было написано на лице Криса, когда он вышел из «лендровера».

– Черт везучий, – улыбнулся он, идя ко мне. И тут на все четыре приземлился.

– Да, не жалуемся. Скромненько живем, конечно, но есть все совр. уд. и прочее. А что до лесной глуши, так вон, за домом ее достаточно, найдется, что снимать.

– Черт везучий! – повторил он.

Криса высоким не назовешь, зато природа снабдила его внушительным носом, кончик которого словно стесан топором. В минуту задумчивости он, будто коршун, зашторивает тяжелыми веками свои зеленые глаза, а когда что-нибудь не ладится, смахивает на замкнувшегося в себе верблюда.

Он представил мне своих товарищей. Говард – низенький, коренастый брюнет с волнистыми волосами, в огромных роговых очках, которые придавали ему сходство с благодушным филином, и оператор Юарт – высокий блондин скандинавского типа.

Мы расположились на веранде, и я попросил Саду принести пива.

– Как ты ухитрился найти такое место? – спросил Крис.

– Чистая случайность, – ответил я. – Поселок заброшен, этакая «Мария Целеста» на суше, но со всеми удобствами. В обоих домах ванны – действующие, заметь! – и уборные действуют, что еще важнее. Для продуктов и напитков есть холодильник. Подается электричество, так что можно заряжать аккумуляторы для ваших камер. А в конце вон той дорожки – бассейн, раздевайтесь и плавайте, если есть охота.

– Силы небесные! – воскликнул Крис. – Невероятно!

– Ага. У меня еще никогда не было такого роскошного базового лагеря. Сказка!

– Что ж, – Крис поднял кружку, – выпьем за хромовый рудник.

– Теперь уже не хромовый, – поправил его Долговязый Джон. – Теперь он именуется Говяжьим рудником.

С того дня и впредь мы только так и называли поселок.

Допили пиво, и я повел Криса с товарищами в приготовленный для них коттедж. По пути я взмахом руки указал на будку:

– Кстати, видите вон ту дверь? Вы уж не отпирайте ее, там у нас два леопарда.

– Леопарды? – Говард вперил в меня округлившиеся глаза. – Вы... вы сказали – леопарды?

– Ну да. Такие пятнистые кошки. Мы их заперли тут на время, пока не смастерим подходящую клетку.

– А вы уверены, что они не вырвутся на волю? – боязливо спросил Говард.

– По-моему, не должны, – ответил я. – Да вы не бойтесь, они еще молодые и совсем ручные.

После ленча Юарт, Говард и Крис пошли к себе разбирать багаж и проверять звукозаписывающую и съемочную аппаратуру – не растряслось ли что-нибудь в пути. Долговязый Джон поил детенышей молоком, я сел писать письмо, вдруг послышались крики «Джерри! Джерри!», и на склоне показался Говард. Он тяжело дышал и так волновался, что даже очки запотели.

– Джерри! – испуганно кричал он. – Скорей! Скорей сюда! Леопарды вырвались на волю!

– Господи! – я вскочил на ноги.

Джон бросил свои дела, мы вооружились палками и побежали вниз по склону, по пятам за взбудораженным Говардом.

– Где они? – спросил я.

– Они сидели на крыше, когда я к вам побежал. Крит и Юарт остались сторожить.

Верно, вот Крис и Юарт с палками в руках стоят на почтительном расстоянии от будки, не сводя испуганных глаз с Герды, которая восседает на крыше и добродушно ворчит себе под нос. А Локаи?...

– Куда делся Локаи? – крикнул я.

– Он только что спрыгнул на землю, – виновато ответил Крис. – Я не смог ему помешать, он ушел туда.

Крис показал в сторону плавательного бассейна.

– Джон, – сказал я, – займись Гердой. Она тебя любит больше, чем меня. Только, ради бога, не делай глупостей. Попробуй заманить ее вниз... Или сам заберись на крышу и привяжи веревку за ошейник. Крис, пошли искать Локаи!

И мы с Крисом принялись прочесывать склон, хотя я был почти уверен, что Локаи ушел в чашу за домом и мы его больше никогда не увидим. Вдруг я заметил его – лежит тихо-мирно под небольшим апельсиновым деревом! Я медленно пошел к леопарду, говоря что-то ласковое, и он ответил мне приветливым мурлыканьем. Дрожащими руками я захватил веревкой ошейник, завязал крепкий узел и подал веревку Крису.

– Держи, побудь тут с ним, пока я посмотрю, как там Джон справляется с Гердой, – сказал я и побежал вверх по склону.

– А что делать, если он встанет и пойдет? – жалобно крикнул Крис мне вслед.

– Иди за ним! Только не пытайся остановить его.

Вернувшись к будке, я увидел, что Юарт и Говард по-прежнему робко стоят поодаль, сжимая в руках палки, а Джон нашел какой-то ящик и сумел, встав на него, привязать веревку за ошейник Герды. Теперь мы могли быть спокойны, что она никуда не уйдет! Но Герда почему-то была не в духе и не хотела спускаться с крыши. Оставалось только вооружиться длинной жердью и подталкивать ее к краю, так что ей поневоле пришлось спрыгнуть вниз. Приземлившись, Герда повернулась и зарычала на Долговязого Джона, словно он ее оскорбил, даже угрожающе взмахнула лапой.

Хотя нашим леопардам исполнилось всего шесть месяцев, хищник есть хищник. Шлепнет играючи лапой, и половина лица долой. Так что мы вели себя чрезвычайно осмотрительно. Наконец Герда была водворена в будку. Джон сел возле нее, погладил, поговорил с ней, и она быстро успокоилась. После этого я опять спустился туда, где Крис стоял с видом покинутого всеми аиста, крепко держась за веревку, с другого конца которой на него зловеще поглядывал Локаи. Я отобрал у Криса веревку и легонько потянул. Локаи встал.

– Ну пошли, Локаи, – заговорил я. – Пошли... Там тебя вкусный обед ждет... И Герда. Пошли... Уютная уборная. Пошли...

Потихоньку, полегоньку, с многочисленными остановками – то надо что-то обнюхать, то видом полюбоваться – мы в конце концов довели Локаи до будки.

Тем временем срочно вызванный плотник забил досками щель под крышей, чтобы побег не повторился. Мы всей компанией вернулись в дом и приняли по кружке пива для успокоения расстроенных нервов.

– Надеюсь, такие вещи случаются не каждый день? – произнес Юарт.

– Ну, что вы, – ответил я, – От силы три-четыре раза в неделю, не чаще. Но ведь вам надо что-то снимать, вы же за тем и приехали?

– В будке держать их нельзя, – вмешался Крис.

– Плотник уже сколачивает клетку. К вечеру она будет готова, и мы переведем в нее леопардов. Вот вам, кстати, еще один веселенький эпизод.

– Гром и молния! Какие кадры! – обрадовался Крис.

– Боюсь, до темноты он не управится.

– Ничего, – заявил Юарт, – поставим софиты.

– Только бы свет их не напугал, – сказал я. – Если они начнут нервничать, придется вам выключать софиты и отменять съемки. Я не намерен рисковать головой для Би-Би-Си.

– Ладно, ладно, – пообещал Крис, – так и сделаем.

Киногруппа принялась устанавливать светильники, а плотник продолжал мастерить аккуратную клетку для леопардов. Уже стемнело, когда он вбил последний гвоздь, и мы включили для пробы софиты. Да-а, мощнось хоть куда! Весь участок был залит ярким светом. Трудно представить себе, чтобы такое сияние пришлось по душе леопарду...

Но вот приготовления закончены, мы с Джоном вооружились палками и веревками, взяли миски с собачьим кормом и отправились за леопардами. Покормили их все тем же способом, затем вошли в будку, наговорили им кучу ласковых слов, объяснили, что сегодня они станут кинозвездами, взяли их на поводок, вывели наружу и не торопясь двинулись вверх по склону. Скорость задавали леопарды, а им было угодно время от времени останавливаться. Стоят и глядят – уши подергиваются, усы торчат, будто антенны. Наконец мы перевалили через гребень и ступили на освещенный участок.

Секунда, и Долговязый Джон, который только что шел рядом со мной, мчитя во всю прыть вниз по склону, увлекаемый Гердой! Она тянула его, словно куклу, а я ничем не мог ему помочь, так как был крепко привязан к Локаи, который воспринял светильники куда спокойнее. Я медленно подвел Локаи к клетке. Незнакомый предмет вызвал у него вполне естественное недоверие, так что я позволил ему обойти вокруг клетки и обнюхать ее. Потом я поставил внутрь миску с кормом и подтянул Локаи к входу. Он был уже наполовину в клетке, когда ему вдруг пришло в голову, что я затеял что-то нехорошее. Локаи подался назад; к счастью, у него была достаточно широкая корма, я живо втолкнул его внутрь и захлопнул дверку. Он занялся едой, тем временем я отвязал и вытащил веревку.

В ту же минуту на горизонте показался Долговязый Джон. Тяжело дыша, он тащил за собой сопротивляющуюся Герду. Она была в отвратительном расположении духа, и мы оказались перед нелегкой задачей: предстояло затолкать

рассерженного леопарда в клетку, из которой рвался на волю другой леопард, подкрепившийся полной миской любимого корма. Пришлось основательно потрудиться, но вот наконец оба зверя водворены в клетку и дверца надежно заперта. Джон и я вздохнули с облегчением, и в это время из-за софитов раздался довольный голос Криса:

– Отличный эпизод! И все шло как по маслу, напрасно вы так беспокоились.

Мокрые от пота, в царапинах, которыми нас щедро наделили шаловливые леопарды, мы с Джоном посмотрели друг на друга.

– Хоть бы черт побрал это Би-Би-Си! – проникновенно сказал Долговязый Джон. – Да поскорее!

– Одобряю! – поставил я свою резолюцию.

6. Поймайте мне колобуса

Уважаемый сэр!

Мою жену доставили в больницу. Врач написал мне, чтобы я пришел и заплатил за нее. Если вы расплатитесь с нами сегодня, я пойду туда. Если нет, прошу вас, сэр, одолжите мне 4 леоне или 2 фунта стерлингов. Я не хочу идти туда без вашего ведома. Желаю, сэр, доброго утра.

К этому времени наша коллекция успела основательно разрастись, и одним из пополнений была тройка буйных юных шимпанзе – Джимми, Эймос Татлпенни и Шеймус Нотул. Мы приобрели их у людей, которые держали обезьян как домашних животных. Чем больше коллекция, тем больше работы, и нам с Долговязым Джоном приходилось вставать на заре, чтобы к девяти утра или к половине десятого, когда солнце уже позволяло снимать, все звери были чистыми, накормленными и готовыми к съемке.

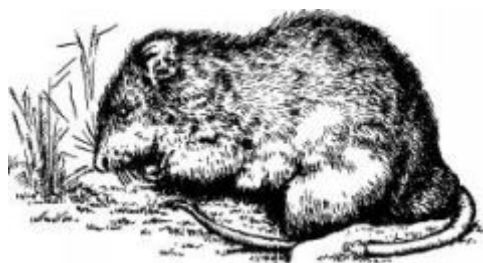
Как ни странно, на Говяжьем руднике вставать на заре было скорее удовольствием, чем наказанием. Отсюда открывался вид почти до самой либерийской границы, и рано утром на юге перед нами словно простиралось молочное море, из которого тут и там островками торчали макушки холмов. Выйдя из-за горизонта, солнце поначалу смахивало на замороженный красный апельсин, потом, разогревшись, оно принималось сучить из тумана длинные извилистые плети, и казалось – весь лес объят пламенем.

Мы выпивали чашку чая и любовались восходом, после чего совершали обход нашего зверинца. Удостоверившись, что за ночь ни на кого из зверей не напала та или иная хворь, Долговязый Джон кормил малышей молоком или каким-нибудь специальным составом, а я начинал чистить

клетки. Потом мы часок-другой нарезали фрукты и прочий корм для остальных животных. Смотришь, пора завтракать; зевая и потягиваясь, к нам из нижнего дома поднимались кинодеятели. После завтрака мы договаривались, какие сюжеты, делать сегодня, и приступали к съемкам.

Конечно, всякое кино в известном смысле подлог, но подлог подлогу рознь. Скажем, если мы хотели показать, как был пойман какой-то зверь, его надо было извлечь из клетки, отнести в лес и ловить снова перед кинообъективом. Или мы, например, задумали познакомить зрителей с особенностями поведения животного. Для этого нужно отнести его в лес, выпустить на подходящем участке, огороженном сетями, и ждать, когда наш актер изобразит требуемое. Работа довольно нудная, требующая изрядного терпения, особенно когда стоишь и жаришься на солнцепеке.

Помню, мы решили снять, как хомяковая крыса уписывает корм, потом набивает впрок полные защечные мешки и ходит словно с флюсом. Хомяковую крысу никак не назовешь красавицей: ростом с небольшую кошку, шерсть шиферного цвета, широкие розовые уши, розовато-коричневый хвост, на носу – множество длинных трепещущих волосков.



Наш Альберт, когда ему ставили в клетку корм, жадно набрасывался на миску, наедался до отвала, потом набивал остатками защечные мешки и нес добычу в угол, к своему ложу, чтобы там схоронить. Я был уверен, что он и в лесу повторит эту процедуру. В назначенный день мы оставили его

без завтрака и торжественно отнесли в лес, к контрфорсам исполинского дерева. Обнесли участок сетями, разложили на земле всякие заманчивые плоды и выпустили Альберта из клетки.

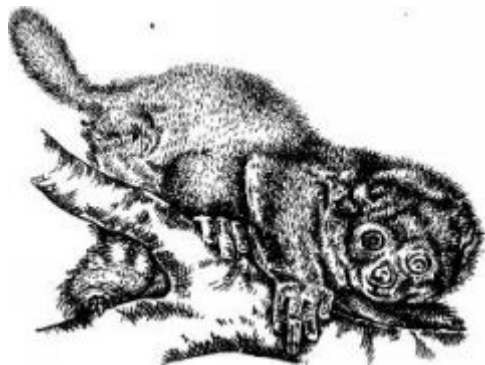
Застрекотали камеры, а наш Альберт – надо же! – равнодушно протрусил мимо угощения, нашел удобную ямку в корне, свернулся в ней калачиком и уснул. Мы безжалостно извлекли его из ямки и посадили к плодам. Он опять улизнул. Четыре раза сажали мы его к плодам, и четыре раза он воротил от них нос, хотя время завтрака давно прошло, пора и проголодаться. Лишь в пятый раз Альберт заметил угощение – словно вдруг прозрел. Он нетерпеливо обнюхал один плод, однако Крис напрасно ждал обещанную мной сцену, потому что Альберт аккуратно взял лакомство зубами, отошел в сторонку, сел на задние лапки и принялся есть с видом престарелой герцогини, изволившей откусывать мороженого. Отнюдь не то, что было нужно нам! Ладно, хоть какой-то материал...

В другой раз мы решили снять потто. Этот зверек – отдаленный родич обезьян, а с виду похож на игрушечного мишку. У потто любопытное строение кисти: указательный палец редуцирован до маленького бугорка, что позволяет ему крепче цепляться за ветви деревьев. А отростки шейных позвонков сзади буквально торчат наружу, и, когда потто надо обороняться, он прячет голову между передними лапками, так что в пасть врага впиваются острые шипы, которые могут отбить аппетит даже у самого кровожадного хищника.

Нам потто нужен был для связки с другим эпизодом, снятым накануне. От него требовалось всего лишь посидеть спокойно на ветке, потом дойти до ее конца, больше ничего. Он уже пообедал, и мы рассчитывали управиться со съемками в пять минут.

В подходящем месте мы выбрали подходящую ветку, расставили софиты и камеры (на что ушло немало времени), наконец извлекли из клетки потто и посадили его на дерево.

Он тотчас спрятал голову между передними лапками и замер в оборонительной позе. Прошло четверть часа, софиты перегрелись, пришлось их выключить. Потто оставался недвижим. Я недоумевал, почему он вдруг испугался нас, ведь давно уже привык есть из рук! Так или иначе, зверек перетрусил, и нам оставалось только терпеливо ждать с выключенными софитами.



Надо вам сказать, что для меня нет ничего прекраснее ночного тропического леса, а этот лес был особенно хорош. В период дождей овраг, где мы сидели, наверное, заполнялся бурным потоком, но сейчас было сухо, и валуны обросли мхом, по которому ползали и над которым летали сотни горящих изумрудом светлячков. В воздухе бесшумно проплывали призрачные стайки мотыльков, со всех сторон звучало пение цикад и других насекомых – то словно пила жужжит, то кто-то звонит в крохотный колокольчик... Поглощенный созерцанием, я чуть не забыл про потто и Би-Би-Си; вдруг Крис прошептал мне на ухо:

– Кажется, тронулся.

Мы заняли боевые посты, включили свет, потто приподнял голову и снова спрятал ее. Еще четверть часа ожидания, а затем произошли одновременно два события. Потто поднял голову, и в ту же минуту Юарт, поглядев на часы, изрек, должно быть, самую неподходящую к моменту

фразу, которая только звучала в Африке после встречи Стенли и Ливингстона.

– Ребята в Бристоле сейчас как раз выходят из пивной, – произнес он проникновенно.

Слова Юарта произвели сильное впечатление на потто. Видно, он был одним из лидеров Общества трезвенников, ибо вместо того, чтобы бежать по ветке в сторону камеры, зверек повернул кругом и задал стрекача. Полчаса ушло на то, чтобы отыскать его среди ветвей. Наконец потто был пойман и водворен на место, после чего безропотно выполнил все, что от него требовалось, и нужный эпизод был снят. В итоге мы потратили больше двух часов на кадры, которые на экране длились от силы тридцать секунд.

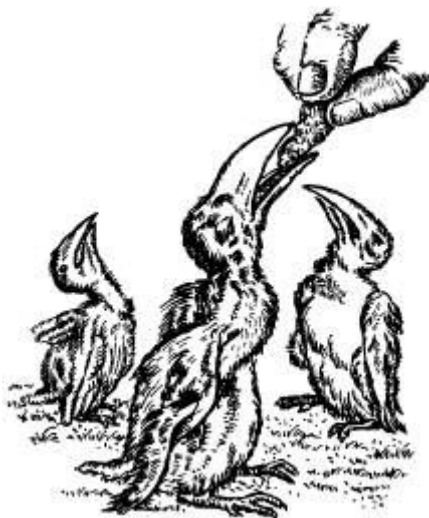
Разумеется, мы снимали также будни зверинца – чистку клеток, кормление животных. Правда, называть уход за животными будничным делом неверно. Во все дни недели они всячески стараются озадачить вас и вывести из себя. Например, был у нас очень красивый африканский зимородок. Так вот, мы не могли обеспечить его естественным кормом (маленькими змейками и ящеричками, кузнечиками и саранчой) и давали взамен мелко нарезанное мясо. Что же вы думаете, этот чудак яростно колотил каждый кусочек о палку, «убивая» добычу, прежде чем ее проглотить.

С самого начала я предупреждал Долговязого Джона, что в каждой зоологической экспедиции наступает минута, когда вам кажется, что теперь-то уж вы все знаете. Это опасная минута, ибо, как ни старайся, все знать и предусмотреть невозможно. Стоит вам возомнить о себе, и вы непременно совершите какую-нибудь ошибку. Я однажды вообразил, что все постиг, и тотчас был наказан: меня укусила змея. Это было очень неприятно, зато с тех пор я стал осмотрительнее.

Но вот как-то раз нам принесли очаровательного птенца белошлемных носорогов, у которых все оперение черное, а на голове словно колпак из пушистых белых перьев. Я очень обрадовался, потому что это был наш первый носорог, и

прочитал Долговязому Джону целую лекцию об этих птицах и их повадках. Обычно птенцов носорога и тукана легко выкармливать, и я не сомневался, что Томми – так мы его назвали – не причинит нам хлопот. Мы накрошили плодов, посадили Томми на столик для кормления и поднесли к его клюву заманчивый кусок. Никакого впечатления.

– Ничего, со временем привыкнет, – сказал я. – А для начала, пожалуй, придется кормить его насильно.



Мы затолкали ему в горло кусочек плода – он тотчас его отрыгнул. Второй затолкали поглубже – через несколько минут Томми и от него избавился тем же способом.

– Наверно, он еще не освоился, – предположил я. – Пусть посидит в клетке, потом снова попробуем. Мало ли что, может быть, его поймали сразу после того, как мать покормила его, и он просто не успел проголодаться.

И мы вернули Томми в клетку. Часа через два или три опять извлекли и повторили трудоемкую процедуру насильственного кормления. Птенец упорно отрыгивал пищу. Сколько мы в тот день ни предлагали ему плодов, он продолжал их отвергать.

– Честное слово, ничего не понимаю, – сказал я Долговязому Джону. – У большинства юных носорогов после первых же укусов такой аппетит развивается, что потом только успевай их кормить.

На другое утро Томми выглядел отнюдь не бодро, однако упорно не брал корма, хотя явно был голоден.

– Что за чертовщина! – рассердился я. – Придется справочник полистать. Может быть, ему требуется что-то особенное.

Я-то, невежда, был уверен, что птицы-носороги едят овощи, фрукты, насекомых, словом, чуть ли не все подряд. Но справочник показал, что наш Томми относится к редким видам, питающимся почти одним мясом. И пичкать его фруктами было все равно что потчевать кровавым бифштексом убежденного вегетарианца.

Мы вынули Томми из клетки, посадили его на столик, накрошили мяса, и через полминуты он уписывал, что твой волк. Больше он никогда не бастовал. Так Томми преподал мне урок; надо думать, и Долговязому Джону тоже...

Одно дело – уход за животными в зоопарке с хорошо налаженным хозяйством, где всегда есть чем кормить и кому лечить, и совсем другое – когда вы обитаете у черта на куличках, животные сидят в тесных деревянных ящиках, и всем, от ветеринарии до ремонта, надо заниматься самому. К тому же звери, смирившись с заточением, тотчас начинают развлекать вас эксцентрическими выходками. И что за причуды! Скажем, сегодня они выказывают такую страсть к апельсинам, что вы немедленно закупаете для них целую гору. Но предложите им апельсин завтра – они посмотрят на вас со смертельной обидой, подавай им земляные орехи. А если вы не будете ублажать их, как престарелая леди ублажает свою болонку, они загрустят и захиреют.

Достаточно назвать панголина.



Я очень обрадовался, когда его принесли, потому что в прежних экспедициях в Западную Африку мне никак не удавалось подобрать ключик к этим странным животным, смахивающим на ожившую сосновую шишку с хвостом. Не удавалось потому, что главная пища панголинов – маленькие свирепые древесные муравьи. Обдумывая в Англии вопрос о диете панголинов, я заключил, что в смеси из сырых яиц, молока и фарша, которую мы им предлагали, не хватало одного ингредиента, а именно муравьиной кислоты. Чтобы проверить свою догадку, я на сей раз взял с собой пузырек с муравьиной кислотой и сам ежедневно готовил корм для нашего панголина. При этом я пытался представить себе, как описал бы мой рецепт телевизионный кулинар:

«Дорогие зрители, возьмите две столовые ложки сухого молока, хорошенько размешайте в четверти пинты воды, затем в полученную густую смесь вбейте одно сырое яйцо. Насыпьте туда же горсть мелко нарубленного сырого мяса, осторожно все взболтайте и наконец добавьте в виде приправы щепотку рубленого муравейника и каплю муравьиной кислоты. Сразу же подавайте на стол. Это блюдо произведет отменное впечатление на ваших гостей, и вам обеспечена слава лучшего в сезоне устроителя

панголиновых вечеринок».

Да, интересно было бы составить кулинарную книгу для звероловов, этакий «Гастрономический Лярусс» с рекомендациями, как лучше всего приготовить личинок, червей и тому подобное.

Мы уже засняли большинство животных из нашей коллекции и накопили гору готовых роликов, а красно-черных и черно-белых колобусов, или гверец, ради которых мы ехали в Сьерра-Леоне, все не было. Охотники несли нам всяких обезьян, только не гверец, и в конце концов я начал отчаиваться.

– Это пустой номер, – сказал я Крису. – Придется организовать облаву на обезьян, может быть, так что-нибудь получится.

– Облаву на обезьян? – удивился Крис.

– Ну да. На плантациях какао устраивают облавы – загоняют всех обезьян на какой-то участок и убивают. Ведь они сущее разорение для плантации. Насколько я помню, власти платят вознаграждение, по шиллингу с головы. Сегодня же попрошу Долговязого Джона съездить в Кенему и выяснить, где нам лучше всего попытаться счастья. И будет интереснейший киносюжет.

Итак, Долговязый Джон отправился в Кенему, а вернувшись оттуда, сообщил, что ему назвали три-четыре деревни, где регулярно устраивают облавы на обезьян, но, чтобы уговорить местных жителей выйти на внеочередную облаву, надо заручиться помощью властей. Мы решили завтра же этим заняться.

На другое утро я, как обычно, встал на рассвете и вышел на веранду, ожидая, когда Саду принесет чай. Долговязый Джон с великим трудом отрывался от постели и приходил только к самому чаю.

Я стоял и смотрел на оплетенный туманом лес; вдруг из долинки перед домом ко мне донеслись какие-то звуки. Очень приятные звуки, словно шорох волн на каменистом берегу.

Так шуршат листья, когда обезьяны прыгают по деревьям, но я не мог сразу разглядеть, какие это обезьяны. Они направлялись к могучему дереву на склоне, метрах в двухстах от веранды. Красивое дерево: зеленовато-серый ствол, сочная зелень листвы, россыпь ярко-алых стручков длиной около пятнадцати сантиметров.

Опять треск и шорох... На секунду воцарилась тишина, и вдруг все дерево словно расцвело, причем каждый цветок был обезьяной. У меня захватило дух: я узнал красно-черных гверец. Густая каштаново-красная и угольно-черная шерсть переливалась в лучах утреннего солнца, будто лаковая. Упоительное зрелище!

Я насчитал около полутора десятков гверец да еще двух-трех детенышей. Забавно было смотреть, как малыши, перебираясь с места на место, хватаются без разбора то за ветви, то за хвосты родителей. Меня удивило, что гверцы пренебрегают стручками, зато жадно едят молодые листья и побеги. Любуясь этими на редкость красивыми обезьянами, я сказал себе, что непременно надо раздобыть несколько экземпляров для нашей коллекции. Гверцы продолжали мирно завтракать, обмениваясь тихими возгласами; вдруг на веранде появился Саду с гремящим подносом, и, когда я снова поглядел на дерево, обезьяны уже исчезли. Приступая к чаепитию, я вспомнил одну не очень умную женщину, которая на приеме в Фритауне сказала мне: «Не понимаю, мистер Даррелл, и что это вас тянет куда-то в глушь! Там же нет ничего интересного». Вот бы показать ей этих гверец!

Попозже мы отправились на переговоры к местным властям, оставив Долговязого Джона присматривать за животными. Глава районной администрации совещался с деревенскими старостами, и нам пришлось ждать конца совещания, прежде чем он нас принял. Это был очень симпатичный молодой еще человек в простом белом одеянии и пестрой ермолке; большинство старост щеголяли в роскошных красочных мантиях. Через переводчика я объяснил, для чего мы приехали в Сьерра-Леоне, и

подчеркнул, что нам особенно важно снять и поймать живьем гверец обоих видов. Слово «живьем» пришлось повторить несколько раз, потому что они привыкли расправляться с обезьянами и никак не Могли взять в толк, что нам нужны живые и невредимые гверцы. В конце концов до них дошел смысл моей просьбы; оставалось только надеяться, что они пошлют в деревни гонцов с четкими инструкциями.

Беседа с этими людьми доставила мне истинное удовольствие. Я любовался их красивыми выразительными лицами. Большие черные глаза смотрели строго и оценивающе, как у какого-нибудь уличного торговца с лондонской Петтикоут-Лейн, но малейшей шутки было достаточно, чтобы в них заплясали веселые чертики, обличая столь редкую у европейцев живость чувств.

По словам районного начальника, если бы речь шла только о съемках, лучше всего подошла бы плантация какао неподалеку от деревни, там всяких обезьян хватает. А вот для облавы место неподходящее, придется ехать в другую деревню, подальше. Что ж, посмотрим на ближнюю плантацию, раз уж мы здесь.

По пути туда я размышлял о том, как в Сьерра-Леоне обходятся с обезьянами. Ежегодно во время облав убивают от двух до трех тысяч. Дело в том, что обезьянам, на их беду, не втолковали, какую важную роль в экономике страны играет какао, поэтому они вторгаются на плантации и причиняют немалый ущерб. Приходится ограничивать их численность, но при этом, к сожалению, не делают различия между видами. В Сьерра-Леоне участникам обезьяньих облав платят вознаграждение с головы, и они убивают всех обезьян без разбора. В том числе и оба интересовавших нас вида гверец, хотя теоретически они охраняются законом. Вот вам типичный пример того, как одного казнят за грехи другого – ведь гверцы не причиняют никакого вреда плантациям какао.

Сколько раз наблюдал я такие картины, и всегда досадно становится: государства готовы выложить миллионы на воздушные замки, а на охрану животных и гроша жалко. И

получается, например, что ежегодно убивают три тысячи обезьян, половина которых вовсе и не посягала на урожай какао. Больше того, гверецы могли бы стать неплохим аттракционом для туристов.

Как только мы приехали на плантацию, я понял, почему нужны облавы. Куда ни взглянешь, на молодых деревцах какао кормятся целые отряды обезьян. Но, как я и предполагал, среди них не было ни одной гверецы; преобладали мартышки диана и зеленая. Глядя на правильные шеренги молодых деревьев в питомнике, нетрудно было представить себе, что буйная обезьянья ватага способна за десять минут очистить двух-трехлетнее деревце от листьев.

Крис со своими товарищами установил аппаратуру и принялся снимать мартышек, а я пошел на край плантации и скоро очутился в лесу. Четкого рубежа нет, но когда вам перестают встречаться деревья какао, только лесные породы стоят кругом да могучими окаменевшими фонтанами рвутся ввысь шелестящие прутья бамбука, вы понимаете, что плантация кончилась. Необычно было пробираться сквозь заросли бамбука, где мощные стебли, иные толщиной с бедро человека, певуче поскрипывали от малейшего ветра. Наверное, такую же музыку слышали некогда моряки, идя на всех парусах мимо мыса Горн.

Я искал гверец, но ведь в тропиках на каждом шагу видишь столько интересного, что поневоле отвлекаешься. То совсем незнакомый цветок, то ярко окрашенный гриб или лишайник, то не менее живописная древесная лягушка или кузнечик. Тропики можно сравнить с каким-нибудь роскошным творением Голливуда – сразу чувствуешь, насколько ты, в сущности, мал и ничтожен пред ликом сложного и прекрасного мира, в котором обитаешь.



Я тихо шел через лес, поминутно останавливаясь, чтобы получше рассмотреть какую-нибудь диковинку. И вдруг, на радость мне, явилось то, что я искал! Что-то прошуршало на деревьях впереди меня, я осторожно направился туда и прямо перед собой увидел стаю черно-белых гверец. Стая была небольшая, шесть особей, и одна самка держала на руках двойню – случай довольно редкий. Обезьяны спокойно уписывали листья метрах в пятнадцати над моей головой, не проявляя ни малейшей робости, хотя они, конечно же, заметили меня. Разглядывая их в бинокль, я заключил, что они далеко не такие живописные, как красно-черные гверецы, но в них была своя прелесть. Черная-пречерная шерсть – и белоснежные хвосты; вокруг мордочки словно рамка из белой шерсти; и держатся с таким достоинством, будто члены какого-то неведомого религиозного ордена. Насытившись, гверецы двинулись дальше.

Уж как поразили меня своим проворством красно-черные гверецы, а черно-белые могли дать им сто

очков вперед. Не задумываясь, они бросались вниз с макушки пятидесятиметрового дерева и «приземлялись» на ветвях внизу с такой точностью, таким изяществом, что Гарзан лопнул бы от зависти.

А вернувшись на плантацию, я увидел еще одно редкое зрелище – ликующего Криса. Его группе удалось снять отличные кадры кормящихся мартышек. Можно было укладывать свое имущество и возвращаться в селение.

Был базарный день, и, так как я обожаю африканские базары, мы задержались в деревне. Все хлопочут, все возбуждены, огромные глазаща горят, зубы сверкают... Яркие краски воскресных нарядов, многоцветные горы плодов и овощей, кипы пестрых тканей – точно идешь сквозь радуго! И чего только нет на прилавках – от нанизанных на бамбуковые лучины высушенных лягушек до сандалий из старых покрышек.

Неожиданно ко мне подошел стройный молодец в выдавшем виды тропическом шлеме, белой майке и шортах защитного цвета. Учтиво приподняв шлем, он осведомился:

– Простите, сэр, вы – мистер Даррелл?

У него был такой писклявый голос, что в первую минуту я принял его за женщину.

– Да, я мистер Даррелл.

– Меня прислал начальник, сэр. Мое имя Мохаммед, и начальник сказал мне, что вы хотите поймать живых обезьян. Так вот, сэр, я могу устроить это для вас.

– Большое спасибо, – неуверенно произнес я. Он отнюдь не производил впечатления человека, способного организовать облаву на обезьян. А впрочем, начальнику лучше знать...

– Когда вы хотели бы устроить облаву, мистер Даррелл?

– Как можно скорее. Мне нужны не какие-нибудь обезьяны, а гверецы – черно-белые и красно-черные. Знаете таких?

– Да, сэр, знаю, – ответил он. – У нас их тут много, очень много.

– А как происходят эти облавы? – любопытно спросил я.

– Сейчас объясню, сэр. Сперва мы отыскиваем обезьян, рано-рано утром, потом гоним их, гоним, кричим и гоним, все время кричим и гоним, пока не загоним в нужное место. Потом срубаем все деревья вокруг. А потом под тем деревом, на котором сидят все обезьяны, складываем груды.

– Груды? Какую груды?

– Мы собираем в кучу весь хворост, который лежит на земле, складываем огромную кучу под деревом, а обезьяны спускаются по дереву и попадают в эту кучу, и мы их ловим.

Объяснение Мохаммеда показалось мне в высшей мере неправдоподобным, но по его лицу было видно, что он говорит вполне серьезно.

– И когда же можно устроить облаву? – спросил я.

– Могу устроить послезавтра.

– Отлично. Нам надо быть там с самого начала, чтобы все снять. Понимаете? Так что без нас не начинайте!

– Нет-нет, сэр.

– Мы приедем часов около девяти.

– О-о-о-о... это слишком поздно, сэр.

– Да, но раньше снимать нельзя, слишком темно, – объяснил я.

– А... а если мы сперва подгоним обезьян поближе к подходящему дереву, можете вы снимать потом? – допытывался он.

– Можем... если будет достаточно светло. Если начнем часов около девяти или половины десятого. В это время будет уже достаточно светло для съемок.

Мохаммед немного поразмыслил.

– Ладно, сэр, – заключил он. – Приезжайте в деревню к девяти часам, и обезьяны будут ждать вас.

– Хорошо. Большое спасибо.

– Не за что, сэр.

Он надел свой тропический шлем и важно зашагал прочь по людной базарной площади.

В назначенный день мы поднялись чуть свет, тщательно

проверили всю съёмочную и звукозаписывающую аппаратуру и взяли курс на деревню, где была назначена облава на обезьян.

Нас встретили и повели по узкой тропке через банановую плантацию в лес. Вскоре послышался страшный гвалт, с каждым нашим шагом он становился все громче, и вот мы уже там, куда загнали обезьян. Что это было! Дикая суматоха, шум и гам, человек триста ретиво рубили подлесок, а между ними важно расхаживал Мохаммед, выкрикивая тонким голосом команды, которые явно никто не слушал.

Ловцам удалось загнать на огромное дерево две стаи гверец; теперь они торопились отрезать обезьянам пути к отступлению, и те все больше нервничали, видя, как падают деревца кругом. Одна-две гверцы все-таки сумели уйти, прыгнув с пятидесятиметровой высоты на ближайшую пальму. Африканцы проводили их дружным гиканьем и удвоили свои усилия.

Мне всегда больно смотреть, когда рубят деревья, а тут их валили нещадно. Правда, мне сказали, что этот участок предназначен под плантацию какао, рано или поздно его все равно расчистят. Наконец с треском рухнуло последнее высокое дерево, которым гверцы могли воспользоваться для бегства, осталось несколько пальм, а их достаточно было лишить зеленого убора. Ложась на землю, срубленные листья хрустко шелестели... Удивительный это был звук, словно приседали дамы в накрахмаленных кринолинах.

Усилиями моих доблестных охотников была расчищена изрядная площадь вокруг заветного дерева, и я с интересом ждал, что последует дальше. А последовало нечто вроде перерыва на чай в африканском духе. Несколько человек разрубили на куски особую лиану – она внутри полая и содержит много влаги, – и потные, разгоряченные участники облавы утоляли жажду из этого живого родника, возбужденно обсуждая следующий этап операции. Предстояло, как сообщил мне Мохаммед писклявым голосом, «соорудить кучу». Снова заработали пилы и топоры, и под деревом вырос

конус из ветвей и пальмовых листьев. Его окружили сетями, затем охотники дружно принялись заготавливать длинные рогатины. Когда обезьяна, соскочив на груду ветвей, попадает в сеть, ее прижимают рогатинами к земле, после чего жертву можно схватить за шиворот и хвост.

Я внимательно наблюдал за макушкой дерева, где собрались обезьяны. Густая листва не позволяла определить, сколько их там, но я рассмотрел оба интересующих меня вида гверец. Наконец Мохаммед доложил, что все готово, и я – не столько потому, что он меня убедил, сколько из отзывчивости – распорядился поднести клетки поближе. Я сильно сомневался, что с такими способами лова что-нибудь получится, но все-таки лучше быть начеку – вдруг каким-то чудом удастся добыть гверецу-другую.

Двое африканцев извлекли откуда-то огромную древнюю пилу, у которой почти не осталось зубьев, перелезли через сети, вскарабкались на конус из ветвей и принялись пилить ствол.

– Что это они затеяли? – спросил я Мохаммеда.

– Если обезьяна подумает, что мы хотим спилить дерево, сэр, она спустится на кучу, и тут мы ее изловим, – объяснил он, вытирая потный лоб.

Я навел на макушку дерева бинокль. Не видно, чтобы пила произвела на обезьян какое-то впечатление... А ствол огромный, таким инструментом и через полгода его не перепилить. Полчаса спустя, убедившись, что парни трудятся впустую, я подозвал Мохаммеда.

Он подбежал ко мне и лихо козырнул:

– Слушаю, сэр!

– Вот что, Мохаммед, так у нас вряд ли что-нибудь получится. Это дерево можно еще сто лет пилить, а обезьянам хоть бы что. Почему бы не испробовать другой способ?

– Слушаюсь, сэр. Какой?

– Если расчистить клочок под самым деревом, чтобы не загорелась вся груда, развести на нем небольшой костер и подбрасывать зеленые листья, много-много зеленых листьев,

от них наверх пойдет дым, и тогда, может быть, обезьяны спустятся вниз.

– Хорошо, сэр. Мы попробуем.

Зазвучали команды, отдаваемые пронзительным, как у чайки, голосом, и вот уже клочок земли расчищен, костер разведен. Медленно потянулся вверх дым, обвиваясь вокруг могучего ствола. Я перевел взгляд на обезьян – как они? Почуввав запах дыма, гверечи засуетились, правда без особой тревоги. Но по мере того как на костер ложились новые охапки зеленых листьев и дым становился все гуще, они стали метаться взад-вперед среди ветвей.

Три сотни африканцев, которые только что с диким гомоном сокрушали подлесок, теперь окружили сеть безмолвным кольцом, держа наготове рогатины. Не успел я попросить Мохаммеда, чтобы он передал загонщикам предупреждение: не набрасываться всем сразу на первую же обезьяну (если вообще хоть одна спустится с дерева), а стеречь всю сеть, как прямо с макушки на груду ветвей ловко прыгнула черно-белая гвереча и, к моему изумлению, исчезла среди листьев. Клич, вырвавшийся из груди загонщиков, напоминал восторженный вопль болельщиков после забитого гола. Затем последовала долгая пауза... Вдруг обезьяна появилась снова и бросилась прямо в сеть. Как я и ожидал, большинство загонщиков сорвались с места, выставив рогатины вперед.

– Вели им вернуться в строй... вернуться в строй! – крикнул я Мохаммеду.

Звонкие команды Мохаммеда восстановили порядок. Чтобы управиться с гверечей, достаточно было двух человек. Они пригвоздили сеть к земле рогатинами, и я подбежал, чтобы рассмотреть добычу вблизи. Ухватив обезьяну за шиворот и основание хвоста, один из охотников извлек ее из сети. Это была совсем молодая самка, крепкая и здоровая.



На вид такие смирные и меланхоличные, гверцы тем не менее могут вас преобильно укусить, так что обращаться с ними надо очень осторожно. Мы отнесли пленницу к клетке, посадили внутрь и, захлопнув дверцу, накрыли клетку пальмовыми листьями, чтобы обезьяне было спокойнее. Только я вернулся к дереву, как с него дождем посыпались гверцы. Они мелькали в воздухе с такой частотой, что я не успевал их считать. А едва коснутся ветвей – тотчас ныряют внутрь, так что и тут не уследить.

Какое поднялось столпотворение! Из кучи ветвей одна за другой в сеть выскакивали обезьяны, ловцы орудовали рогатинами, воздух наполнился возбужденными криками. Шум, гам, полная неразбериха... Бессильный что-либо предпринять, я стоял у клеток, еле успевая определять пол и вести подсчет обезьян, которых приносили ловцы.

Задним числом подумаешь – просто удивительно, как в голове одновременно уместается столько мыслей. Глядя, как ловцы волокут очередную отбивающуюся жертву, я волновался, не слишком ли крепко они ее держат, не грубо ли

обращаются. Тут же надо было определить состояние обезьяны. Если зубы сильно сточены, значит, она уже немолода – освоится ли она в неволе? Сажают ее в клетку – надо внимательно следить, как бы впопыхах не прищемили дверцей хвост. И в то же время я соображал, насколько данный экземпляр испуган, насколько взбудоражен. Вынесет ли переезд до лагеря. И если вынесет – скоро ли привыкнет к новой обстановке?

Любопытно, что большинство гверец уже через два-три часа принимали пищу из моих рук, хотя облава должна была основательно их напугать.

Когда последняя обезьяна была посажена в клетку, мы тщательно перерыли ветви, чтобы убедиться, что под ними никто не притаился. Лишь после этого я смог приступить к индивидуальному осмотру и окончательному подсчету. Пока что я знал только, что нам невероятно повезло, мы в один заход добыли и красно-черных и черно-белых гверец. Теперь, обойдя все клетки, я насчитал десять красно-черных и семь черно-белых экземпляров разного возраста и размера. И самое главное – разного пола.

Накрытые листьями клетки подвесили к длинным жердям, и колонна загонщиков с победно-ликующими кликами двинулась через лес.

Я тоже ликовал. Столько недель ждали, столько труда и пота вложено в экспедицию, и вот цель наконец достигнута, колобус пойман! Но когда клетки были погружены в кузов большого «лендровера» и мы медленно покатали по ухабам домой, я сказал себе, что сделан только первый шаг. Решающее испытание впереди: сумеем ли мы сохранить гверец?

7. Сохраните мне колобуса

Господа!

Будем признательны, если вы сможете принять участие в нашем танцевальном вечере сегодня, который начнется ровно в 21.00. Вечер устраивается в честь нашей сестры Рeginы, которая служит в полиции, а сейчас находится в отпуску. Мы устраиваем ей проводы, Вы все приглашены на танцевальный вечер.

Ожидаем скорейшего ответа.

Адрес: Дж. Б. Муса Дж. П.

Муса.

Бамбаву

Да-а, одно дело поймать колобуса, совсем другое – сохранить его. И главная трудность заключалась не в том, чтобы приучить гверец к неволе, они почти сразу покорились своей участи. Главное – чем их кормить? Обычно гверцы держатся на макушках деревьев и едят почти исключительно листья, мох и другой грубый зеленый корм; подозреваю, что они не гнушаются также птичьими яйцами и ящерицами. Оттого и желудок их в отличие от желудков других обезьян состоит из двойных долей, что позволяет извлекать максимум питательных веществ из малопитательного в общем-то корма. Он во многом похож на желудок жвачных животных. Желудок гверцы настолько велик, что на его счет вместе с содержимым приходится подчас около четверти веса животного.

Сперва мы предложили своим пленницам естественный корм, собранный в окружающем нас лесу, и они жадно набросились на него. Правда, мне кажется, тут сыграл роль вызванный поимкой шок, потому что уже через сутки наши

гверецы почти совсем потеряли аппетит. Не на шутку встревоженные, мы отправились на базар в Бамбаву, раскинувшийся под холмом, и закупили множество зелени, которую африканцы выращивают для своего стола. Тут была всякая всячина – что-то вроде шпината, что-то вроде широколистного клевера и другие травы. Все это было подано гверецам. Сначала они равнодушно приняли новое угощение, потом сообразовали отведать его, но без особого восторга.

В конце концов черно-белые, словно решив не противиться року, начали аккуратно поедать базарную зелень, тогда как красно-черные по-прежнему принимали лишь столько пищи, сколько требовалось, чтобы не отдать богу душу. Нрав у гверец оказался удивительно несхожим для представителей одного рода. Черно-белые – юркие, живые, они быстро привыкли к нам и стали есть из рук. А красно-черные – унылые, замкнутые, подверженные приступам дурного настроения.

Меня больше всего заботили две вещи. Во-первых, нам предстояло скоро возвращаться в Фритаун, чтобы поспеть на пароход, идущий в Англию. Во-вторых, надо было как-то приучить гверец к новой пище, которой мы могли обеспечить их в пути, – такой, как яблоки или морковь. К сожалению, достать их в Бамбаву и Кенеме было почти невозможно. Нам удалось купить яблоки по бешеной цене, но гверецы, едва понюхав, отбрасывали их в сторону. Рассчитывая на успех в поимке колобуса, я заранее условился, что «Аккра» возьмет с собой добрый запас моркови, капусты и других овощей, способных, как мне казалось, прельстить обезьян. Теперь же, видя, с каким презрением они отвергают яблоки, я пал духом. Похоже, то, что мы для них припасли, совсем не годится...

Красно– черные гверецы так нас дичились и так скверно ели, что в конце концов стало очевидно: понадобятся месяцы терпеливого труда, чтобы приучить их к неволе и необычной диете. Как ни горько, сказал я себе, придется их отпустить. Что мы и сделали.

Одно утешало нас: черно-белые гверецы по-прежнему

чувствовали себя превосходно, хотя продолжали отвергать яблоки и бананы. А так как зелень из-за жары быстро увядала, приходилось кормить их четыре-пять раз на день. Бремя, немалое для нашего бюджета времени, ведь, кроме того, надо было ухаживать за другими животными и заниматься съемками.

А тут еще я возьми да соверши довольно типичную для таких путешествий глупость. Мы отправились в лесок за несколько километров от базы снять небольшой эпизод, поехали на маленьком «лендровере», который доставил на рудник группу Би-Би-Си. Когда мы двинулись обратно, я сел в кузове на задний борт, а машина шла довольно быстро, и на одном ухабе нас тряхнуло так, что я подпрыгнул наискось вверх. К счастью, приземлился я в кузове, однако здорово ушиб копчик и сломал два ребра. Прежде мне казалось, что перелом ребра – пустяки. Теперь и думаю иначе. Перелом ребра – весьма болезненная вещь. Из-за ушибленного копчика было очень тяжело сидеть, а стоило мне нагнуться или просто вдохнуть, как я ощущал острую боль в боку.

Отныне мне стало еще труднее работать с животными, ведь, когда чистишь клетки, приходится довольно часто нагибаться. А подносить воду, а другие дела? В моей аптечке были только таблетки от головной боли, а они ничуть не помогали. Я рассчитывал, что через несколько дней боль уймется. Какое там, она только обострялась, и я понял, что не справлюсь с уходом за коллекцией и со съемками на борту парохода. Необходим третий человек.

К счастью, Джеки должна была вернуться в Англию из Аргентины примерно в то же время, когда «Аккра» выйдет за нами в Западную Африку. И я отправил телеграмму, прося Джеки прибыть на «Аккре», но не объясняя почему. Понятно, телеграмма была адресована в зоопарк, на имя Кэт, потому что я не знал точно, где сейчас судно Джеки, и не мог связаться с ней непосредственно. Так или иначе, скоро пришла ответная телеграмма, из которой явствовало, что у Джеки будет всего двое суток на то, чтобы оформить

документы и добраться до порта, где стоит «Аккра». Ее выезд обязателен? Мне не хотелось говорить правду, чтобы не тревожить Джеки, поэтому я ответил: «Приезд Джеки необязателен. Просто я люблю мою жену». Разумеется, Джеки успела на «Аккру». И, конечно, работники телеграфа, через руки которых прошло мое послание, были шокированы. Они не привыкли к такой откровенности.

Но вот пришло время расставаться с Говяжьим рудником и выезжать в Фритаун. Одна из проблем для такой экспедиции, как наша, – когда совершать переезды, днем или ночью. Днем животные перегреваются, и на тряских дорогах их сложно кормить. Ночью дороги не менее тряские, и животные не могут уснуть, зато им не грозит перегрев. Я решил ехать ночью. Чтобы захватить всех отловленных животных, нам, кроме большого «лендровера», требовалось три грузовика. Меня очень заботили детеныши, ведь им придется особенно тяжело.

И тут нас выручил Джо Шарп. Он прикатил на своем маленьком «лендровере» и с ходу вызвался отвезти в Фритаун меня вместе со всей нашей «телятиной» – так мы называли малышей. Грузовикам на этот путь нужна была целая ночь, а Джо мог уложиться в несколько часов. К тому же мы с ним могли ехать днем, останавливаясь, когда придет время кормить малышей.

Ранним утром кузов «лендровера» был нагружен «телятиной», и мы с Джо Шарпом простились с Говяжьим рудником. Долговязый Джон и киногруппа должны были выехать на грузовиках вечером того же дня. Трогаясь в путь, я в последний раз окинул взором отлогую гряду холмов и чудный лес. Пожалуй, никогда я не покидал базовый лагерь с такой грустью.

Джо ехал быстро, но так, чтобы наших пассажиров не очень трясло, и мы достигли Фритауна в рекордно короткий срок. «Алмазная корпорация» еще раз любезно предоставила нам роскошную квартиру из голливудского фильма; сверх того она разрешима занять для наших животных два

просторных открытых гаража.

Я разместил малышей в квартире и тотчас лег спать, чтобы быть в полной боевой готовности, когда прибудет Долговязый Джон. Большой конвой ожидался в шесть часов утра, но в шесть я никого не увидел. В четверть седьмого я начал беспокоиться, в половине седьмого беспокойство переросло в тревогу. Неужели один из грузовиков опрокинулся в канаву и весь драгоценный груз погиб? Или их задержал всего лишь какой-нибудь пустяк, вроде прокола? В семь часов я был на грани отчаяния. И ничего нельзя предпринять! Мы с Джо не отходили от окна, но грузовики как сквозь землю провалились. Наконец в четверть восьмого первая запыленная машина затормозила перед нашим домом. Все обитатели дома, прослышавшие о скором прибытии животных, нетерпеливо ждали на балконах, чтобы посмотреть на наш улов. И по мере того как грузовики один за другим въезжали во двор, глаза зрителей становились все шире от изумления.

Мы выгрузили всю «говядину», и я убедился, к своему великому облегчению, что никто не пострадал от перевозки, разве что у Герды настроение хуже обычного. Расставив клетки в гаражах, мы немедленно принялись за уборку и кормление – ведь мне еще надо было успеть к прибытию «Аккры», чтобы встретить Джеки.

Джо подбросил меня на пристань. В руках у меня была картонная коробка, а в ней на мягкой постельке из ваты лежал крохотный бельчонок, у которого только-только открылись глаза. Один охотник принес его нам буквально в последнюю минуту. Эти бельчата – очаровательнейшие существа на свете. Зеленовато-золотистое тельце, на каждом боку – продольная белая полоса, аккуратные ушки, большущий пушистый хвост – черный снаружи и красный внутри.



Я знал, что Джеки обожает белок, к тому же у меня не было другого подарка. Правда, я не догадался застаться пропуском, и в порту не обошлось без осложнений, но в конце концов ворота открылись, и я увидел на пристани возмущенную Джеки.

– Где ты пропадаешь? – приветствовала меня любящая супруга.

– Не так-то просто пробиться на эту чертову пристань, – ответил я.

Джеки подошла поцеловать меня, и я поспешил предупредить:

– Обнимай поосторожнее, у меня ребро сломано.

– Чем ты тут занимался, черт возьми? – воинственно спросила она. – У врача был? Тебе перебинтовали грудь?

Надо было срочно отвлечь ее внимание от моей персоны.

– Нет, не был. Я только что приехал... Вот. подарок тебе.

Джеки крайне подозрительно приняла коробку

– Что это? – Она посмотрела на меня.

– Да подарок же. Открывай... не бойся. Джеки открыла коробку и мгновенно забыла обо всем на свете, включая и мое ребро. На крохотное создание, которое лежало на ее ладони, излился поток ласковых слов.

– Пошли, – скомандовал я. – Поедем на квартиру.

– Какая прелесть! Когда ты его получил?

– Буквально за пять минут до отъезда. Нарочно взял его, чтобы доставить тебе удовольствие.

– Очаровательный малыш. Ты покормил его?

– Да-да, покормил, все в порядке. Можешь сменить ему пеленки, как только приедем на квартиру. А сейчас надо поторапливаться, нас ждет куча работы.

– Ладно, – согласилась она.

– Да, кстати, познакомься – Джо Шарп. Мой друг.

– Добрый день, Джо, – сказала Джеки.

– Привет, – отозвался он.

Бурные приветствия супругов после четырехмесячной разлуки на этом закончились, мы поспешили к «лендроверу» и поехали на квартиру.

Как только Джеки отнесла в спальню своего бельчонка, она обратилась ко мне:

– Где телефонная книга?

– Зачем тебе телефонная книга?

– Мне надо позвонить врачу насчет твоего ребра

– Не глупи, врачу тут делать нечего.

– Ну, вот что, – сказала она. – Или покажешься врачу, или я отказываюсь что-либо делать.

– Ладно, – нехотя уступил я. – Я поднимусь в квартиру над нами, там живет один молодой человек по имени Иэн, он, наверное, знает, как найти врача.

Я сходил к Иэну, получил нужные сведения и вернулся в свою квартиру. Джеки живо дозвонилась до врача и объяснила, в чем дело. Тот любезно согласился приехать.

Приступив к осмотру, врач сразу обратил внимание на огромный синяк ниже пояса и заявил, что у меня, вероятно, треснул копчик. Потом ткнул меня пальцем в бок так, что я с диким воплем подскочил метра на три вверх.

– Все ясно, – сказал он. – Два ребра сломаны. С этими словами он туго перебинтовал мне грудь, так что я едва мог дышать.

– Вам нельзя нагибаться, нельзя поднимать тяжести и вообще напрягаться. Да-да, пока ничего нельзя. Но к тому

времени, когда вы вернетесь в Англию, кости должны срастись. Я выпишу вам болеутоляющие таблетки.

Таблетки помогли, мне сразу стало легче, но ходить с тугой повязкой в африканскую жару было невыносимо, и в конце концов пришлось ее снять.

– Да, на пароходе от тебя будет мало проку, – заключила Джеки. – Нагибаться нельзя, тяжести поднимать нельзя... К тому же вы с Джоном будете заняты съемками, значит, весь уход за животными ляжет на меня.

– Ничего, как-нибудь справимся.

– Нет, это неразумно, – возразила она. – Что, если вызвать Энн?

Как я уже говорил, Энн, моя секретарша, только что сопровождала Джеки в Аргентину и обратно в Англию.

– Думаешь, она успеет? «Аккра» вот-вот прибудет.

– Пошлем телеграмму сегодня, пусть постарается поспеть на самолет.

Мы отправили телеграмму и вскоре же получили ответ: билет на самолет куплен. А через два дня явилась и сама Энн, бойкая деловитая блондинка. Наша коллекция привела ее в восторг. Энн очень любила животных и охотно согласилась помогать с кормлением и уходом во время плавания. Я обратил ее внимание на гверец.

– Они любят, чтобы с ними нянчились, – объяснил я. – А на пароходе нам, ей-богу не до этого. И еще не известно, как они отнесутся к новой диете. В общем мне бы хотелось поручить тебе наших колобусов. Можешь больше ничего не делать, только заставь этих чертей есть, чтобы мы довезли их живыми.

– Попробую, – обещала она. – Хотя, судя по тому, что вы говорите, это будет нелегко.

– Вот именно, – подтвердил я. – Легко не будет. Разве что у них вдруг проявится страсть к капусте или еще чему-нибудь. Словом, поживем – увидим.

– Вскоре после прибытия Энн нашу коллекцию пополнил еще один экземпляр, очаровательнейшее существо.

Под вечер, когда мы решили пропустить рюмочку перед обедом, зазвонил телефон. Джеки взяла трубку.

– Это Эмброуз, – сказала она мне. – Говорит, раздобыл для тебя свинью.

Звонил Эмброуз Джендер, майор войск Сьерра-Леоне. Я познакомился с ним еще до отъезда в Кенему, мне его представили главным образом потому, что он выступал по местному телевидению с показом животных юным зрителям, которые знали его как «дядюшку Эмброуза». Я взял трубку.

– Добрый день, Эмброуз.

– Привет, Джерри! – услышал я звучный низкий голос. – У меня для тебя свинья. Очень милая свинка. Ее зовут Цветок.

– А что это за свинья?

– Точно сказать не берусь, но, кажется, это то, что у вас называется речной свиньей.

– Бог мой! Это замечательно!

– Речные, или кистеухие, свиньи – мои любимцы. Тело взрослой особи покрыто ярко-рыжей щетиной, хвост длинный, на ушах белые кисточки.

– Ты можешь за ней приехать? – спросил Эмброуз.

– Конечно. А где ты сейчас?

– Я собираюсь на телевидение, у меня передача. Может, приедешь на студию, посмотришь мою программу, а потом заберешь свинью?

– Отлично. А что у тебя сегодня в программе?

– Да опять ищейки. Прошлый раз они так понравились, что нас засыпали письмами с просьбой повторить передачу. Но теперь я не дам себя укусить.

Во время первой передачи Эмброуз обернул руку тряпкой, чтобы показать, как ищейка хватается преступника. А собака так в него вцепилась, что прокусила тряпку насквозь.

– Ясно. В котором часу нам быть на студии?

– Примерно через полчаса, – сказал Эмброуз.

– Ладно. Жди.

Мы живо пообедали и поехали на телевидение. Студня

была небольшая, но хорошо оборудованная. Нас поразило, что широкие двери не запирались на время передачи, и в дальнем конце зала стояли кресла, так что любой прохожий мог при желании запросто войти и посмотреть, как делается программа. Крис был до глубины души потрясен такой расхлябанностью.

– У нас на Би-Би-Си такие вещи невозможны, – заметил он.

– Так ведь здесь не Би-Би-Си, – ответил Эмброуз, – а телевидение Сьерра-Леоне.

Эмброуз был невысокого роста, очень симпатичный, в его огромных живых глазах всегда светилась юмористическая искорка. Он отрастил себе великолепные, завивающиеся на концах черные усы – видно, сказывались годы, проведенные в военном училище в Сэндхерсте.

– Сейчас начнется моя программа, – сообщил он. – Вы можете подождать? А потом я отдам тебе свинку.

– Конечно, – ответил я. – Я с удовольствием посмотрю на твоих ищеек.

Дело в том, что в Фритауне участились грабежи, и отчаявшаяся полиция, чтобы нагнать страху на преступников, закупила трех ищеек. Они и впрямь выглядели устрашающе. Три пса с проводниками выстроились в ряд под лучами юпитеров, разинув пасти от жары. Эмброуз занял свое место перед камерами.

– Добрый вечер, дети, – начал он. – Вот вы и опять встретились с дядюшкой Эмброузом. Понимаете, нам прислали столько писем с просьбой повторить передачу про ищеек, что я решил сегодня показать их еще раз. Сначала вы увидите, какие они послушные. Куда проводник пойдет – туда и собака.

Проводники, сопровождаемые по пятам ищейками, важно обошли вокруг камеры и вернулись на место.

– А теперь, – рассказывал Эмброуз, – чтобы показать вам, какие это послушные собаки, проводники прикажут им сидеть, а сами пройдут в другой конец студии, и вы увидите,

как ищейки выполняют команду.

Проводники скомандовали «сидеть», собаки сели в ряд, высунув языки, проводники отошли в другой конец студии.

– Видите? – На лице Эмброуза сияла счастливая улыбка. – Вот этого пса зовут Питер, ему пять лет. А это Томас, ему четыре года...

Тут третья ищейка, которой осточертела вся эта затея, встала и пошла прочь, подальше от жарких ламп.

– А это, – как ни в чем не бывало продолжал Эмброуз, указывая пальцем в ту сторону, куда удалилась ищейка, – это Жозефина, она сука.

Грешен, я и не только я, все мы поспешно заткнули себе рты носовыми платками, чтобы до зрителей не дошел наш смех.

Собаки выполнили еще несколько команд, наконец Эмброуз попрощался со зрителями и подошел к нам – весь в поту, но сияющий.

– Ну вот, – сказал он, – а теперь получай Цветок.

Он прошел в угол студии и вернулся оттуда с маленьким ящиком. Я-то рассчитывал увидеть большую клетку... Эмброуз открыл дверцу, и из ящика выбрался очаровательнейший поросенок. Шоколадно-коричневая щетина была расписана вдоль ярко-желтыми полосами, которые придавали поросенку сходство с косматой осой невиданных размеров. Восхитительный пяточок, живые, веселые глаза, длинные болтающиеся уши и длинный болтающийся хвост. Попискивая и похрюкивая от удовольствия, поросенок жадно обнюхал наши ноги, проверяя, нет ли в отворотах брюк чего-нибудь вкусенького. Все мы тут же влюбились в это существо и с триумфом повезли его к себе на квартиру. На другой день местный плотник смастерил по моему заказу добротную клетку для Цветка.

Близилось время отъезда в Англию, и я начал беспокоиться, как мы доставим наш зверинец из жилого комплекса «Алмазной корпорации» на пристань. Навел

справки в Фритауне; выяснилось, что грузовики найти очень трудно. Как-то вечером нас навестил Эмброуз, и я спросил его, не знает ли он какую-нибудь фирму, которая могла бы предоставить нам на несколько часов три грузовика.

– А для чего тебе грузовики? – поинтересовался он.

– Надо отвезти животных в порт. Не на руках же их нести.

– А войска на что, дорогой друг?

– Как это понимать – войска?

– Ну да, войска. Я пришлю тебе три армейских грузовика, везите своих зверей на здоровье.

– Прости, Эмброуз, но разве так можно? Чтобы армейские грузовики возили в порт зверей!

– Почему же нельзя? Я майор, войска подчинены мне. Ничего страшного не случится. Когда подать грузовики?

– Но ты уверен, что это не против устава? Мне вовсе не улыбается, чтобы тебя судил военный трибунал!

– Не беспокойся, Джерри, – заверил он меня. – Не беспокойся, все будет в порядке. Только скажи, к какому часу подать машины.

Мы условились о часе. И в самом деле, в назначенный день к жилому комплексу «Алмазной корпорации» подкатили армейские грузовики и водители, выстроившись в шеренгу, лихо откозыряли нам. Внушительное зрелище.

Мы осторожно погрузили животных и направились в порт. В огромных сетях клетки были подняты на борт и опущены в трюм, где их расставили по моим указаниям. Матросы и старший помощник старались изо всех сил, тем не менее погрузка продолжалась чуть не целый час, а солнце нещадно палило, так что им пришлось несладко. Сам я из-за сломанных ребер мог только стоять и смотреть, как работают другие.

Но вот последняя клетка стала на место, и мы поднялись на палубу, чтобы глотнуть пива. Тем временем пароход медленно отошел от стенки, над лоснящимися волнами загрели исторгаемые корабельным радио звуки гимна

«Правь, Британия!» и вскоре Фритаун превратился в мерцающее облачко вдали.

Прежде всего мы с Долговязым Джоном отправились на переговоры с баталером. Когда везешь на пароходе зверей, важнее человека нет, ведь от него зависит, сварить ли тебе рис и крутые яйца, и он же заведует холодильником, где хранятся все твои драгоценные продукты. Я шел к нему не без тревоги в душе, так как еще не успел выяснить, взяли они в Англии на борт заказанную мной провизию или нет. К счастью, все было погружено: пучки моркови, ящики с превосходной капустой, яблоки, груши и прочие лакомства, которыми я надеялся соблазнить гверец. Я сообщил баталеру, сколько и чего нам приблизительно понадобится на день, но предупредил, что морской воздух благотворно влияет на аппетит животных, поэтому не исключено, что в пути норму придется увеличить. Он был очень любезен и заверил, что мы можем на него положиться.

Немало времени у нас отнимали киносъёмки, ведь, когда мы с Долговязым Джоном шли в Сьерра-Леоне, на «Аккре» не было оператора, и теперь надо было снять эпизоды, рассказывающие о нашем плавании в оба конца. Мы снимали также повседневный уход за животными в трюме. Здесь было к чему руки приложить и нам с Долговязым Джоном, но, так как мы превратились в кинооператоров, большая часть этой работы легла на плечи Энн и Джеки. К тому же злополучные ребра ограничивали мои возможности. Правда, я мог кормить леопардов, которые с невероятной жадностью пожирали цыплят и кроликов. Я мог также готовить корм для других животных. И, конечно, я помогал кормить Цветка.

Впрочем, эта процедура напоминала не столько кормление, сколько схватку борцов на ковре. Ставить корм в клетку было бесполезно, поросенок тотчас опрокидывал миску с молоком и фруктами, и получалась такая грязь, что потом сто лет не отмоешь. Поэтому для кормления мы два раза в день выпускали Цветка из клетки. На большой противень клали гору лакомых плодов и овощей и подливали

молока. Стоило присесть с этим блюдом около клетки и поставить его на палубу, как поросенок начинал отчаянно визжать к биться о дверь пяточком. Дальше наступало самое трудное. Надо было открыть дверцу и постараться схватить поросенка, иначе, бросаясь на противень, Цветок мог не рассчитать свои движения и перевернуть его; это случилось не раз. Итак, отворяешь дверцу и норовишь поймать поросенка за длинное ухо. И держишь как проклятый, потому что Цветок выскакивает из клетки пулей. Затем осторожно ведешь поросенка к противню, он становится прямо на него своими короткими ножками, растопырив копыта, зарывается носом в корм и чавкает, упоенно хрюкая, а то и взвизгивая от радости.

Вот уже последняя капля молока вылизана, последний кусочек овощей съеден, но Цветок твердо убежден, что есть смысл поискать еще чего-нибудь. И если вы не помешаете поросенку, начнутся скачки вокруг остальных клеток.

Чаще всего Цветок устремляется к обезьянам, но как-то раз его понесло прямо к клетке леопардов, хорошо, что в последнюю минуту мне удалось его перехватить. Просвет внизу, через который выгребают мусор, вполне позволял леопардам просунуть наружу лапу, так что тут и пришел бы конец нашему Цветку. Герда и Локаи ворчали и дергали когтями сетку, пытаясь добраться до поросенка, а он хоть бы что, только возмущенно визжал, скалил свои крохотные клыки и отчаянно рвался у меня из рук, чтобы схватиться с леопардами. Ни капли страха, а ведь они были раз в двадцать больше Цветка!

Энн, как я и просил ее, все силы отдавала колобусам. Я не ошибся, когда говорил, что они не дадут ей сидеть сложа руки. Мало приучить обезьян к незнакомой пище, надо было еще привить им новые навыки. У гверецы нет большого пальца, на воле она передвигается так стремительно, совершает такие огромные прыжки, что он был бы только помехой, вот и остался от него маленький бугорок. Но из-за этого обезьяне трудно поднять что-нибудь с пола, ведь она

может только загребать ладонью, как человек, когда он собирает крошки со стола. Представьте себе, что вы кормитесь на макушке дерева метрах в пятидесяти над землей. Взяли ртом листья или еще что-нибудь, потом бросили и спокойно перебрались на другую ветку. В клетке так не получится. В базовом лагере и в Фритауне, где мы кормили колобусов листьями, задача решалась сравнительно просто: просунул сверху в клетку зеленую ветку, и пусть едят и бросают на здоровье; с полу они ничего не подбирали. На пароходе зеленых веток не было, заменой листьев могла служить только капуста, я она им не очень-то нравилась. Впрочем, им не очень-то нравился и весь прочий корм, который мы припасли, – морковь, груши, яблоки, виноград.

И развернулся поединок. С одной стороны, твердое намерение Энн не дать обезьянам умереть. С другой стороны, упрямое нежелание обезьян есть предлагаемую им пищу. Часами она просиживала на корточках перед клетками, терпеливо обучая обезьян, как поднимать с пола вещи, и добиваясь, чтобы они хоть попробовали виноград или кусок моркови. А то ведь, даже если и возьмут в руки, – понюхают и с отвращением отбросят, так и не отведав.

Самым крупным среди наших гверец был самец лет тринадцати-четырнадцати, который всех ненавидел, а особенно Энн; за женоненавистничество он получил от нас нелестное прозвище. Все плавание между ним и Энн шло ожесточенное сражение: кто кого переупрямит. Когда ему ставили миску с едой, он ее опрокидывал и, чтобы подчеркнуть свое отвращение к такому корму и к Энн, ерзал по опилкам взад-вперед, так что получалось мерзопакостное месиво из опилок и фруктов.

Надо было изыскивать другой способ. Старый самец возненавидел Энн так, словно эта ненависть составляла смысл его жизни. Тем не менее она садилась на корточках перед его клеткой и протягивала на ладони какой-нибудь корм. Широкая ячея позволяла обезьянам просунуть руку наружу, поэтому самец прыгал к сетке, яростно бодал ее и выбрасывал

вперед руку, норовя схватить пальцы Энн, подтянуть их поближе и хорошенько укусить. Понятно, корм летел через весь трюм. В один прекрасный день после ряда неудачных попыток Энн решила предложить ему для разнообразия кокосовый орех. Белое ядро ореха лучше выделялось на ладони, к тому же все остальное он уже решительно отверг.

То ли это было чистое совпадение, то ли еще что, но на сей раз, пытаясь схватить руку Энн, самец вместо этого схватил орех. И, прежде чем швырнуть его на пол, понюхал. С невероятным терпением Энн час за часом повторяла процедуру и взяла-таки женоненавистника измором. Он все еще при виде ее бодал проволоку, но затем вместо ладони хватал орех, обнюхивал и съедал кусочек. И вот уже он гораздо учтивее берет угощение! Было очевидно, что найден корм, который пришелся ему по вкусу. Постепенно он, а за ним и другие гверцы научились брать пищу из поставленной на пол миски и с каждым Днем ели чуть больше. Мы воспрянули духом. Правда, обезьяны оставались малоежками, но хоть перестали отвергать виноград, морковь и яблоки, а главное – начали пить витаминизированное молоко, так что можно было не опасаться за их жизнь.

Но и теперь кормить их было поистине геркулесовым трудом, и только поразительное терпение Энн позволяло ей справляться с порученным делом. На наше счастье держалась хорошая погода, ведь, начнись сильная качка, гверцам вряд ли удалось бы избежать морской болезни, а тогда, не сомневаюсь, мы остались бы без колобусов.

Пользуясь тем, что «Аккра» зашла в Лас-Пальмас, мы поспешили на местный базар и закупили всяких даров природы, способных, как нам казалось, привлечь гверца, в том числе такие, которых они еще не видели шпинат, землянику, вишни Торжествующие, доставили мы на пароход добытые овощи и фрукты и приступили к испытаниям. Надо ли говорить, что гверцы воротили нос от дорогостоящих вишен и земляники (правда, потом они все-таки снизошли к вишням). Шпинат попробовали, но тоже не оценили. У нас

еще была в запасе какая-то зелень вроде фасоли Энн в последнюю минуту обнаружила ее на базаре, и на всякий случай мы взяли немного. И вот, поди ж ты, гверцы так набросились на стручки, что, зная бы заранее, мы бы целый мешок припасли.

Наконец мы прибыли в Ливерпуль. К моей великой радости, день выдался солнечный жаркий. Я говорил себе, что скоро всем мучениям конец, ведь осталось только отвезти нашу коллекцию в аэропорт и лететь на Джерси. Вечером животные уже будут благополучно размещены в зоопарке, а там им обеспечен самый тщательный уход и нежная любовь сотрудников.

Пароход медленно подошел к стенке. Тем временем мы лихорадочно трудились в трюме, обивая клетки брезентом и легкими одеялами. Я всегда так делаю – не столько для защиты животных, сколько для того чтобы люди не тыкали пальцами в клетки с риском быть укушенными. И зверей только напугают. К тому же в темной клетке животные спокойнее переносят всякую тряску и болтанку. Снова огромные сети вознесли клетки над бортом, потом опустили на пристань, где стояли наготове грузовики, чтобы везти нас в аэропорт, к зафрахтованному самолету. Мы аккуратно расставили клетки в кузовах машин, и я облегченно вздохнул. Еще несколько часов – и мы будем дома, на Джерси... Тут ко мне подошел маленький человечек и осведомился, не я ли мистер Даррелл. Я кивнул, радостно улыбаясь.

– Видите ли, сэр, – сказал он, – я по поводу ваших леопардов.

У меня сердце оборвалось.

– Что с ними? – спросил я.

– Видите ли, сэр, у вас нет разрешения на ввоз.

– Как же так, – возразил я. – Мы обращались в министерство, там дали разрешение и сказали, что, поскольку леопарды из Ливерпуля сразу же проследуют на Джерси, их не надо подвергать карантину в Англии.

– Видите ли, сэр, я не получал никаких бумаг на этот

счет.

– Господи... Но ведь достаточно позвонить в зоопарк...

– Ничего не знаю, сэр. Без документов я не могу их пропустить.

Я постарался взять себя в руки. За мою жизнь мне не раз доводилось нарываться на бюрократические крючки, и я знал, что лучше не давать воли своим чувствам.

– Хорошо, я позвоню в зоопарк.

– Пожалуйста, сэр. Только боюсь, вам придется оплачивать разговор.

– С удовольствием, – процедил я сквозь зубы.

Мы прошли в мрачный закуток, служивший ему кабинетом, и я соединился с Кэт.

Где, черт возьми, разрешение на леопардов? Кэт сообщила, что бумаги сию минуту прибыли в зоопарк. Озадаченная этим, она сразу позвонила в министерство, хотя не сомневалась, что один экземпляр направлен в Ливерпуль. Нет, любезно ответили ей в министерстве, никаких экземпляров в Ливерпуль не направляли, потому что все документы принято посылать лицу, ожидающему леопардов и прочих животных.

У меня вырвался стон.

– Ладно, Кэт, – сказал я. – Я сам позвоню в министерство.

Она продиктовала мне номер телефона, и я связался с соответствующим отделом. Чиновник выразил свое сожаление, но добавил, что отдел не совершил никакой ошибки, направив документы туда, куда должны прибыть леопарды.

– Ну хорошо, можно попросить вас поговорить с джентльменом, которому я сейчас передам трубку? Он не разрешает мне везти леопардов на Джерси, потому что не получил нужных документов... Вы не могли бы подтвердить ему, что разрешение оформлено?

Я передал трубку моему учителю. Он что-то бормотал и всячески кочевряжился, но все же чиновник из

министерства убедил его, что разрешение на леопардов есть. С кислой физиономией положил он трубку, я испортил ему все удовольствие...

– Мне можно идти? – мягко осведомился я.

– Да, пожалуй, – пробурчал он.

И мы поехали в аэропорт. Однако из-за бюрократа мы потеряли целый час, пришлось звонить и предупреждать, чтобы нас подождали.

В аэропорту животных погрузили на самолет, затем мы сами расселись по местам и застегнули пояса. Взревели моторы, самолет задрожал и тронулся с места. Но вдруг остановился. Возвратился на место. снова прибавил оборотов в рванулся вперед и снова остановился. Вернулся на исходную позицию и заглушил моторы. Пилот подошел ко мне с виноватым видом.

– Боюсь, сэр, у нас неисправность, – сказал он. – Мы не можем взлететь.

– Сколько времени уйдет на починку? – спросил я.

– Боюсь, сэр, это трудно сказать.

– А можно оставить животных в самолете на это время?

– Можно оставить, сэр, а можно перенести в ангар, если хотите.

– Пожалуй, лучше в ангар, – сказал я. – Потому что некоторых из них пора кормить.

Мы вытащили клетки из самолета и отнесли в пустующий ангар. Шля часы, мы покормили наших подопечных, дали им молока. Наконец ко мне подошел представитель авиакомпании и сообщил, что механики ищут неисправность и, как только самолет будет готов, мне дадут знать. Я позвонил в зоопарк и предупредил Кэт, что мы задерживаемся. Два часа дня, три, четыре... В пять часов мне доложили, что при прогоне моторов опять выявилась какая-то неисправность.

– Пустые хлопоты, – сказал я. – Лучше предоставьте нам другую машину.

– Позвольте еще попробовать, – упрашивали они.

– Пожалуйста, – ответил я. – только мне не улыбается лететь на самолете, который может подвести. Я вообще не большой любитель летать, а на неисправных машинах и подавно.

Было уже довольно поздно, когда мне сообщили, что неисправность наконец устранена. Мои ребра зверски болели, и нервы были на взводе: во-первых, я не люблю самолетов, во-вторых, с приближением ночи становилось все холоднее, и я боялся, как бы животные не простудились.

– Нет! – произнес я с внезапной решимостью. – Будь я проклят, если полечу на этом самолете. Давайте мне другой.

– Уверю вас, сэр, – сказал пилот, – он в полном порядке.

– Я в этом не сомневаюсь. Но у меня такое предчувствие, а когда у меня предчувствие, я предпочитаю не лететь... Будь я проклят, если позволю посадить меня, мою жену и моих зверей в несчастливый самолет. Нет, боюсь, что я буду вынужден настоять на другом рейсе.

– Хорошо, сэр, как хотите, – огорченно сказал он. Я отправился к начальству, получил разрешение оставить животных в ангаре и стал добиваться другого рейса. Это оказалось не так-то просто, но в конце концов задача была решена.

Рано утром мы примчались в аэропорт и кинулись проверять животных – не повредила ли им холодная ночь? Кажется, ничего... После этого мы погрузились на другой самолет и наконец взлетели.

Когда машина оторвалась от земли, я вытер вспотевшие руки, откинулся назад, закурил сигарету и закрыл глаза. Осталось совсем немного, сказал я себе, теперь бы только благополучно приземлиться на Джерси. Ровно гудели моторы, и вот уже на горизонте темной точкой возник наш остров. Мы снизились, совершили безупречную посадку и покатали к зданию аэропорта, где стояли наготове авторазгрузчики и выстроились – насколько я мог судить – все сотрудники зоопарка.

Началась выгрузка животных, засверкали фотовспышки репортеров, спешивших запечатлеть на пленки, как авторазгрузчики везут к машинам леопардов, шимпанзе и прочих тварей. Еще час – и мы уже дома, животных сняли с грузовиков, и тех, кому не надо было проходить карантин, разместили в новых клетках.

Я вздохнул свободно. Нам удалось-таки доставить коlobусов в зоопарк. Наконец можно как следует заняться ими, не торопясь и ни на что не отвлекаясь. Теперь вдобавок к новой диете у нас будет для них сколько угодно зеленых листьев – есть дуб, есть вяз, есть липы и прочие деревья. Я не сомневался, что этот корм принесет им пользу и придется по вкусу. Хоть бы пришелся...

8. Роды... Роды...

Уважаемый мистер Даррелл!

Нам так сильно понравилась ваша программа «Поймайте мне колобуса», что захотелось поздравить вас и пожелать новых успехов.

Вы очень похожи на одного человека, с которым я дружил в Йорке лет двенадцать назад. Ваше настоящее имя, случайно, не Джон Митчел? Хотелось бы узнать...

Естественно, когда возвращаешься из путешествия, пусть даже недолгого, дома тебя ожидает куча дел. Меня держали в курсе всего, что происходило в зоопарке, тем не менее пришлось сразу окунуться в работу с головой. Прежде всего надо было разобраться, что сделано комитетами, к тому же на письменном столе высилась гора писем. К счастью, оказалось, что все идет прекрасно. Число членов треста возросло почти до двух тысяч, из них пятьсот были разбросаны по всему свету. Членские взносы вместе с доходом от продажи билетов в зоопарк позволяли приступить к планам, которые мы давно вынашивали.

Все звери, привезенные из Сьерра-Леоне, слава богу, прижились очень хорошо. Леопарды, как положено, проходили у нас полугодичный карантин и получили прививку от кошачьего энтерита, чему вовсе не были рады. Гверцы, попав в просторные клетки, где можно было прыгать и лазать, жадно поедали корм, от которого на пароходе воротили нос. Мы даже предложили им бамбук я падуб. Приняли и стали уписывать за обе щеки. Отлично: значит, и зимой не останутся без зеленого корма.

Мы разделили колобусов на две группы. Старый злюка с тремя взрослыми самками занимал одну клетку, молодой

самец и две его ровесницы – другую. При этом мы исходили из того, что старик, заведомо не отличающийся добродушием, вполне способен отправить молодого соперника на тот свет, если держать всех вместе. Лучше не рисковать самцом, тем более что преклонный возраст злыдня, не позволяя рассчитывать, что он проживет у нас долго. Первые два-три дня я был занят устройством животных на новом месте, наблюдал за переоборудованием клеток и так далее, а потом прочно окопался в кабинете, отвечая на письма и заседаая в комитетах. И конечно, в разгар одного из таких заседаний наша шимпанзе Шеена решила произвести на свет детеныша. Мы ожидали этого события так долго, что я был засти нут врасплах. Беременность у шимпанзе длится столько же, сколько у человека, а девять месяцев – срок изрядный. Первое время Шеена очень страдала от нарушения водного обмена. Кисти, ступни и лицо ее сильно отекали, и, наверно, боль была невыносимая. Такое случается и среди людей, поэтому мы посоветовались не только с ветеринарами, но и с нашим собственным врачом– мы всегда обращались к нему, когда заболели человекообразные. Нам удалось скормить Шеене прописанные врачом пилюли, и они ей помогли; потом отеки и вовсе пропали. Ничто не говорило о приближении счастливого события, если не считать того, что вместо одного литра жидкости в день она теперь потребляла семь. И вот, когда я сидел на заседании Административного комитета и мы обсуждали, какие новые клетки заказывать, каких еще животных приобретать и прочие важные вопросы, вдруг распахнулась дверь и вбежала Джеки.

– Живей! – закричала она, повергнув в изумление почтенное собрание. – Шеена лопнула! С этими словами Джеки стремглав бросилась в Дом млекопитающих. Я вскочил, разметав бумаги во все стороны, и ринулся за ней вдогонку. Надо ли объяснять, что мое поведение ошеломило членов комитета. Откуда им, беднягам, знать, что означало слово «лопнула» на нашем профессиональном жаргоне, а так как я еще никогда не наблюдал родов шимпанзе, то не

собирался упускать такой случай. Я пулей пересек двор и затормозил перед клеткой Шеены. Она сидела на полке спиной к нам и тужилась, я даже разглядел макушку младенца. Внезапно Шеена встала и принялась мастерить гнездо из соломы. Время от времени она прерывала работу и тужилась; судя по всему, у нее при этом не было никаких болезненных ощущений. Видимая часть головы младенца была не больше гусиного яйца. Иногда Шеена касалась ее пальцем, и по-прежнему мы не замечали у роженицы никаких признаков недомогания.

Около получаса Шеена то рассеянно мастерила гнездо, то бродила по полке, то останавливалась из-за схваток. Вдруг она присела лицом к нам, опираясь на левую руку и раздвинув ноги. Похоже, схватки начались всерьез. Неожиданно она быстро опустила вниз правую руку, и вот уже на ладонях у нее лежит малыш. Все это произошло так стремительно, что никакой фотограф не успел бы снять.

Малыш лежал на спине, чуть наклоня голову вбок. Меня больше всего заинтересовало выражение лица Шеены: она не верила своим глазам. Очевидно, ей казалось, что из нее выходит необычно крупный экскремент, а тут – на тебе! – на руках лежит крохотная копия ее самой!

В это мгновение малыш издал такой громкий и пронзительный крик, что, не следи мы внимательно, можно было подумать, что это сама Шеена кричит. Мать реагировала молниеносно – крепко прижала дитя к груди обеими руками. От конца родов до этого движения прошло, наверно, не больше четырех-пяти секунд.

Минуту-другую держала Шеена малыша таким образом, потом понемногу ослабила хватку и принялась рассматривать его. Прежде всего она языком и губами очистила ему макушку, которая порой вовсе исчезала у нее во рту. Зная, какие у Шеены большие и крепкие зубы, я опасался, как бы она не раздавила мягкий череп малыша. Но, видно, она все проделывала очень нежно, потому что детеныш не выказывал ни малейшего беспокойства. Дальше она принялась отмывать

ему пальцы рук, и ног, тщательно обсасывая каждый палец и вылизывая ладони. Потом, держа малыша на ладонях, как в колыбельке, вылизала ему глаза. Время от времени она шумно выдыхала воздух, сложив губы трубочкой, – то ли сбрызгивала слюной отмываемое место, то ли выражала так нежные родительские чувства. Меня удивило, что Шеена не очищает тельце детеныша. Длинная пуповина достигала двух с половиной сантиметров в толщину, а размеры прикрепленной к ней плаценты составляли примерно тридцать на двадцать сантиметров. Только умыв малышу руки, ноги и голову, Шеена обратила внимание на пуповину и послед. Вот еще забота! Она заходила взад-вперед по полке, прижимая к себе дитя левой рукой и держа в правой пуповину с болтающейся на ней плацентой. Положит плаценту, накроет ее соломой, притопчет, потом отойдет в сторонку и сядет, словно убежденная, что наконец-то отделалась от раздражающего ее предмета. Но уже через несколько минут оказывалось, что малыш по-прежнему соединен пуповиной с последом, и вся процедура повторялась. За полчаса Шеена, на верно, раз шесть или семь закапывала послед в солому. Один раз подошла к краю полки, и плацента, к нашему ужасу, закачалась в воздухе, будто маятник. Оборвись пуповина, и малыш вполне мог истечь кровью.

К этому времени весь Административный комитет собрался у клетки, пришел и наш врач, который как раз навещал заболевшего сотрудника. Все с увлечением наблюдали за происходящим, но, когда Шеена принялась жонглировать плацентой, доктор в ужасе отвернулся.

– Не могу смотреть, – сказал он. – Страшно подумать, что случится, если она ее выпустит.

К счастью, Шеена крепко держала пуповину, вес последа приходился на ее руку, и с малышом ничего не случилось. Вскоре она спустилась с полки, захватив пук соломы, – видно, подумала, что теперь-то избавится от надоевшей ноши, – но через минуту опять залезла на полку.

Через час Шеена смирилась с тем, что пуповина с

плацентой – неудобный, но неотъемлемый атрибут материнства, и принялась более внимательно изучать послед. Ткнет пальцем – оближет его. Еще через полчаса она взяла послед в руки и принялась его есть, но как-то нерешительно, просто чтобы отделаться, и одолела только половину. Малыша она при этом прижимала к груди, однако все еще не подносила к соску. Мы встревожились, ведь после первых родов у обезьян нередко случается, что малыш умирает с голоду, если мамаша инстинктивно не покажет ему соски или держит его так, что ему до них не дотянуться. Но Шеена держала малыша достаточно высоко, и вскоре он нащупал грудь, мы видели, как он сосет попеременно то из правого, то из левого соска. Подзакусив, детеныш неожиданно издал приветственные звуки шимпанзе: «Эх, эх, эх, эх, эх». Шеена очень живо реагировала, еще крепче прижала дитя к груди, пристально разглядывая его мордочку и вылизывая ему глаза.

Вечером она улеглась спать на правом боку, пристроив малыша рядом с собой, и мы облегченно вздохнули: пока что все идет хорошо!

На другой день пуповина подсохла, плацента тоже, но Шеена больше не пыталась ее съесть. На третий день окончательно высохшая пуповина, к явному облегчению Шеены, сама обломилась. Малыш развивался нормально, ел хорошо, и мать не страдала от недостатка молока.

Сами понимаете, персонал Дома млекопитающих ходил с гордым видом. Что ни говори, не так-то просто добиться размножения шимпанзе в неволе. Даже в таких старых европейских зоопарках, как Антверпенский, которому теперь лет сто, не удалось получить потомства от шимпанзе. Словом, мы были очень довольны собой.

Малыш быстро рос, и Шеена показала себя заботливой мамашей. Вскоре детеныш уже ползал по иолу, иногда даже карабкался на решетку. Но стоило ему только пискнуть, как мать бросалась на зов и прижимала драгоценное чадо к груди. Примерно в четыре месяца Мафит – так мы называли малыша – проявил интерес к фруктам. Первое время он просто мусолил

их во рту, но затем научился есть. И начал сосать молоко из бутылочки. По нашим наблюдениям, в этом же возрасте он начал играть соломой. Ползает по клетке, собирает солому и тащит в одно место. Впечатление было такое, что он именно играет, а не устраивает ложе. Но уже через две недели мы стали замечать, как он на полке собирает, укладывает и приминает ногами солому, делая миниатюрные копии гнезд, которые мать соорудила каждый вечер.

К сожалению, наша радость длилась недолго. Присматриваясь к Мафиту, я однажды заметил, что двигается он не так, как положено в его возрасте, – недостаточно ловко и проворно действует руками и ногами. А когда он влез на решетку и принялся ее сосать, я увидел также, что десны его бледнее, чем следует. Я рассказал об этом Джереми, после чего они все сотрудники зоопарка, а также Джеки отправились к клетке шимпанзе. Внимательно приглядевшись к Мафиту они согласились со мной, что десны бледноваты, но в движениях малыша не нашли ничего необычного. Я продолжал настаивать, что Мафит кажется мне недостаточно проворным для своего возраста. Поделился я своими сомнениями и с Томми Беггом, как только он пришел, и мы согласились увеличить дозу витамина В12. Может, это исцелит малыша от вялости.



Через несколько недель стало ясно, что Мафит серьезно болен и его нужно лечить. Но для этого надо отнять его у Шеены. Мы обездвигили ее специальным пистолетом, вошли в клетку и взяли малыша. Как ни старались мы вести себя осторожно, обращаться с ним ласково, он очень испугался. Мафит давно привык к нам, но он обычно видел нас по ту сторону барьера, и, когда мы отняли его от матери, ему вдруг стало плохо. Личико и язык посинели, он стал задыхаться, потом дыхание и вовсе остановилось. Мы применили все способы искусственного дыхания, влили шимпанзе возбуждающее средство. На какое-то время помогло, он опять начал дышать. Однако через десять минут сердце перестало биться и дыхание прекратилось окончательно. Ничто не могло вернуть его к жизни.

Надо ли объяснять, что мы были страшно подавлены. Тем не менее тело отправили на вскрытие: узнать причину смерти важно на тот случай, если у Шеены будут еще детеныши. Ответ был весьма поучительным, как пример того, насколько серьезно может болеть животное без ярко выраженных симптомов. Оказалось, что левая рука Лафита была искривлена из-за внутреннего повреждения тканей у локтя, причем кость недостаточно отвердела. Нижние левые ребра – полые и деформированные. Сердце само по себе было в полном порядке, но рядом с ним оказалось обширное изъязвление; оно-то скорее всего и стало причиной смерти. Последняя фраза врачебного заключения звучала не очень утешительно: «Исследуемое животное имело серьезнейшие травмы, так что вряд ли лечение даже на ранней стадии могло бы что-либо исправить».

Таким образом, выяснилось, во-первых, что в корме Шеены недостает кальция, а во-вторых, мы не повинны в гибели Мафита. Сердце рано или поздно все равно сдало бы, даже если бы мы не трогали малыша. Только от этого нам легче не стало...

Вскоре Шеена опять забеременела. На сей раз роды состоялись ночью, и родился здоровый, крепкий детеныш

женского пола. Теперь ему почти два года, мы уже отделили его от матери, и малыш благополучно здоровствует. Никаких симптомов вроде тех, которые наблюдались у Мафита. Конечно, под конец беременности мы особенно следили за питанием Шеены, с тем чтобы в молоке ее было достаточно кальция. Думаю, прекрасное здоровье Алексы объясняется витаминами, которые получала ее мать. Смерть Мафита нас кое-чему научила.

Прошло немного времени, и нас подбодрило новое счастливое событие. Как-то Джереми ворвался в мой кабинет возбужденный, нос розовый, волосы разлохмачены.

– Колобусы! – кричал он. – У них малыш!

Невероятная новость! Во всем мире только один зоопарк, кроме нашего, располагает гверецами этого вида, и, насколько нам было известно, никому не удавалось добиться, чтобы они размножались в неволе. Для нас уже одно то, что колобусы прижились в Джерсийском зоопарке, было большой победой. А если удастся вырастить малыша, мы вправе торжествовать вдвойне.

Мы побежали к клетке. Три самки буквально вырывали друг у друга беленького (у колобусов детеныши всегда белые) малыша, сразу и не поймешь, которая из них мамаша. Мы не очень-то хорошо представляли себе тонкости поведения гверец в естественных условиях. Может быть, у них, как у бабуинов, все самки поочередно выступают в роли тетушек. Но, глядя на то, как малыш переходит из рук в руки, мы решили, что надо бы опознать мамашу, пока с младенцем не случилась какая-нибудь беда.

Вошли в клетку, благополучно извлекли из нее малыша, живо взвесили его и определили пол. А заодно узнали, кто мать, потому что самая маленькая из трех самок тотчас спустилась к решетке, пытаясь вернуть свое чадо. Мы заперли двух других самок в спальном отделении и возвратили ребенка матери. Несколько дней их держали обособленно, пока не удостоверились, что малыш хорошо сосет молоко и

достаточно крепок, чтобы выдержать знаки внимания «тетушек». Когда группа была воссоединена, не обошлось без недоразумений – обе тетушки пытались отвоевать для себя малыша. Потерпев неудачу, они угомонились и принялись поглаживать друг друга.

Через несколько часов картина переменялась: то одна, то другая самка возилась с малышом, но стоило ему пискнуть, как мамаша тотчас забирала его.

Старый самец, игравший роль властного и строгого папаши, не очень жаловал своего отпрыска. Он бесцеремонно толкал его, иногда выгонял из спального отделения мать с малышом. А чаще всего просто не замечал младенца – сидит с присущим ему надменным видом, этакий владыка всего обозримого мира.

Малыш отлично развивался, и выросла чудесная самочка, которую мы назвали Энн – ведь это Энн Питерс мы были обязаны тем, что смогли довести колобусов до Джерси.

С тех пор у гверец еще не раз было прибавление семейства, и теперь их у нас двенадцать штук. Как я уже говорил, Джерсийский зоопарк – единственный в мире, добившийся размножения колобусов в неволе, и мы считаем это одной из наших главных побед.

Самка орангутана, Бали, решив, что ей не пристало отставать от других, тоже забеременела. И конечно, мы страшно волновались – ведь добиться размножения орангутанов в неволе чрезвычайно важно. По мнению специалистов, если этих обезьян будут истреблять по-прежнему, через десять-двадцать лет их и вовсе не останется в природе.

Бали – на редкость милое и кроткое создание, это намного облегчало нам работу, так как мы могли спокойно входить, к ней и обследовать ее. Она все полнела и полнела, предполагаемые сроки давно прошли, и мы начали беспокоиться. Я уже говорил, что у нас, как и в большинстве европейских зоопарков, за человекообразными присматривают не только ветеринары, но и терапевт. Ведь

они так похожи на человека, что иногда нашему доктору удается поставить диагноз в тех случаях, когда ветеринар становится в тупик.

Как-то мы с Джереми при нашем враче заговорили о беременности Бали. Я заметил, что, по-моему, Бали просто морочит нам голову.

– А знаете, – сказал Майк, – если бы я мог приложить к ее животу стетоскоп, быть может, удалось бы прослушать сердцебиение плода. Обезьяна ручная?

– Конечно, – ответил Джереми. – Мухи не обидит.

– Так что, пойдем попробуем? – предложил Майк.

Мы отправились в Дом млекопитающих, Джереми вошел в клетку, Майк последовал за ним. Присев на корточках на соломе, он повесил стетоскоп на шею и стал потихоньку приближаться к обезьяне, говоря ей что-то ласковое. Бали возлежала на соломе – этаким рыжий косматый Будда – и с любопытством смотрела на врача своими кроткими миндалевидными глазами. Наконец Майк подобрался к ней вплотную, воткнул в уши стетоскоп и бережно приложил аппарат к ее огромному животу. Бали была очарована славным, воспитанным джентльменом, который так мило с ней разговаривал и прижимал к ее пузику какую-то заманчивую штуку. Л эти длинные трубочки – они не съедобны? Она осторожно вытянула руку и коснулась стетоскопа, но Джереми отвел ее пальцы в сторону. Послушав с минуту, Майк вынул стетоскоп из ушей.

– Ну? – нетерпеливо спросил я. – Что-нибудь слышно?

– Не уверен, – ответил Майк, – Какой-то стук есть, возможно, это сердце плода, но она лежит не совсем удобно. Если бы она села повыше...



Джереми попробовал заставить Бали сесть. Куда там, обезьяне больше нравилось лежать. В самом деле, пусть этот чужак хоть целый день щупает ее живот, если ему это доставляет удовольствие.

Все же мы ухитрились слегка развернуть ее, и Майк сделал новую попытку. Опять он услышал какой-то двойной стук, похожий на сердцебиение, но полной уверенности у него не было. Мы сдались. Майк вышел из клетки и отряхнул солому со своего безупречного костюма.

– Не могу сказать ничего определенного, – заключил он. – Мне кажется, она беременна, во она лежит так, что точно определить сердцебиение я не мог. Придется уж вам набраться терпения и ждать.

Так мы и поступили. Бали день ото дня становилась все круглее и круглее, все ленивее и добродушнее. В одно прекрасное утро, войдя пораньше в Дом млекопитающих, Джереми, к своему величайшему огорчению, обнаружил, что Бали произвела на свет мертвое дитя. Он вынес его из клетки, и мы исследовали младенца. Видно, мы ошиблись, определяя срок беременности Бали, потому что плод, в общем-то вполне нормальный, оказался недоношенным.

Правда, такие случаи не редкость, когда дикие животные рожают впервые. В какой-то мере нас утешило то обстоятельство, что мы считали Бали слишком молодой для материнства, а оказалось, что она в принципе уже способна произвести на свет здорового детеныша. Будем надеяться, что в следующий раз нам больше повезет!

Видимо, Бали пришлось по душе, как ее обхаживали, когда она была беременна, потому что вскоре мы снова обнаружили у нее знакомые симптомы. Опять ее окружили вниманием, отделили от супруга, кормили самыми лакомыми яствами; снова к ней в клетку пришел добродушный человек и прослушал весь живот стетоскопом – безрезультатно.

Предполагаемый срок беременности давно прошел, но мы все держали орангутанов порознь. Наконец решили, что Бали нас провела. И не ошиблись: как только их с Оскаром воссоединили, ее живот и груди опали. Мы здорово обиделись на Бали за такой розыгрыш, однако не теряем надежду, что в один прекрасный день она все-таки станет матерью.

Снова пришла весна, и снова мы с Шепом одержимы одной мыслью: размножением белоухих фазанов. Петушок все еще сильно хромал, и мы не сомневались, что он не сумеет выполнить свои супружеские обязанности. Может, прибегнуть к искусственному осеменению? На домашней птице этот способ хорошо отработан, но к диким птицам его почти не применяли. Мы связались с лучшими экспертами Англии и континента, однако итог был неутешительным: коль скоро у нас всего одна пара и вид такой редкий, не стоит рисковать. Лучше оставить их в покое и уповать на то, что петушок в конце концов окрепнет.

Пришло время мне отправляться в ежегодный отпуск в Грецию. Разумеется, настоящего отпуска у меня никогда не бывает, потому что, удалившись от телефонов и прочих помех, я обычно стараюсь сосредоточиться и написать

очередную книгу.

Итак, я нежился под солнцем Греции, любовался весенним цветением и оливковыми рощами, а потом мы не торопясь взяли курс домой через Францию, пользуясь случаем разговеться как следует. Кэт и Джереми писали нам обо всем, что происходило в зоопарке. Случись что-нибудь экстренное, они знали, куда мне звонить, чтобы я тотчас вылетел домой.

Хитроумный обмен со Смитсонианским институтом в Вашингтоне, устроенный Джереми, позволил нам получить несколько разных тенреков – маленьких зверушек, напоминающих ежа.



Этим своеобразным мадагаскарским насекомоядным тоже грозит полное истребление, поэтому мы были рады возможности разводить их у нас в зоопарке. Когда половина Франции осталась позади, я решил сам позвонить Кэт – спросить, как поживают наши тенреки, и сообщить примерную дату нашей высадки на Джерси. Сидя за столиком в кафе и потягивая чудесное белое вино, я размышлял, с чего начать – с устриц или с улиток; в это время подошел официант и сообщил, что Джерси на проводе.

– Я поговорю, – сказала Джеки, предоставив мне продолжать упоительное чтение меню.

Вскоре Джеки вернулась, и по ее сияющему лицу я сразу понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Какие новости? – спросил я.

– Ни за что не угадаешь!

– Ладно, не морочь мне голову, говори скорей!

– Белоухие отличились, – сообщила она. – Снесли девятнадцать яиц, и Шеп говорит, что из четырнадцати вылупились цыплята.



Трудно выразить, что я испытал в эту минуту. Сперва – недоверие. Потом меня с головы до пят пронизало ликование. Ведь если мы благополучно вы растим четырнадцать белоухих фазанов, у нас будет самое большое «племенное стадо» в мире, не считая Китая. Пусть даже подтвердится, что этой птицы в естественных условиях больше нет, – теперь в наших силах спасти ее от полного исчезновения.

Наконец-то трест начинает служить цели, ради которой я его создавал! Мы заказали роскошный обед и отметили славное событие обильным возлиянием. Весь следующий день, провожая взглядом чудесные французские пейзажи, я думал про себя: «Четырнадцать штук! Четырнадцать штук!... С двумя взрослыми – шестнадцать! А если и на следующий год курочка не подведет. Бог мой! Мы сможем разослать белоухих фазанов во все зоопарки мира, чтобы судьба их зависела не от нас одних. Господи, хоть бы цыплята были разнополые... Надо будет устроить для них отдельные вольеры... Это просто необходимо.»

В радужном настроении мы доехали до побережья и переправились на Джерси. Прибыв в зоопарк, я немедленно вызвал Шепу.

– Что я слышу? – спросил я. – Ты угробил наших белоухих фазанов?

– Ага, – ответил он. – Чего уж тут запирается: все до одного околели. Жаль, конечно, да что теперь поделаешь.

– Ладно, балда, пошли, показывай!

Шеп отвел меня к загонам, где озабоченная курочка хлопотала вокруг своих чад, которым исполнилось почти десять дней. Цыплята были отличные, крепенькие, и Шеп позаботился о том, чтобы у них был совершенно чистый грунт, так что мы вполне могли надеяться сохранить весь выводок.

Я пригласил Шепу к нам, откупорил шампанское, и мы выпили за здоровье друг друга и белоухих фазанов. После длинной череды неудач и огорчений наступил час торжества.

9. Раскапываем Попокатепетль

*Особую прелесть и красоту
здесьним видам придает
внушительная панорама горных
цепей, причудливые вершины
которых являют собой подлинное
чудо природы. Прибавьте к этому
теплый климат, а также
самобытную флору и фауну.*

Путеводитель по Мексике.

В один прекрасный день, прочтя очередные письма и перейдя к журналам, я обратил внимание на одну статью в «Энимэлз». Некий Норман Пеллем Райт рассказывал о своеобразном маленьком зверьке – так называемом вулканическом кролике, или тепоринго. Я слышал об этом кролике, но не подозревал, что ему грозит полное истребление. У тепоринго весьма ограниченный ареал, он обитает лишь на склонах нескольких вулканов вокруг Мехико. Мяса от этого крохотного зверька очень мало, и он охраняется законом, но это не мешает местным охотникам упражняться на нем в стрельбе и натаскиваний собак. Статья Пеллема Райта заканчивалась призывом: пусть какой-нибудь зоопарк попробует приобрести несколько тепоринго и размножить их в неволе на случай, если природные популяции будут окончательно истреблены.

Подходящая задача для треста! С таким маленьким животным мы уж как-нибудь справимся. Правда, я знал, что содержать в неволе зайцеобразных нелегко, но не сомневался, что терпение и труд восторжествуют. Отложив журнал, я стал перебирать в уме проблемы, с которыми предстоит столкнуться. Полистал справочники и выяснил, что с кормом будет так же сложно, как и в случае с колобусом, потому что вулканический кролик обитает в сосновых лесах на большой

высоте, среди травы закатан; она-то и составляет его главный корм. Как он отнесется к другой зелени? Опять же – высота. Очень серьезная проблема, ведь из Мексики кролики полетят самолетом на Джерси, а это значит, что с высоты трех тысяч метров они опустятся почти до нуля. Ничего, что-нибудь придумаем...

К тому же, сколько ни ломай голову над этими вопросами, сперва предстояло решить множество других задач. Тут ведь не то что взял да сел на пароход, отправляющийся в Мексику. Пока я прикидывал, что да как, пришло письмо все от того же Пеллема Райта, причем как раз в ту минуту, когда я сам собирался написать ему о том, что нас обоих волновало: о тепоринго. А в письме говорилось, что он, Райт, слышал про наш трест и нашу работу и берет на себя смелость предложить нам заняться вулканическим кроликом. Пеллем Райт заверял меня, что я могу всецело рассчитывать на его помощь, если задумаю отловить несколько экземпляров.

Что ж, меня это вполне устраивало. Кстати, мы с Джеки давно ждали повода, чтобы поехать в Мексику, – и вот отличный повод!

Вывезти из страны животное, которое строго охраняется законом, не так-то просто даже для уважаемой научной организации. Поэтому нам с Пеллемом Райтом пришлось довольно долго переписываться с государственными органами Мексики, прежде чем мне разрешили приехать для отлова тепоринго.

К тому времени я выяснил, что в Мексике есть еще три вида, которым угрожает полное истребление и которые строго охраняются законом, причем все три – птицы. Во-первых, квезал – изумительно красивая птица с золотисто-зеленым оперением, алой грудкой и длинными, отливающими металлом хвостовыми перьями. Во-вторых, рогатый гокко, величиной с индейку, с острым рогом на лбу, похожим на носорожий. И, в-третьих, толстоклювый попугай, ярко-зеленая птица с алой «маской», перья крыльев и ног

тоже с алым отливом.

Мексиканские власти разрешили мне отловить только вулканического кролика и толстоклювого попугая, считая, что рогатый гокко и квезал стали чересчур большой редкостью. К тому же у властей были свои соображения насчет охраны ареала этих птиц, и вот-вот должны были последовать практические меры.

Два разрешения из четырех возможных – замечательно, это даже больше того, на что я рассчитывал!

Мы приступили к сборам. Нужно было спроектировать и смастерить складные клетки, уложить продукты и так далее. И главное, найти судно, заходящее в Веракрус, поближе к Мехико, куда нам непременно надо было попасть, чтобы засвидетельствовать свое почтение властям. Несколько месяцев напряженного труда, десятки писем и телефонных звонков – наконец все приготовления закончены, и мы погрузились на борт парохода, идущего в Мексику.

Наш отряд состоял из Джеки, меня, Шепа (когда можно, я всегда стараюсь брать с собой кого-нибудь из сотрудников зоопарка, а так как на этот раз нам предстояло ловить птиц, поехал Шеп), моей секретарши Дорин (Энн Питерс перешла на другую работу) и нашего старого друга, Пегги Кэрд. До того как стать вольным художником, Пегги долго работала в Би-Би-Си, и я пригласил ее в экспедицию в расчете, что она сможет сделать интересные звукозаписи к фотографиям, которые мы надеялись снять во время охоты на вулканических кроликов. А Дорин – первоклассный водитель, и ее талант мог очень даже пригодиться в облюбованных нами районах Мексики. К тому же я собирался в пути писать книгу.

Минул месяц, и вот пароход «Ремшид» причалил к дебаркадеру в порту Веракрус. Поднявшись на палубу, я смотрел на город. Картина была такая оживленная, радостная, теплая, и в воздухе носились такие приятные запахи, что я сразу же проникся глубоким расположением к Мексике. Но первое впечатление бывает обманчивым, я не преминул

вспомнить об этом, едва мы вошли в таможеню. Таможенники всегда и всюду склонны придирааться, но особенно трудно с ними зверолову. Ведь его снаряжение представляет собой такой пестрый набор самых разных предметов, от мясорубок до медицинских шприцев, что просто невозможно поверить, будто он приехал в страну только за тем, чтобы ловить животных. Нет, скорее всего это какой-нибудь маскирующийся коммивояжер... Снаряжение, которое мы нагромодили на стойке, составило груды длиной около десяти метров – как тут не призадуматься!

С удивлением я обнаружил, что таможенник – женщина, к тому же красивая. Я сразу проникся к ней симпатией. Элегантная зеленая форма, чудесное смуглое лицо – словом, сердце мое растаяло, и я почувствовал, что мы могли бы с ней отлично поладить. Но мое растаявшее сердце ушло в пятки, едва я увидел, каким взглядом она обзревает наши пожитки. Кажется, ответной симпатии здесь не дождешься... Хорошо еще, что у меня был переводчик в лице Пегги, ибо моего знания испанского далеко не достаточно, чтобы вразумительно объяснить чиновнику мексиканской таможни, для чего надо ловить зверей.

Женщина в зеленом принялась не спеша открывать наши чемоданы и щупать содержимое. Я подумал, что при таком темпе мы проторчим тут не один час, а то и не один день. Вспомнилось, как однажды в Аргентине все мое звероловное снаряжение было конфисковано таможней и понадобились недели, чтобы выручить его и приступить к работе. Кажется» подумал я с ужасом, та же история повторится в Мексике... Расправившись с третьим чемоданом – на очереди было еще около сорока! – смуглая красавица посмотрела на Пегги.

– Это все ваши? – спросила она.

– Наши, – подтвердила Пегги.

Таможенница поразмыслила, потом знаком отозвала Пегги в сторонку. Когда Пегги вернулась, я увидел озорной блеск в ее карих глазах.

– Она хочет, чтобы ее ублажили, – сказала Пегги.

– Ублажили? – поразился я. – Как это понимать?

– Она говорит, если мы ее ублажим, остальной багаж пройдет без осмотра.

Я не верил своим ушам.

– Разве у нее нет мужа? Станный способ пропускать багаж через таможенню...

– Да нет же! – прыснула Пегги. – Она подразумевает взятку.

– Господи!

Я был потрясен, мне никогда в жизни не приходило в голову подкупать таможенников. В моем представлении это примерно то же, что плевать против ветра.

– А сколько, по-твоему, ей надо дать? – спросил я, оправившись от шока.

– Пойду узнаю. – Пегги отправилась на переговоры.

Она вернулась скоро.

– Говорит, триста песо сойдет, – доложила она.

– Сколько это будет в переводе на английские деньги?

– Около десяти фунтов...

– Ладно, бог с ними, только бы поскорее выйти отсюда.

Я вытащил бумажник и вручил Пегги деньги. Она снова пошла к дальнему концу стойки, где женщина в форме уже занималась еще чьим-то багажом. Я ждал, что «приемопередача» взятки будет происходить скрытно. Пегги тоже так думала, она шла крадучись, точно секретный агент, сомневающийся в надежности своей маскировки. А таможенница, заметив ее, наклонилась над стойкой и спокойно протянула руку. Пегги испуганно сунула ей деньги и стремглав вернулась ко мне.

– Боже! – вымолвила она. – Так откровенно!

– Ничего, зато с багажом все в порядке, – утешил я ее.

Мы нашли престарелого гнома-носильщика, он сложил в кучу наши вещи и пообещал раздобыть грузовик, чтобы отвезти их в камеру хранения. Дело в том, что возникла новая закавыка. Пока мы с Пегги занимались снаряжением, Джеки,

Дорин и Шеп предавались бюрократическим упражнениям, добиваясь, чтобы нам разрешили сгрузить наш «лендровер». Я обнаружил их – запарившихся и удрученных – в другом конце таможи.

– Ну так! – весело доложил я. – Все в порядке. Багаж провели. И ведь как живо управились... чудо... Во всем мире я не видел такой эффективной системы.

– Тогда попробуй расхлебать эту кашу, – ядовито заметила Джеки. – Похоже, документы на «лендровер» оформлены неправильно.

– Силы небесные, – простонал я. – Опять не слава богу...

Таможенник вел себя предельно учтиво, он был сплошное очарование. Это не мешало ему твердо стоять на своем. К сожалению, наши бумаги неверно оформлены, и здесь исправить дело нельзя, только в Мехико. Но без «лендровера» как же мы доберемся до Мехико? Что он нам посоветует? Чиновник выразительно пожал плечами – так утка отряхивается от воды. Сеньору придется съездить в Мехико за надлежащими документами, а пока машину придется задержать. Он весьма сожалеет, но ничем не может нам помочь. Обескураженные, мы сбились в кучку и открыли оперативное совещание.

– Ничего не поделаешь, – начал я. – Все равно мы собирались провести один день в Веракрусе, и номера в отеле забронированы. Придется нанять машину и ехать в Мехико за бумагами.

– Пожалуй, ты прав, – сказала Джеки. – Но сколько времени и денег зря потратим... Хотела бы я знать, о чем думали болваны, которые оформляли нам документы. Ведь отлично знали, что мы ввозим машину всего на два-три месяца.

– Что толку спорить теперь, – заключил я. – Лучше сдадим багаж в камеру хранения и разместимся в гостинице, а там посмотрим, как действовать дальше.

Так мы и поступили.

Отель «Мокамбо» в пригороде Веракруса отчасти вознаградил нас за все огорчения. Полный очаровательного своеобразия, он на какое-то время отвлек нас от неприятных размышлений. Начать с того, что архитектор, который проектировал это огромное сооружение, то ли находился под влиянием раннего Сальвадора Дали, то ли мечтал в юности стать капитаном, потому что весь отель был украшен штурвалами со старых парусников. Даже в холле висел под потолком штурвал небывалых размеров, метров семь-восемь в поперечнике, и штурвалами же были забраны все окна. На стенах красовались изображения кораблей. В остальном сие грандиозное здание (иного определения не подберешь) представляло собой сочетание широких лестниц, лоджий с видами на кроны деревьев и море вдаль и просторных внутренних двориков с беспорядочно расставленными греческими колоннами. Любой дипломированный архитектор, наверное, потерял бы рассудок, проведя сутки в этом отеле, меня же он просто обворожил.

Во второй половине дня мы договорились о машине, которая должна была на другое утро отвезти нас в Мехико, а вечером отправились в Веракус, чтобы познакомиться с мексиканской кухней. Нас предупреждали, что она отвратительна, тем приятней было убедиться в обратном. Маленькие веракруские устрицы оказались самыми вкусными и нежными из всех устриц, какие мне когда-либо доводилось пробовать, а большие креветки – их разделяют на две половины и поджаривают на противне над костром – просто бесподобны. Они запекаются в собственном соку, и панцирь становится таким хрупким, что его можно есть вместе с содержимым. Такое впечатление, будто ты ешь диковинную розовую вафлю. И еще одно необычное для нас блюдо – тортильи. Это своего рода блины, они бывают либо толстые и дряблые (эти мне не понравились), либо тонкие и поджаристые. К ним подают черную фасоль и чудесный жгучий соус из зеленого перца. Мы плотно закусили, и настроение сразу поднялось.

На другое утро мы с Джеки и Пегги поехали в Мехико, предоставив Шепу и Дорин изучать значные места портового города. Ландшафт, по которому проходила дорога, поразил нас своей необычностью. Только что мы были в окружающих Веракрус тропиках с ананасами, бананами и прочими южными плодами, а поднялись выше – и картина совсем иная, вдоль шоссе выстроились субтропические деревья изумительной окраски и формы. Внезапно их сменил сосновый лес, и стало так прохладно, что пришлось надевать вязаные жилеты. Затем впереди простерлась голая равнина, и вдали показались могучие вулканы. Попокатепетль, Истаксиуатль и Ахуско. К их подножию лепилось большое серо-белое облако.

– Это и есть Мехико, – сказала Пегги.

– Как? Это облако? – спросил я.

– Ну да, – подтвердила она. – Так мне говорили. Это смог.

Я недоверчиво посмотрел на нее.

– Неужели все это облако – смог? Да ведь так недолго и задохнуться!

– Недаром мексиканцы говорят, что у них самый страшный смог во всем мире, – продолжала Пегги.

– Всеблагий боже! Нечего сказать, приятные деньки нам предстоят.

Предместья Мехико производили довольно жалкое впечатление, но дальше пошли дома покрасивее, хотя и преобладала современная архитектура. Слова Пегги подтвердились: воздух был ужасный, запахи нефти, бензина, гари и прочих отходов образовали такую смесь, что, казалось, ваши легкие отныне и навсегда будут заражены этим ядом. Попав в пробку – а мы то и дело в них попадали, – приходилось выбирать одно из двух: либо наглухо закрывать окошки, рискуя изжариться заживо, либо во избежание рака легких стараться вдыхать не чаще одного раза в пять минут. Ума не приложу, как люди ухитряются жить и работать в Мехико.

Когда мы разместились в гостинице, Джеки и Пегги отправились распутывать проблему «лендровера», а я тем временем обзвонил всех, с кем мне советовали связаться, и уведомил о нашем прибытии и наших намерениях. Навестил Пеллема Райта; он был чрезвычайно любезен, сообщил мне кучу полезных сведений, потом проводил меня к д-ру Корсо, который руководит охраной природы в Мексике, и его заместителю, д-ру Моралесу. Д-р Корсо выслушал мои пожелания и все одобрил. Правда, как я его ни умолял, он не разрешил мне отловить рогатого гокко. По его словам, для этой птицы будет учрежден особый заповедник с надежной охраной, исключаяющей браконьерство. Надо ли говорить, как я огорчился, но он твердо стоял на своем. Ладно, хоть принимаются меры, чтобы сохранить рогатого гокко на воле, и то хорошо.

Большую помощь оказали нам руководители конторы «Шелл» в Мехико. В частности, через них мы получали почту, и однажды, когда я заехал, чтобы справиться о письмах, управляющий конторой, мистер Макдональд, пригласил меня в свой кабинет.

– Хочу задать вам один вопрос, – сказал он. – Я знаю, что в вашем отряде пять человек – вам не нужны еще помощники?

– Вообще-то... я мог бы... – осторожно начал я, решив, что у него есть какая-нибудь незамужняя тетушка, которая с детства обожает животных и теперь была бы не прочь присоединиться к нашей экспедиции. – А почему у вас возник такой вопрос?

– Есть тут один молодой человек, отличный парень, страну знает как свои пять пальцев, само собой, говорит по-испански и страшно увлекается животными. Он студент университета, но до начала занятий еще два месяца, вот я и подумал, может быть, он вам пригодится. К тому же у него есть машина, это тоже кстати.

В самом деле, очень кстати! Вторая машина нам нужна, мы уже выясняли возможности проката, но цены были

астрономические, и наши скудные финансы не допускали такого расточительства. Если у этого человека собственная машина, проблема будет решена.

– Как его зовут? – спросил я мистера Макдональда.

– Дикс Бранч. Сказать ему, чтобы он заехал в отель и познакомился с вами? А там уж вы сами решите.

– Хорошо, пусть приезжает сегодня вечером, часам к пяти.

В пять часов я спустился в холл и увидел высокого, голенастого молодого крепыша; из-под длинных темных волос на меня смотрели задумчивые глаза. Он сразу пришелся мне по душе, хотя, поговорив с ним пять минут, я понял, что у него очень серьезные взгляды на жизнь – пожалуй, чересчур серьезные. Объяснив ему, для чего мы приехали, я спросил, какая у него машина. «Мерседес», – ответил он. Я воспрянул духом; к тому же осмотр машины показал, что в задний отсек кузова войдет чуть ли не половина нашего снаряжения. Что ж, если он хочет помочь в работе экспедиции, я могу взять его на довольствие. Дикс согласился и сразу показал себя бесценным помощником. Мало того, что он знал все улицы и закоулки Мехико, знал, где лучше кормят и где лучше делать необходимые нам покупки, – он обладал неистощимым терпением в переговорах с бюрократами, а это нам очень и очень пригодилось на последующих этапах путешествия.

Проблема «лендровера» никак не поддавалась решению. Джеки и Пегги отсылали из одной конторы в другую, и под конец дня они возвращались в отель разбитые и злые. Так длилось целую неделю. Однажды вечером они вернулись после очередного раунда переговоров и застали нас с Диксон в украшенной пальмами гостиной, где мы наслаждались освежающими напитками.

– Справились наконец, – доложила Джеки, устало опускаясь в кресло.

– Молодцы! – воскликнул я. – Но я не вижу восторга на ваших лицах.

– Какой там восторг, – процедила Джеки, – Знаешь, в

чем было дело? Эти дурни в Веракрусе – это они ошиблись. В наших бумагах все правильно. Можно было тогда же пропустить «лендровер», просто они глядели не в ту инструкцию.

У Пегги вырвался стон.

– Чтобы я еще когда-нибудь обратилась в правительственное учреждение!

– Значит, можно ехать и забирать наш «лендровер»?

– Да, все в порядке. Начальство позвонило в Веракрус и устроило им нагоняй, слава богу. Завтра можно ехать.

Мы выехали с утра пораньше, и по дороге в Веракрус я рассказал Диксу о своем замысле. Хотя нам не разрешили отловить рогатого гокко и квезала, хотелось бы посмотреть на местность, в которой они обитают. Поэтому я предполагал, выручив машину и разобрав багаж, сразу проехать через всю Мексику к гватемальской границе, где водятся эти птицы. Мы получим общее представление о стране и осмотрим по пути немало интересных мест. А уже потом вернемся в Мехико, устроим там базу и отправимся на склоны Попокатепетля за вулканическим кроликом.

Мы вырвали «лендровер» из рук присмиривших таможенников, рассортировали багаж и оставили на хранение в диковинном отеле «Мокамбо» те вещи, без которых пока могли обойтись. Завершив приготовления, ранним утром мы взяли курс через Мексику к тихоокеанскому побережью и дальше, к границе Гватемалы.

Не помню, чтобы где-нибудь еще на свете мне довелось за столь короткий срок наблюдать такое разнообразие ландшафтов. Сперва – субтропические равнины под Веракрусом, с множеством речушек и проток. Здесь видимо-невидимо птиц. Над шоссе проносились огромные стаи челнохвостых грачей с коротким, тяжелым клювом. На изобилующих водорослями протоках по зеленому плавающему ковру расхаживали яканы – своеобразные птицы с длинными пальцами ног. С первого взгляда якана можно принять за шотландскую куропатку. Но когда они, спугнутые машинами,

снимались с воды и улетали прочь, становились видны болтающиеся длинные пальцы и в воздухе мелькала лютиково-желтая «подкладка» крыльев.



Мы видели также много челноклювов. Из всех околородных птиц у них, по-моему, самый скорбный вид. Тяжелый, широкий клюв, большие грустные глаза; сидят на деревьях, уткнувшись клювами в грудь, – ни дать ни взять траурные сборища собратьев диснеевского утенка.

Деревни и города на нашем пути – мерцающее голубое морево жакаранд, а дома будто придавлены к земле пурпурными, розовыми, оранжевыми, желтыми и белыми плетями бугенвиллей.

Потом начался подъем, и пошли леса почти тропические. С ветвей свисали каскады зеленовато-серого мха; стволов подчас не было видно из-за орхидей и других эпифитов. Крутые обочины затканы гобеленом из кустарников и травянистых; выделялись заросли крупного папоротника. Восхищаясь пышной и разнообразной флорой, я проклинал свое невежество в ботанике.

В этой волшебной пуще нас застиг дождь, да такой, какой только в тропиках бывает. Небо поливало землю мощными струями, и грунтовая дорога живо превратилась в

коварное месиво, а видимость сократилась до нескольких сантиметров. Джеки, Дорин и Шеп ехали на «лендровере», мы с Пегги и Диксом – впереди, на «мерседесе». Мы намеренно избрали такой порядок, чтобы «лендровер» мог выручить «мерседес», если тот вдруг застрянет. И когда серая завеса воды свела видимость к нулю, я решил поискать утешения в премилом путеводителе, который мне посчастливилось раздобыть в Мехико.

– Мы не попадем в Акапулько? – Я еще плохо разобрался в географии Мексики.

– Нет, – мрачно ответил Дикс. – И туда вообще не стоит ездить – заурядный курорт.

– А если верить этой книге – восхитительное место. Послушайте: «Своеобразная топография местности создает захватывающие панорамы: тихие бухты и заливы с кристальной водой, пляжи, о которые разбиваются могучие волны. Вода теплая, климат мягкий, ласковые ветры, температура почти весь год на уровне 25 градусов тепла, так что одеваться следует легко. Почти всегда светит солнце, поскольку дожди обычно выпадают ночью. Местные жители придерживаются старинных обычаев, особенно в одежде».

– Чудесно! – подытожила Пегги. – Как жаль, что мы туда не попадем.

В эту минуту случился прокол, пришлось нам с Диксом выходить, чтобы менять колесо; правда, большую часть работы выполнил Дикс. Мы вернулись в машину промокшие насквозь и продолжали двигаться под проливным дождем со скоростью улитки. Вытерев голову, лицо и руки, я снова взялся за путеводитель.

– А вот сюда, мы непременно должны попасть, – сказал я. – Послушайте: «Благодаря умеренному климату, ясному небу и обилию солнечных дней это место можно считать идеальным для отдыха. Гостеприимство и дружелюбие местных жителей позволяют гостю чувствовать себя как дома, покой и тишина – подлинный бальзам для души всякого, кто ищет уголок, где можно дать отдых издерганному

нервам после распространившегося почти повсеместно беспокойного образа жизни. Советуем посетить церковь и колоритную площадь, а также местный базар».

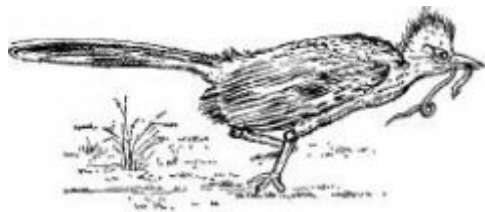
Наконец дождь прекратился, а затем кончились тропические дебри, и мы – такова уж своеобразная природа Мексики! – без всякого перехода очутились в горном сосновом лесу. Пользуясь прояснением, решили сделать привал, чтобы выпить кофе, предусмотрительно припасенный Джеки. Десять минут назад мы изнывали от тропического зноя, здесь же было так прохладно, что пришлось надеть всю теплую одежду, какая нашлась в машине.

Дальше дорога взбесилась, пошла выписывать кривые вверх-вниз по долинам и крутым косогорам. И меня все больше поражала растительность. В долинах – пышные тропики, а через несколько минут извилистого подъема – опаленные жгучим солнцем сухие плоскогорья, на которых вытянулись шеренги деревьев с изумительными, шелковисто-красными стволами и совсем без листьев. К тому же стволы и сучья такие корявые, что кажется, вас километр за километром провожает застывший в причудливых позах кордебалет. Новый поворот – и вдруг красные стволы пропали, стоят такие же кривые, но с серебристо-серой корой, отливающей металлом в солнечных лучах. И тоже без единого листочка.

За следующим поворотом деревья вовсе исчезли, пошли огромные кактусы высотой до шести-семи метров. Странный вид придавали им ветвистые стебли, будто на склоне горы выстроились полчища зеленых канделябров. Черными крестиками в голубом небе медленно кружили какие-то хищники, а дорогу то и дело галопом пересекали погоньши – небольшие птицы с хохолком, длинным хвостом и огромными плоскими лапами. На бегу они чуть не касаются лапами клюва, и вид у них такой целеустремленный, точно они вознамерились побить мировой рекорд на полторы тысячи метров.

Обилие птиц и богатейшая растительность вызывали во

мне желание почаще останавливаться, но я знал, что это недопустимо: срок нашего пребывания в Мексике ограничивался суммой, которую нам неохотно разрешил вывезти Английский банк. Мы вели гонки со временем.



Дорога привела нас в городок Туле. К моему удивлению, Дикс затормозил у ограды маленького парка, посреди которого стояла маленькая церковь... Следом за нами остановился и «лендровер».

– Зачем мы остановились? – осведомился я.

– Чтобы посмотреть Дерево, – ответил Дикс с присущей ему мрачностью. – Пегги просила.

– Какое еще Дерево?

– Как, ты не знаешь? – горячо воскликнула Пегги. – В Мексике нет человека, который не приехал бы посмотреть это дерево.

Я поглядел на дорогу. Если не считать играющих в пыли трех большеглазых девчушек в рваных платьицах – ни души.

– Что-то непохоже, чтобы туристы валом сюда валили, – заметил я.

– Но ты непременно должен посмотреть на него, – настаивала Пегги. – Должен, понимаешь! Это одно из самых старых деревьев в мире.

– Ну, в таком случае, конечно, посмотрю. Выйдя из машины, я услышал диковинную музыку – попискивала флейта, бухал барабан. Мы вошли через ворота в парк и увидели нависшее над церквушкой, защищенное надежной оградой Дерево. У меня дух захватило. Мало того, что оно оказалось на редкость высоким (хотя, по чести говоря, я

видывал деревья и повыше), еще больше поражал его исполинский объем. Могучий конус шуршащей листвы венчал ствол немыслимой толщины; корни-контрфорсы впивались в землю, будто когти какой-нибудь легендарной хищной птицы – вроде птицы Рух из сказки о Синбаде. Я не знал истории Дерева, не знал, сколько ему лет и, однако, при всем моем невежестве, тотчас понял, что это – всем деревьям дерево. Оно обладало ярко выраженной индивидуальностью. Оно потрясло всех нас – всех, кроме Дикса, который бывал здесь раньше. Но и он смотрел на Дерево с благоговением; Дикс вообще равнодушен к деревьям.

– Говорят, – сообщила Пегги приглушенным голосом, словно мы лицезрели святыню, – что ему три тысячи лет. Оно славилось своими размерами уже тогда, когда сюда пришел Кортес, недаром местные жители водили Кортеса к нему.

Я поглядел на вздымающуюся к небу зеленую громадину. Выходит, за тысячу лет до нашей эры здесь уже стояло молодое деревце...

Кроме нас под Деревом находились только престарелый слепой индеец в выцветшем тряпье и мятой соломенной шляпе – он извлекал из флейты какую-то леденящую кровь, диковинную мелодию, я сказал бы, восточного типа – да босоногий мальчуган лет шести-семи, который выбивал замысловатую дробь на барабане. Мы для них словно не существовали.

– Интересно, чем это они заняты? – спросила Пегги.

Судя по тому, что музыканты нас не замечали, они играли вовсе не затем, чтобы выжать из чужеземцев несколько песо.

– Бьюсь об заклад, они играют для Дерева, – сказала Джеки.

– Гром и молния! – воскликнул я. – А что, вполне возможно. Ну-ка, Пегги, попробуй узнать.

– По правде говоря, мне не хочется им мешать. – На Пегги в такие минуты всегда находила робость.

Случай помог нам: старик опустил флейту, вытер губы и

замер, обратив лицо к Дереву. Мальчуган тоже устроил передышку и переминался с ноги на ногу, потупившись.

– Ну... Ну скорей же, спроси, – поторопил я. Пегги несмело подошла к индейцу и заговорила с ним. Когда она вернулась, лицо ее сияло.

– Он в самом деле играет для Дерева! Для Дерева!

– Вот видишь, – торжествующе произнесла Джеки. – Я так и знала!

– Но почему он играет для Дерева?

– Я не стала об этом спрашивать, – ответила Пегги. – Мне показалось, что это... ну, невежливо.

– Во всяком случае, их стоит записать, – сказал я.

Пегги достала из машины звукозаписывающую аппаратуру и, когда слепец поднес к губам флейту, обратил к Дереву незрячие глаза и снова начал играть, записала мелодию.

Может быть, он надеется, что дерево вернет ему зрение? Или играет просто потому, что это всем деревьям дерево? Ни у кого из нас не поворачивался язык спросить его. Наконец мы вышли из парка, сели в машины и поехали дальше под жалобные звуки флейты и барабанную дробь, которыми слепой индеец и мальчуган приветствовали исполинское Дерево.

Как ни увлекательна была эта поездка, нам не удалось добраться до гватемальской границы и посмотреть рогатого гокко и квезала. Путешествие кончилось в деревне Сан-Кристобаль, дальше путь был закрыт: в Гватемале начались какие-то беспорядки, и границу то и дело пересекали вооруженные отряды. Скрепя сердце развернули мы машину и покатали обратно в Мехико.

Возвратившись в столицу, мы решили, что будет дешевле жить на частной квартире. С помощью одного из наших друзей удалось найти идеальный вариант в центре города, с тремя просторными спальнями, двумя ванными, огромной гостиной и кухней. После переселения каждый

занялся своим делом: женскую половину нашего отряда больше всего занимали магазины и экскурсии по городу, а Дикс, Шеп и я отправились за кроликами.

Первую попытку я решил предпринять на самом Попокатепетле, и с утра пораньше, погрузив снаряжение в машину, мы взяли курс на исполинский вулкан. С набором высоты становилось заметно холоднее. Мы оглянулись назад. В обрамленной вулканами огромной чаше, озаренное бледным рассветом, переливалось пестрыми огнями лоскутное одеяло Мехико. В столь ранний час смога еще не было. Во второй половине дня с того же места города вовсе не увидишь.

У подножия Попокатепетля располагается несколько маленьких гостиниц. Мы остановили свой выбор на самой приличной с виду. Хозяином гостиницы был говорливый плутоватый мексиканец. Узнав, что он ярый охотник и держит охотничьих собак, мы спросили, что ему известно о вулканических кроликах. Он ответил, что кролики водятся вплоть до снеговой линии, и обещал связаться с одним из своих друзей, который, наверно, сможет нам помочь.

Друг – другом, а мы пока поехали дальше, в глубь Национального парка Попокатепетль, сколько позволяла дорога. Я решил, что стоит побеседовать с объездчиками, уж они-то нам точно скажут, где искать тепоринго. Дорога взбиралась зигзагами вверх по склону, и вскоре мы очутились в густом сосновом бору. Под соснами, словно большие кудлатые парики, топорщились золотистые кочки травы закатон.

В парке мы вышли из машин; здесь воздух был такой свежий, такой чистый, что с непривычки дух захватывало. Над нами возвышался исполинский снежный купол – вершина вулкана. Не сразу удалось найти лесника, зато, разыскав его, мы получили исчерпывающие сведения о вулканических кроликах. Ну как же, он их хорошо знает, сколько раз видел и в парке, и на других склонах. Недавно сам поймал двух тепоринго, добавил он не без гордости.

– Где они? – воскликнул я.

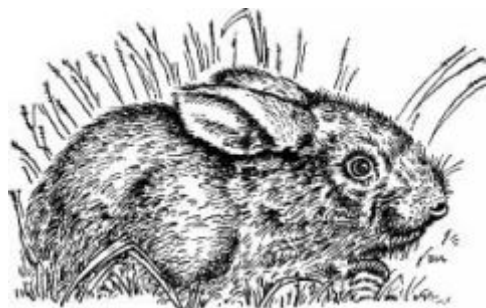
– Как где? Съел.

Речь шла о животном, которое – во всяком случае, на бумаге – стоит в ряду наиболее строго охраняемых в Мексике. И со мной говорил лесник Национального парка. Не подумайте, что так бывает только в Мексике, то же происходит всюду, где ограничиваются «бумажной» охраной животных.

Так или иначе, мы установили, что, несмотря на старания лесника, еще не все тепоринго истреблены. А вернувшись в гостиницу, узнали, что хозяин разыскал своего друга, и увидели верзилу с огромной головой, лицом страховидного майяского идола и маленькими бегающими глазками. Впрочем, для нас гораздо важнее было то, что он хорошо знал нравы и прихоти тепоринго. Мы услышали, что единственный способ поймать вулканического кролика – выкопать его из земли. Процедура трудоемкая, но вместе – он, Дикс, Шеп и я, да если привлечь еще двух человек – как-нибудь справимся.

Мы условились, что завтра утром снова поднимемся на склон Попокатепетля и приступим к охоте на кроликов.

Я прочел о вулканическом кролике и его образе жизни все, что сумел найти, – не так уж много, поскольку этого зверька, похоже, никто как следует не изучал, – и мы знали, что тепоринго водятся только в зоне травы закатон и по существу только ею и кормятся. Один источник сообщает, будто кролики едят произрастающую в горах дикую мяту, однако мы ни разу не видели там мяты и подавно не видели уписывающих ее кроликов.



Скоро мы убедились, что охотиться в траве закатон – дело не простое. Огромные золотисто-желтые кочки высотой почти в метр растут на мягкой черной вулканической почве, в которой тепоринго роют себе длинные извилистые норы. Под свисающими листьями кролики протаптывают сеть тропок, похожих на туннели; пасутся они, судя по всему, на самих кочках, поедая как молодую, так и жухлую траву. Мы видели много кочек, словно выкошенных посередине, лишь по краям оставался венчик нетронутых длинных стеблей.

Мы поднялись по склону на высоту около трех тысяч метров, ехали не спеша, внимательно глядя по сторонам – не покажется ли где тепоринго. Правда, глядели мы без особой надежды, ведь было очевидно, что гул мотора загонит всех кроликов в норы. Представьте себе, за очередным поворотом я, к величайшему своему удивлению, узрел сидящего на широкой кочке, словно на сторожевой вышке, тепоринго.

Взвизгнули тормоза, а миляга кролик знай себе сидит в траве, не обращая на людей никакого внимания. Нас разделяло от силы десять метров, тем не менее я вооружился биноклем и принялся жадно рассматривать зверька. Он был не больше домашнего кролика, известного под названием голландского карлика, иными словами – величиной с упитанную морскую свинку. Маленькие округлые ушки плотно прилегали к голове, сразу и не заметишь, а хвоста я и вовсе не разглядел. Окраска преимущественно коричневая, глаза обведены тонким белым колечком; на солнце шерсть отливала зеленью.

Как только я убедился, что это в самом деле животное, ради которого мы проделали столь долгое путешествие, а не какой-нибудь другой из мексиканских кроликов, мы вышли из машины. Тепоринго пискнул – словно кто-то потер воздушный шарик влажным пальцем, только еще пронзительнее, – подпрыгнул вверх, приземлился на той же кочке, оттолкнулся от нее как от трамплина и нырнул в гущу травы. Мы без промедления приступили к работе. Обнесли участок сетью, обошли все кочки, закупоривая выходы из норы тепоринго, затем принялись раскапывать ход, куда он, по нашим расчетам, юркнул. Непривычные к высоте, мы с Диксом и Шепом чуть что задыхались. Казалось бы, пустяк – растянуть сеть, а мы сопели, точно дряхлые клячи по пути на бойню. Естественно, мы быстро разуверились в своих способностях копать землю и бросили лопаты, предоставив трем охотникам трудиться одним. А они не возражали, знай себе помахивали лопатами, и высота им была нипочем. Вот уже набросали целую гору рыхлой, словно пудра, вулканической земли. Однако тепоринго не показывался; видимо, мы прозевали все же какой-то выход, и кролик улизнул.

Я страшно огорчился, видя, что поймать тепоринго таким образом будет вовсе не легко. Тем не менее мы продолжили поиски на склоне, доехали до другого участка, где водились кролики, и снова взялись за работу. Выбрали такую нору, перед которой лежал свежий помет: все-таки больше надежд на то, что подземная обитель не пуста. Затем повторился трудоемкий процесс закупорки всех ходов, какие удалось обнаружить поблизости. И опять – за лопаты.

Пять раз проделали мы эту процедуру, и пять раз впустую. Наконец на шестой раз нам посчастливилось. Один из охотников вдруг издал какой-то нечленораздельный звук, упал на колени, выбросил вперед руки и вытащил из черной ямы молодого, ясноглазого, в высшей степени живого вулканического кролика. Зверек попытался вырваться, потом успокоился и замер в руках у охотника. Уж не шок ли это?...

Мы быстро определили пол – оказалась самка – и бережно поместили пленницу в одну из припасенных нами клеток.

Кролики и зайцы в неволе легко впадают в панику; вообразив, что перед ними враг, они способны с такой силой броситься на деревянную стенку или решетку, что разбиваются насмерть. И я опасался, как бы наш первый тепоринго не отколол такую штуку. Даже приготовил пальто, чтобы накрыть клетку. Однако пленница, очутившись в клетке, ничуть не волновалась и безмятежно созерцала нас. Немного выждав, я осторожно протянул вперед руку и тихо поскреб пальцем проволочную сетку. Как же я был поражен, когда крольчиха, слегка подпрыгнув, затем подошла к сетке и понюхала мой палец! Она вела себя так спокойно, будто мы поймали домашнее животное, а не дикого зверька.

Вечерело, заходящее солнце окрасило могучую снежную шапку Попокатепетля в нежный розовый свет. Налюбовавшись трофеем, я решил, что лучше отвезти крольчиху в Мехико и посмотреть, как она освоится, прежде чем продолжать отлов. Так мы и поступили.

На обратном пути я поразмыслил над тем, как быть дальше. Если продолжать охоту на такой высоте, от нашей тройки будет мало проку из-за разреженного воздуха. Но ведь тепоринго встречаются и ниже. Пожалуй, самое разумное – прибегнуть к методу, который я успешно применял в других частях света: обратиться к местным жителям. Заедем в несколько деревень у подножия Попокатепетля и предложим приличную цену за каждого здорового кролика. Однако прежде всего надо убедиться, что пойманный нами тепоринго сумеет приспособиться к неволе. Горький опыт научил меня: одно дело – поймать животное, совсем другое – сохранить его.

Возвратившись в городскую квартиру, мы благоговейно поместили клетку с крольчихой на полу среди гостиной, подстелив большой газетный лист, после чего помчались на рынок и закупили кучу всяких плодов, овощей и зелени. Вернулись с рынка – крольчиха так же спокойна, как в первые

минуты после поимки. Мы приготовили ей еду, причем тщательно подсчитывали: столько-то веточек того-то, столько-то листьев того-то, столько-то кусочков яблока и так далее. Строгий учет был нужен, чтобы точно знать, сколько и чего она съест (если съест), чему отдаст предпочтение. Положили корм в клетку, накрыли ее, чтобы зверьку было спокойнее, и вышли.

Отмечая наш первый успех, мы славно пообедали. Вернулись через три часа; я осторожно снял с клетки покрывало и поглядел: съела хоть что-нибудь? Поглядел просто так, ни на что не рассчитывая, – ведь обычно дикому животному после поимки нужно какое-то время, чтобы освоиться, да к тому же корм был совсем необычный для крольчихи. Я не поверил своим глазам, обнаружив, что почти все съедено, кроме одной травы, которая ей, очевидно, не понравилась. Даже яблоко съела, хотя я думал, что она к нему не притронется. Приятно, что и говорить, однако я знал, что нужно выждать еще несколько дней, проверить – не повредит ли новая пища нашему тепоринго, не вызовет ли энтерита или еще какой-нибудь губительной хвори. Да, но начало-то какое хорошее, даже не верится!

На другой день, оставив крольчиху на попечение Джеки, мы с Диксом и Шепом посетили деревни на нижних склонах Попокатепетля. Деревень было много, но только в двух местах колонии тепоринго находились, так сказать, в пределах досягаемости. Мы переговорили с деревенскими старостами, объяснили, что нам нужно, и предложили очень высокую, по местным меркам, плату за каждого неповрежденного тепоринго. Затем снабдили старост клетками и обещали, что через два дня приедем снова.

Два дня я на спускал с крольчихи глаз – нет ли признаков тревоги или недомогания? Но пленница вела себя спокойно и с явным наслаждением уписывала чуть ли не все, что ей предлагали. Я всей душой надеялся, что жители двух деревень добьются успеха, ведь наше пребывание в Мексике подходило к концу, и, хотя цель экспедиции в общем-то

достигнута, от одной крольчихи проку мало. Нужно отловить столько, сколько предусмотрено разрешением, то есть десять экземпляров, да чтобы было не меньше четырех самцов. Тогда можно рассчитывать на приплод.

– Убедившись на деле, как трудно добыть тепоринго, я мысленно поставил крест на другом виде, который нам разрешили отловить, – все равно времени не хватит. Речь шла, как вы помните, о толстоклювом попугае. Но пока мы выжидали два дня перед тем, как снова ехать в деревню, нам на голову свалилось нежданное счастье. Мне рассказали про один зоомагазин на окраине города, и, хотя я знал, что власти строго следят за тем, чтобы никто не продавал охраняемых законом животных, стоило посмотреть, чем богата эта лавка. И как же я обрадовался, когда в одной из клеток увидел три пары толстоклювых попугаев! Пестрые, шумливые, в глазах озорство, и все перышки на месте. Поторговавшись, я приобрел все три пары и с торжеством доставил домой. Птицы были чудесные, совершенно здоровые, молодые, и Шеп не мог на них налюбоваться.



Ничего не скажешь, хороши и удивительно легко нам достались, однако у меня не шла из головы проблема

тепоринго. Одного поймали – вот будет досадно, если до отъезда больше не получим! Ведь тогда придется везти крольчиху обратно и выпускать на волю, вся экспедиция насмарку.

Шли дни, мы регулярно навещали обе деревни, и нам регулярно докладывали, что стараются, копают, да только никого поймать не могут. Я им охотно верил. Оставалось лишь повесить обещанное вознаграждение до астрономических размеров – пусть материальный стимул придаст им силы копать снова и снова, невзирая на неудачи. Сам я после каждой неудачной поездки все больше падал духом.

Но вот в один прекрасный день фортуна как будто повернулась к нам лицом. Мы отправились за город для очередной проверки и, въехав на пыльную главную улицу деревни Паррас, по сияющему лицу и жестам выскочившего нам навстречу старосты сразу поняли, что лед тронулся. Он провел нас через дом во двор, и в оставленных нами клетках мы увидели трех тепоринго. Все живы-здоровы и сидят смиренхонько на месте, словно плен их трогал так же мало, как и нашу первую узницу. Мы осторожно извлекли их, чтобы определить пол, и моя радость слегка померкла, потому что все три оказались самками. Ладно, четыре крольчихи лучше, чем ни одной! Мы рассчитались с ликующим старостой и повезли их в город. На пробу поместили двух тепорингов в одну клетку, но у них оказался склочный нрав, пришлось всех держать порознь.

Три новые крольчихи привыкли к необычному корму так же быстро, как и первая. Прекрасно, однако меня тревожило, что время на исходе, через несколько дней Шепу вылетать на Джерси с нашей добычей, а у нас, как говорится, не выполнен план по тепоринго. И, что хуже всего, нет самца. Следом за Шепом и всем остальным придет пора собираться в дорогу, чтобы поспеть в Веракрус на пароход, и тогда уж нам будет не до лова вулканических кроликов. Мы стали объезжать деревни каждый день, соблазняя жителей

фантастическими суммами, и они старались изо всех сил, однако тепоринго упорно не давались им в руки.

В отчаянии я решил на последнюю меру, взял с собой Дикса переводчиком и поехал в Министерство земледелия, к д-ру Моралесу. Объяснил, в каком дурацком положении мы очутились: ехать на край света за вулканическими кроликами, ухлопать кучу денег и вернуться на Джерси только с четырьмя самками – значит потерпеть полный крах. Нельзя ли переписать выданное мне разрешение на Дикса, чтобы он после моего отъезда попытался все-таки добыть еще шесть тепоринго? Уж среди них-то, наверное, будут самцы!

Слава богу, д-р Моралес отнесся к моей просьбе сочувственно. Сказал, что отлично меня понимает, и тотчас согласился оформить разрешение на имя Дикса. Я не знал, как его благодарить.

Последующие сутки были наполнены лихорадочной деятельностью, надо было изготовить транспортные клетки для тепоринго и особую клетку для попугаев, не только легкую (ведь им лететь на самолете), но и достаточно прочную! Ибо простую деревянную клетку наши толстоклювые могли разломать в четверть часа, а мне отнюдь не хотелось, чтобы они вырвались на волю в самолете, пересекающем Атлантику.

Настал день вылета, и мы поехали на аэродром проводить Шепу и его драгоценный груз. Шеп обещал передать Кэт, чтобы она первое время после его прибытия на Джерси звонила и сообщала нам, как себя чувствуют тепоринго. Опыт показал, что общаться с трестом по телефону куда проще, чем по телеграфу, ибо телеграммы доходили настолько искаженными, что приходилось тут же посылать встречный запрос, выясняя, что хотел сказать ваш корреспондент.

Первый разговор с Кэт состоялся через два дня. Она сообщила, что вулканические кролики, Шеп и попугаи прибыли благополучно. Кролики освоились, попугаи тоже, полный порядок.

Я облегченно вздохнул. Но это не все, теперь дело за Диксом, сумеет ли он добыть для нас еще кроликов, и чтобы непременно был самец... Рискаю осточертеть ему своими наставлениями, я без конца твердил, чтобы он тщательно определял пол всех отловленных кроликов и чтобы больше трех самок не брал, а будут попадаться еще – выпускать, продолжая поиски до тех пор, пока не наберется четыре самца.

Дикс усвоил, как кормить тепоринго, как за ними ухаживать, как снарядить их в путь, так что за эту сторону дела я не беспокоился. Зная, как он любит животных, я не сомневался, что он хорошо присмотрит за кроликами.

И вот все дела завершены, мы отправились в Веракрус и сели на пароход. Кончилось путешествие, в котором было много увлекательного, но не обошлось и без огорчений. Если Дикс справится с задачей и пришлет нам самца тепоринго, можно будет считать экспедицию вполне удавшейся. А пока оставалось только надеяться на милость фортуны.

Прибыв на Джерси, я чуть не в первую же минуту помчался проверять, как поживают наши тепоринго. Джил – девушка, которая присматривала за ними, – рассказала мне, что на девятнадцатый день крольчиха произвела на свет двойню и первые сутки все шло благополучно. А потом крольчат нашли мертвыми... Подозреваю, что причиной гибели была небрежность мамыши. Как-никак, ее поймали беременную, с горы привезли в душный город, потом на самолете доставили на Джерси, она не успела еще как следует освоиться на новом месте, а тут надо растить двух малышей. Конечно, мы огорчились, и все же, по чести говоря, не стоило винить крольчиху.

Проходили недели, а от Дикса – ни слова. Я посылал письмо за письмом, подгонял, подбадривал его, но он и не думал отвечать. В конце концов я заподозрил, что, намучившись с нами во время экспедиции, он попросту махнул рукой на вулканических кроликов. И вдруг однажды утром телефонный звонок Мистера Даррелла вызывает

Мексика, можно соединять? Объяснять телефонистке, как я ждал этого звонка, было нелепо, я только выдавил из себя тусклое «да». Это был Дикс, причем слышно было так отчетливо, словно мы с ним находились в одной комнате. Он сообщил, что наконец ему удалось добыть еще шесть тепоринго, из них два – самцы; все шесть благополучно здравствуют у него дома и хорошо едят. Он как раз кончил мастерить транспортные клетки, вышлет мне кроликов в ближайшие двадцать четыре часа. Я записал номер рейса и все прочие данные.

До чего же здорово! Нельзя рассчитывать на удачу всякий раз, когда отправляешься в экспедицию, но до сих пор мне удивительно везло. Похоже, и мексиканская экспедиция меня не разочарует.

Закончив разговор с Диксом, я немедленно соединился с Лондонским аэропортом. С кем только я ни говорил, разъясняя, что такое вулканические кролики, какие они редкие, как важно отправить их в приют для животных, если самолет прибудет поздно и нельзя будет сразу переадресовать клетки на Джерси. Потом позвонил в приют (он находится в ведении Королевского общества борьбы против жестокого обращения с животными), поделился радостной вестью с мистером Уиттэкером и тщательно проинструктировал его, как обращаться с тепоринго, если им придется заночевать в Лондоне. После этого мне оставалось только сидеть и ждать, стараясь не слишком волноваться.

Мы рассчитали, что кролики прилетят в Лондон утром и будет вполне достаточно времени, чтобы перебросить клетки на джерсийский самолет. Когда настал долгожданный день, я сидел как на иголках. Через два часа после того, как по расписанию самолет должен был сесть в Лондонском аэропорту, я позвонил туда. Никто ничего не слышал о прибытии вулканических кроликов. Звоню мистеру Уиттэкеру. Нет, кроликов не привозили, но для них все приготовлено. Пополудни опять звоню в аэропорт – по-прежнему никаких известий. Я не на шутку встревожился.

Может быть, позвонить в Мексику, спросить Дикса, удалось ли ему отправить кроликов условленным рейсом? Четыре часа дня – Лондонский аэропорт все еще ничего не знает.

Опять связываюсь с мистером Уиттэкером, говорю о своей тревоге. Отвечает, что ему из аэропорта ничего не сообщали, но он сам проверит и передаст мне ответ. Через некоторое время он позвонил: кролики найдены и теперь находятся у него. Судя по всему, в сопроводительных бумагах чего-то не хватало, и клетки сунули в первый попавшийся ангар, пока чиновники играли в бюрократическую чехарду. Мистер Уиттэкер заверил меня, что кролики живы-здоровы – он их сам осмотрел, – только немного напуганы. Сегодня уже поздно отправлять их на Джерси, он оставляет их на ночь в приюте, а завтра утром проследит за погрузкой в самолет.

Когда клетки прибыли в зоопарк, мы, сдерживая нетерпение, осторожно сорвали мешковину и заглянули внутрь. Раз, два, три, четыре – пять живых, хотя и несколько озадаченных кроликов. И один мертвый. Достали их, определили пол. Нужно ли говорить, что мертвый оказался самцом. Из пяти живых – четыре самки и один самец.

Ярость моя не поддается описанию. Я не сомневался, что причина гибели второго самца – дурацкая задержка в аэропорту. Новых тепоринго разместили отдельно от первой группы, им предстояло еще пройти положенные испытания.

Я мерил шагами свой кабинет, соображая, как подобраться к Лондонскому аэропорту, чтобы взорвать его ко всем чертям. Вдруг меня осенило. Среди членов треста были председатель Британской европейской авиакомпания сэр Джайлз и леди Гатри; оба они с живым участием относились к нашей работе и не однажды выручали нас. Я взял телефонную трубку. Оказалось, что сэр Джайлз выехал в Швейцарию, но леди Гатри была дома. Я рассказал ей про случай с вулканическими кроликами и объяснил, почему не хочу оставить это дело без внимания: нам еще могут присылать редких животных, и, если они опять застрянут в Лондонском аэропорту, история может повториться.

– Ни за что! – горячо произнесла леди Гатри. – Этого нельзя допускать! Я сама прослежу. Как только вернется Джайлз, напущу его на них.

Так она и сделала. Целую неделю я получал письма от разного ранга чинов Лондонского аэропорта, которые всячески извинялись за промашку с кроликами. И то хорошо: впредь любой адресованный нам груз автоматически включит, как говорится, сигнальную лампочку в мозгу чиновников... Но никакие извинения не могли воскресить нашего тепоринго.

Новое пополнение выдержало испытательный срок, и можно было приступать к самому главному. Мы регулярно осматривали крольчих и, когда подходило время, помещали к ним самца на несколько часов. И следили в оба, потому что у тепоринго крайне сварливый нрав, – чего доброго, какая-нибудь из крольчих прикончит его, и останемся мы совсем без самца.

И вот настал день, когда мы увидели, что одна из крольчих устроила в своем спальном отделении гнездышко из соломы, выстлав его собственной шерстью. А в гнездышке лежали два крольчонка. Вот радость!

За малышами установили повседневное наблюдение, росли они хорошо, и мы все больше задирали нос. Да, видно, слишком возомнили о себе, потому что судьба, как нередко бывает в таких случаях, не замедлила преподнести нам несколько неприятнейших сюрпризов.

Во– первых, Джил однажды утром обнаружила, что один из крольчат погиб – каким-то непонятным образом обмотал себе шею прутиком боярышника и задохнулся. Остался один малыш, да и тот был самочкой.

Потом умер взрослый самец. Вскрытие показало, что причиной его смерти был кокцидиоз – заболевание, которое очень трудно распознать на ранних стадиях. Поскольку все крольчихи соприкасались с ним, мы для профилактики немедленно дали им сульфамезатин. Тем не менее две из них погибли от той же болезни.

В итоге мы, что называется, вернулись на исходные позиции. Есть самки – и ни одного самца. Правда, только что был подготовлен и напечатан пятый выпуск нашего «Ежегодника» с полным отчетом о мексиканской экспедиции и фотографиями крольчихи с крольчатами. Я послал экземпляры д-ру Корсо и д-ру Моралесу. И, конечно, Диксу Бранчу. Заодно я написал Диксу и спросил, согласен ли он сам заняться охотой на тепоринго, если мне удастся получить разрешение мексиканских властей. В ответном письме Дикс заверил меня, что сделает все возможное. Тогда я снова обратился к д-ру Моралесу, написал о наших злоключениях, объяснил, что у нас остались одни крольчихи и нельзя получить приплод, но все же есть кое-какие результаты, так что мы трудились не впустую. Например, удалось доказать, что тепоринго можно содержать в неволе, притом на совсем непривычных для них, малых высотах. Установлено также, что вулканические кролики размножаются в неволе. Получены важные данные по патологии тепоринго; в частности, не исключено, что наблюдавшаяся нами форма кокцидиоза присуща только этим животным. Уточнены сроки беременности. Словом, мы вправе говорить скорее об успехе, чем о провале нашего опыта. Так, может быть, Диксу Бранчу будет позволено отловить для нас еще несколько тепоринго? К моей великой радости, д-р Моралес прислал в ответ любезнейшее письмо: учитывая наши результаты, он, конечно же, выдаст Диксу разрешение на отлов кроликов.

Надеюсь, нам не придется долго ждать, и мы добьемся своего, пополнив коллекцию треста плодовой колонией этих симпатичных маленьких зверьков...

10. Пусть здравствуют животные

*Продолжая губить природу,
человек рубит сук, на котором
сидит, ведь разумная охрана
природы – это и охрана
человечества.*

**«Исчезнувшие и исчезающие
животные»**

С книжных полок в моем кабинете на меня постоянно глядят два толстых, увесистых красных тома. Они первыми встречают меня утром и последними провожают вечером, когда я закрываю кабинет на ночь. Речь идет о «Красных книгах», публикуемых Международным союзом охраны природы. Один том посвящен млекопитающим, другой – птицам, в них перечислены современные млекопитающие и птицы, которым грозит вымирание, и в большинстве случаев в этом прямо или косвенно повинен человек. Пока что «Красных книг» две, но скоро в скорбную шеренгу станут еще тома, один включает пресмыкающихся и амфибий, другой – рыб, третий – деревья, кустарники и травянистые растения.

Один репортер спросил меня:

– Скажите, мистер Даррелл, сколько же все-таки видов животного мира находится в опасности.

Я подошел к полке, снял с нее тяжелые красные тома и бросил ему на колени.

– Не знаю точно, – сказал я. – У меня не хватило духу подсчитать.

Он поглядел на «Красные книги» и поднял на меня глаза, полные ужаса.

– Бог мой! Неужели все они под угрозой?

– Здесь еще только половина, – объяснил я. – только птицы и млекопитающие.

Он явно был потрясен. Дело в том, что по сей день большинство людей не осознают, до какой степени мы разоряем мир, в котором обитаем. Мы ведем себя, словно малолетние недоумки, оставленные без присмотра в бесподобном, изумительном саду и медленно, но верно превращающие его в бесплодную пустыню помощью ядов, пил, серпов и огнестрельного оружия. Вполне возможно, что за последние недели с лица Земли исчезло еще одно млекопитающее, еще одна птица, еще одна рептилия, еще одно растение. Я надеюсь, что это не так, но я точно знаю, что еще чьи-то дни уже сочтены.

Наш мир так же сложен и так же уязвим, как паутина. Коснитесь одной паутинки, и дрогнут все остальные. А мы не просто касаемся паутины, мы оставляем в ней зияющие дыры, ведем, можно сказать, биологическую войну против окружающей среды. Без нужды сводим леса, создаем очаги пыльных бурь и ветровой эрозии, изменяя тем самым климат. Засоряем реки промышленными отходами, загрязняем моря и атмосферу.

Когда заводишь речь об охране природы, люди тотчас заключают, что ты, страстный любитель животных подразумеваешь только пушистого коалу или что-нибудь в этом роде. Нет, охрана природы подразумевает совсем не это. Речь идет об охране всего живого на Земле, будь то дерево, трава или сам человек. Напомню о племенах, которых весьма успешно истребили за последние несколько столетий. И о других, которые находятся на грани вымирания сегодня: индейцы Патагонии, эскимосы... С нашей близорукостью, с нашей алчностью и глупостью мы в ближайшие полвека, а то и раньше станем виновниками того, что на Земле будет просто невыносимо жить.

Я-то больше всего занимаюсь охраной животных, но мне очевидно, что охранять надо и места их обитания, ведь, уничтожая среду, можно истребить животное так же успешно, как и с помощью ружья, капкана, яда. Когда меня спрашивают (а спрашивают часто), почему я принимаю все

это так близко к сердцу, я отвечаю: наверно, потому, что мне очень посчастливилось, наш мир всегда даровал мне бездну радости. Я чувствую себя в долгу перед ним, и хочется как-то оплатить этот долг. Мой ответ вызывает у людей замешательство, словно я сказал что-то непристойное. Мне же хочется, чтобы побольше людей чувствовали себя в долгу перед природой и стремились вернуть хоть частицу долга.

Среди множества писем, получаемых мной ежедневно, неизменно есть письма об охране природы. Меня спрашивают, так ли она необходима на самом деле. Так вот, повторяю: я считаю, что природу необходимо охранять. По-моему, это одно из самых не обходимых дел в мире, где столько делается зря. Ошибается тот, кто считает, что поборники охраны природы устраивают много шума из ничего.

Приходят письма и от людей, которые, судя по всему, никогда не обращали свой взгляд на окружающий мир. Им понятны только цифры, лишь цифры на бумаге могут их убедить. Таким людям я сообщаю цифры. Здесь очень ярким примером опустошительной деятельности человека служит судьба двух животных североамериканского континента.



Когда в Северную Америку пришли европейцы, они застали там самые многочисленные скопления животных, какие когда-либо знал человек. Речь идет о двух видах фауны, один из них – американский бизон. Сначала его убивали ради

мяса. Потом стали убивать из политических соображений, стремясь уморить голодом индейцев, для которых бизон был одним из главных источников существования, даже кости и кожа шли в дело. Пресловутый Буффало Билл, он же Вильям Коди, в один день застрелил двести пятьдесят бизонов... В районах, где водились бизоны, смрад от гниющих туш вынуждал пассажиров закрывать окна поездов. Потому что в это время бизонов убивали уже только ради языка – он считался изысканным лакомством, – а туши бросали. К счастью, бизона вовремя спасли от полного уничтожения, но что значат жалкие остатки перед миллионами величественных животных, которые некогда с грохотом проносились по североамериканским прериям!

Второй вид – странствующий голубь. Вероятно, это был самый многочисленный вид пернатых, какой когда-либо существовал и будет существовать на свете. Стаи голубей, числом до двух миллиардов, затмевали небо. Садясь на деревья, они своим весом обламывали толстые сучья. Казалось, их просто невозможно истребить. Вон их сколько, а мясо такое вкусное... И началось избиение странствующего голубя. Стреляли взрослых птиц, забирали из гнезд птенцов и яйца. В 1869 году только в одном районе было поймано семь с половиной миллионов голубей. В 1878 году в штате Мичиган убили **миллиард** птиц. Их же «невозможно» истребить! Они слишком многочисленны, слишком интенсивно размножаются!

Последний странствующий голубь умер в зоопарке штата Цинциннати в 1914 году.

Истребить вид – на это у человека всегда ума хватит, но еще никто не придумал, как возродить уничтоженных животных. Да и мало кого это волнует. Находятся даже ученые мужи от зоологии, которые утверждают, будто речь идет о естественном ходе эволюции – дескать, данное животное все равно вымерло бы и без нашей помощи.

Я с этим решительно не согласен. Называть это естественным ходом эволюции – вздор. Или уловка. Все

равно что сказать человеку, истекающему кровью: «Понимаешь, старина, у нас крови сколько угодно, но мы не можем сделать тебе переливание, потому что тебе положено сейчас умереть».

– Но ведь так было прежде, – возразят мне, – теперь так не бывает. Теперь созданы всякие там заповедники для охраны животных, с истреблением покончено.

Для просвещения тех, кто в это верит, приведу еще несколько свежих данных. Ежегодно убивают 60-70 тысяч китов. И сколько ученые ни предупреждают, что при таких темпах некоторые виды китов вскоре исчезнут и самому китобойному промыслу придет конец, избиение продолжается. Можно подумать, что девиз китобоев – «Наживайся сегодня, и черт с ним, с завтрашним днем!» [Страны, ведущие китобойный промысел, приняли решение с сезона 1975/76 годов прекратить промысел в открытом океане финвала – последнего из китов, находящегося под угрозой уничтожения. Еще раньше был полностью запрещен промысел синих, или голубых, китов, а с 1936 года запрещен промысел серых и гладких китов. Строго ограничен промысел кашалотов, сейвалов и малых полосатиков. – Прим. ред.]

Есть много способов истребить животное. Не обязательно убивать его ради меха, или мяса, или как вредителя. На Востоке было известно несколько видов носорога, теперь большинство из них представлено от силы сотней-другой особей. Почему? Да потому, что есть дурацкое поверье, будто измельченный рог, если принять его внутрь, возвращает силу престарелым мужчинам и делает их привлекательными для юных девиц. И это в одной из частей света, где перенаселенность так велика, что надо бы подумать не о стимуляторах, а о противозачаточных средствах. В Индии, на Яве и Суматре носорог практически уничтожен, теперь принялись за африканские виды. Не сомневаюсь, что африканские носороги очень скоро канут в небытие.

Или взять тихоокеанского моржа. Он был для эскимосов источником пищи, а клыки они использовали для

замечательной, тончайшей резьбы. Однако стоило нашим умникам «открыть» эскимосское искусство, как началось повальное увлечение им, и теперь на моржа охотятся только рад» клыков, причем с таким рвением, что скоро моржей вовсе не останется. Они уже внесены в списки угрожаемых видов. [Промысел моржа также строго лимитирован и в СССР, и в США. Благодаря строгим мерам охраны, вступившим в действие с 1956 года, численность моржей в Беринговом, Чукотском и Восточно-Сибирском морях, видимо, стабилизировалась и составляет не менее 50 000 голов. В последние годы отмечается восстановление некоторых ранее покинутых моржами лежбищ. Охрана этого вида в условиях развивающегося хозяйственного освоения Арктики, конечно, необходима, но ныне его нельзя отнести к числу вымирающих. – Прим. ред.]

Возьмем еще один пример глубокомыслия людей, ничего не смыслящих в природе. В Африке было решено, что вирус, вызывающий сонную болезнь, обитает в диких животных. И родился блестящий проект: для защиты человека и его невзрачного скота (который уничтожает подлесок и превращает обширные области в очаги пыльных бурь) истребить всех диких животных. Полмиллиона зебр, антилоп, газелей и других копытных погибли, прежде чем выяснилось, что переносчиками сонной болезни могут быть также все мелкие виды. Так что избиение полчищ великолепных животных было совершенно напрасным.

Люди негодуют, услышав, что на дорогах Великобритании ежегодно погибают около двух тысяч человек. Конечно, это трагедия. Но мало кто знает, что на дорогах ежегодно гибнут два миллиона диких птиц. Что жертвами автомашин на дорогах небольшого района, изучавшегося одним датским исследователем, оказались: 3014 зайцев, 5377 ежей, 11 557 крыс, 27 834 других мелких млекопитающих, 111 728 птиц, 32 820 земноводных. Причем речь идет, естественно, о шоссе, а если добавить проселки, цифру, наверное, придется утроить.

В любой стране, будь столько жертв среди людей, поднялся бы такой шум, такой бунт, что властям пришлось бы запретить автомобили и вернуться к конным экипажам. Нет, я вовсе не против машин, но ведь вы меня понимаете?

Люди не учитывают одного: если посмотреть на карту, мира и прикинуть, сколько места отведено заповедникам для животных, получатся какие-то крохотные точки, все остальное – исполинский заповедник для человека. И ведь мало учредить заповедник, нужны средства, чтобы он работал как следует. Но правительства большинства стран не склонны тратить деньги на охрану среды или фауны (разве что общественность очень уж негодует и речь идет о защите особенно симпатичного животного). А многие правительства попросту не располагают нужными средствами.

Не подумайте, что я сгущаю краски. Я мог бы всю эту книгу наполнить потрясающими цифрами, свидетельствующими, что из всех населявших Землю созданий, будь то гигантские хищные рептилии далеких эпох или современные плотоядные, самое свирепое, беззащитное и кровожадное – человек. И ведь он сам себе наносит невосполнимый ущерб своим поведением. Это самоубийство: устроив животному миру кровопускание, мы убиваем себя.

Конечно, как я уже говорил, существуют национальные парки, заповедники и тому подобное. Но разрешите привести еще одну цитату из превосходной книги «Исчезнувшие и исчезающие виды», откуда мной взят эпиграф к заключительной главе. «Охранные меры, принимаемые правительством, имеют смысл только тогда, когда выделяются средства, чтобы эффективно проводить их в жизнь».

Можно простить нашим предкам их прегрешения, говоря: «Они не ведали, что творили». Но мы-то, сыны технологического века, коим мы так гордимся, вправе ли мы простить себе то, что сейчас творим, творим упорно, невзирая на протесты мыслящих людей – будь то зоологи, экологи,

специалисты по охране природы или просто рассудительные и прозорливые граждане? Мы высадились на Луне – это выдающееся достижение. Но для чего? Только ради каких-то минералов или чтобы с этого огромного сияющего трамплина шагнуть на другие планеты, где могут оказаться свои формы жизни? Но если мы и на других планетах будем творить такое же безобразие, как на своей, тогда, право же, лучше было огромные средства, израсходованные на космические исследования, обратить на исцеление недугов матушки Земли, вызванных нами же.

Проблема охраны животных и среды (как ради нас самих, так и ради наших потомков) – велика и сложна, ох, как сложна. На свете есть немало стран, где, как я говорил, животные охраняются только на бумаге, потому что власти, утвердив закон об охране, не дают достаточно денег на организацию заповедников. А если даже учредят заповедник – не отпускают средств, без которых он не может как следует работать. В одной стране я спросил, какие там есть заповедники. Деятель, ответственный за охрану животных, гордо развернул огромную карту, испещренную зелеными пятнами. Вот, дескать, все это заповедники! Тогда я осторожно осведомился, изучались ли они зоологами, или экологами, или биологами, чтобы точно знать, что именно эти районы в первую очередь надо объявить заповедными. Что вы, ответили мне, на это нет средств. Так, может быть, зеленые пятна исследованы с другой точки зрения: есть ли в этих местах вообще животные и стоит ли устраивать там заповедники? Нет, и этого не сделано, не на что нанять специалистов... Хорошо, а как налажен контроль? Да никак – нет денег на егерей и объездчиков... Прекрасная карта, вся в зеленых пятнах, выеденного яйца не стоила.

Повторяю, на отсутствие денег жалуются чуть ли не во всех странах, где приняты законы об охране среды и фауны. А ведь есть еще и страны, где таких законов вовсе нет. Энтузиасты охраны природы отдают себе в этом отчет и всячески стараются исправить положение, однако дело

подвигается очень медленно. Боюсь, к тому времени, когда наконец будет налажена действенная охрана природы и животных, многие виды уже исчезнут с лица Земли.

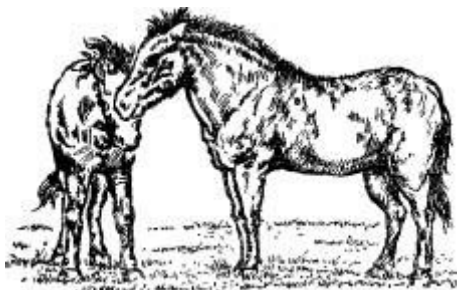
В большинстве просвещенных стран есть множество клубов, групп и обществ, будь то для орнитологов или натуралистов широкого профиля, которые трудятся изо всех сил, стараясь спасти местную фауну. Есть и более крупные организации, вроде Международного союза охраны природы, Всемирного фонда охраны животных. С радостью могу сказать, что во многих случаях они добиваются успеха. Например, ими спасена в Испании огромная область Гвадалквивира – 625 тысяч акров. В Австралии они обнаружили кустарниковую птицу, которая считалась вымершей. К сожалению, ее гнездовье помещалось в районе, который отвели под застройку. Пятнадцать лет назад птица стала бы жертвой собственной опрометчивости, теперь же планы строительства пересмотрели и район объявили заповедником.

Так что просветы есть, однако их слишком мало, темные пятна преобладают.

А пока мы боремся за сохранение животных в их естественной среде, можно сделать и еще кое-что. То самое, для чего учрежден наш трест. Многие виды спасены от гибели благодаря тому, что их разводят в специализированных зоопарках. Конечно, это самый крайний выход, но он хоть помогает сберечь вид в надежде, что когда-нибудь охрана природы на родине вида станет настолько эффективной, что можно будет, используя плодovitый фонд, возродить там популяцию.

Список животных, спасенных таким образом, достаточно внушителен. Возьмем оленя Давида, или милу, истребленного в Китае во время Боксерского восстания. К счастью, герцог Бедфордский собрал по зоопаркам Европы всех сохранившихся милу и перевез их в свое поместье Вобэрн, где они отлично прижились. Теперь стадо настолько велико, что появилась возможность рассредоточить

плодовитый фонд по разным зоопаркам мира. А недавно эти редкие животные были отправлены и на родину, в Китай. Если там сумеют добиться их размножения, можно будет устроить для милу заповедник с надежной охраной; таким образом, олень Давида вернется в свою естественную среду.



Другой пример – гавайская казарка. Эта прекрасная птица почти вымерла, но разумная позиция гавайских властей и прозорливость Питера Скотта спасли ее от верной гибели.

Назовем еще европейского зубра, американского бизона сайгака, лошадь Пржевальского. Но куда больше видов, остро нуждающихся в такой помощи.

Наш трест именно этим и занимается. Конечно, он всего лишь колесико в сложном современном механизме охраны природы, но мы надеемся, что колесико достаточно важное. Наша задача – не просто содержать в неволе животных. Для меня трест – резервуар, своего рода стационарный ковчег, в котором мы надеемся содержать и разводить наиболее угрожаемые виды, с тем чтобы в будущем вернуть их на родину. Я был бы счастлив завтра распустить трест за ненадобностью. Но, боюсь, он сейчас крайне нужен, и хотелось бы видеть побольше таких трестов в других странах.

Как уже было сказано выше, я посвятил этому делу всю свою жизнь, в него вложено немало моих денег, а потому я не стесняюсь обратиться за помощью к тебе, читатель. Если ты прочел эту книгу с удовольствием, если тебе пришлось по душе хоть одна из моих книг, разреши заметить, что они не

были бы написаны, не будь на свете животных! Но сейчас многие из этих самых животных находятся в опасности, если им не помочь – они исчезнут. Я делаю, что могу, но я не справлюсь без твоей помощи.

Если тебе по каким-то причинам не подходит мой трест, умоляю тебя – вступай в любую организацию, которая хоть как-то пытается остановить разорение Земли, и приводи с собой своих друзей. Сделай все, что в твоих силах, не давай покоя твоим депутатам, если тебе покажется, что происходит неразумное покушение на среду, что какое-то растение или животное находится под угрозой и не охраняется как следует. Пиши негодующие письма. Старайся расшевелить власти. Действуй по принципу: если кричать достаточно громко и достаточно долго, кто-нибудь да услышит. Помни, что у растений и животных нет депутатов, им некому писать, они не могут устроить забастовку, даже сидячую, за них некому заступиться, кроме нас, людей, которые вместе с ними населяют эту планету, но не являются ее собственниками.